

МИХАИЛ БОЛТУНОВ

РАЗВЕДЧИКИ,
ИЗМЕНИВШИЕ
МИР

Annotation

М. Е. Болтунов, военный журналист, полковник, вот уже почти два десятилетия остается верен раз выбранной теме, — по сути, он стал уже историком российских спецслужб. Его очередная книга посвящена разведчикам, «изменившим мир»: сотрудникам ГРУ, выполнявшим наиболее ответственные миссии за границами СССР. Сверхсекретные программы вооружений стран НАТО, военные тайны бундесвера, американское ядерное оружие — информация, добытая офицерами ГРУ, была настолько важной, что позволяла Советскому Союзу навязывать своим соперникам собственные правила игры на международной арене.

- [М. Е. Болтунов](#)
 - [Предисловие](#)
 - [Приказ: «Тайно похитить атамана...»](#)
 - [Советский разведчик — он же американский миллионер](#)
 - [Настоящий полковник — из ГРУ](#)
 - [Гроза для террористов](#)
 - [Наш человек в Вашингтоне](#)
 - [Как добыть «ключи от ада»?](#)
 - [Кеннеди — Хрущев: секретный канал связи](#)
 - [Тюрьма в стране тюльпанов](#)
 - [Рядовой военной разведки](#)
 - [«Служу Отечеству»!](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

М. Е. Болтунов

Разведчики, изменившие мир

Предисловие

Мир надо беречь от содроганий. И разведка понимает это, как никто другой. Поэтому и хранит свои тайны ревностно и непреклонно. Особенно отличается тут военная разведка.

Случаются, правда и приятные исключения. В середине 90-х годов мне удалось встретиться с начальником Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил России генералом Валентином Корабельниковым.

О чем говорил я с главой военной разведки? О том, что кумирами наших детей и внуков становятся чужие герои — голливудские Никита и Рембо. Пройдет десяток лет, и эти любители американских боевиков, вскормленные на жестокости и крови, воспитанные заокеанской субкультурой, придут в наши военные училища, в армию, в том числе и в разведку.

Мне показалось тогда, я был понят. Во всяком случае, получил доступ в святая святых военной разведки — спецархив ГРУ.

Работая с архивными документами, встречаясь с ветеранами ГРУ, узнавал о таких людях, что диву давался: как можно десятилетиями скрывать, держать в тайне столь удивительные, героические, и в то же время поистине трагические судьбы.

Открывает книгу рассказ об одной из первых спецопераций военной разведки под руководством Василия Давыдова — заведующего Джаркентским пунктом Разведупра РККА. Молодой талантливый разведчик сумел внедрить своих агентов в окружение атамана Дутова и организовал его похищение. Однако в ходе перестрелки Дутов был убит. Шел февраль 1921 года.

Эта операция стала началом работы советских спецслужб по ликвидации лидеров белого движения. В 1922 году ранен и скончался генерал Виктор Покровский, в 1928-м в пищу барона Петра Врангеля добавлен туберкулин, от чего вскоре генерал умер, в 1930-м похищен генерал Александр Кутепов, в 1937-м — его преемник на посту председателя РОВС Евгений Миллер.

Сегодня к этой весьма специфической деятельности спецслужб отношение не однозначное, но надо признать: серия подобных операций изменила мировой политический ландшафт. Советская власть избавилась от злейших врагов и утвердила свое влияние в мире.

30-е годы были уже иными. Военная разведка не привлекалась к работе по похищению и ликвидации руководителей белого движения. Эту миссию выполняли, как правило, агенты Иностранного отдела НКВД, специальной группы Якова Серебрянского.

Разведупр Красной Армии занимался своим делом — добыванием разведданных, без которых невозможно представить деятельность любого государства. Однако надо сказать, что некоторые разведорганизации сами становились своего рода государством в государстве. Таким мощным организмом стала разветвленная сеть так называемых «мобилизационных коммерческих предприятий Разведуправления Красной Армии». Эту сеть много лет создавал и возглавлял корпусной комиссар Стефан Мрочковский. «Предприятия» располагались по всей Европе — в Германии, Польше, Англии, на Дальнем Востоке, в США, Канаде. Один из ветеранов ГРУ назвал это «самым гениальным проектом военной разведки за всю ее историю». Доходы фирм, созданных Мрочковским, уже в 1932 году исчислялись миллионами долларов. Стефан Иосифович умело изымал по миллиону в год и направлял на нужды Разведуправления, в госказну. На эти деньги закупались новейшие образцы зарубежной техники и оружия, велась разведывательная деятельность.

Полковник Георгий Большаков работал за рубежом в другие годы. Большаков в сложные, взрывоопасные месяцы Берлинского, а потом Карибского кризисов, когда СССР и США находились на грани ядерной войны, являлся своеобразным каналом связи между Президентом США Джоном Кеннеди, его братом Робертом и руководителем нашей страны Никитой Хрущевым. Как осуществлялась эта связь и какую роль в ослаблении советско-американского противостояния сыграл военный разведчик Георгий Большаков, читайте в книге.

...Дела и судьбы разведчиков. Мы порой и предположить не можем, какую важную, а иногда и решающую роль играют они в жизни нашего Отечества.

Собственно, об этом и рассказывает книга, которую вы держите в руках. Надеюсь, вы прочтете ее с интересом и несомненной пользой.

Автор

Приказ: «Тайно похитить атамана...»

Зимой 1920 года на стол полномочного представителя ВЧК в Туркестане Якова Петерса легло оперативное донесение начальника Верненского отделения Разведуправления РККА. Ссылаясь на данные агентуры Джаркентского пункта под руководством Василия Давыдова, военные разведчики сообщали о письме атамана Дутова. А писал атаман не кому-нибудь, а главе ферганских басмачей Иргашу. И судя по всему, делал он это уже не в первый раз.

«В 1919 году летом, — напоминал Дутов, — ко мне прибыл генерал Зайцев, который передал ваш поклон мне. Я, пользуясь тем, что из Омска от адмирала Колчака едет миссия в Хиву и Бухару, послал с ней вам письмо, халат с есаульскими эполетами, погоны и серебряное оружие и мою фотографию, но эта миссия, по слухам, до вас не доехала...»

Петерс на мгновение оторвал глаза от бумаг. «Значит, наши данные были верны. Атаман Дутов действительно принял Иргаша в оренбургские казаки, дал чин есаула и теперь одаривал басмача погонами и оружием».

Полпред ВЧК усмехнулся: «Знатный будет казак», — и продолжил чтение.

«В третий раз пытаюсь связаться с вами, — досадовал Дутов, — ныне я нахожусь на границе Китая и Джаркента в г. Суйдун. Со мной отряд всего до 6000 человек. Теперь я только жду случая ударить на Джаркент. Для этого нужна связь с вами и общность действий. Буду ждать вашего любезного ответа».

Яков Петерс захлопнул папку с документами.

Да, атаман Дутов становился по-настоящему опасным. Били его Блюхер с Ермаковым под Оренбургом зимой восемнадцатого года, да не добились. Бежал в Верхнеуральск. Собрал силы и опять двинул на Оренбург.

Блюхер вновь разгромил его белоказаков, загнал в Тургайские степи. Опять не уgomонился атаман. Летом вместе с белочехами захватил Оренбург. Пришлось еще раз всыпать генералу Дутову, теперь уже под Актюбинском.

Нет, ни разгромы, ни «Голодный поход» остатков его армии Александру Ильичу не впрок. Теперь в Китае объединяет под общим крылом все белогвардейские отряды, налаживает контакты с командующим Добровольческой армией Врангелем, с английской разведкой, а ныне, как ясно из письма, и с азиатским басмачеством. И ждет случая ударить по

Джаркенту.

«А мы чего ждем? — задал сам себе вопрос Петерс. — Пока атаман Дутов действительно ударит?»

Через четверть часа он пригласил секретаря.

— Вызовите ко мне начальника Верненского отделения Разведупра Пятницкого и начальника Джаркентского пункта Давыдова.

Так военные разведчики, и конкретно Василий Давыдов, получили приказ: разработать спецоперацию, в ходе которой похитить атамана Дутова, доставить его на территорию подконтрольную большевикам, и предать суду военного трибунала.

Однако дело это оказалось крайне сложным. Под командой генерала Дутова было несколько тысяч штыков. Немалая сила. И, разумеется, его охраняли должным образом. Да и располагались они в Китае, на чужой территории. Сам Александр Ильич, опытный вояка, участник Первой мировой войны, руководил дивизионом, позже назначен командиром казачьего полка. Был ранен, дважды контужен, временно лишился слуха и зрения.

Потомственный военный, родился в семье генерал-майора, закончил Оренбургский Николаевский кадетский корпус, кавалерийское училище, академию Генерального штаба. Так что Дутов прекрасно осознавал, какая опасность ему грозит. Тем более что к 1920 году он крепко насолил большевикам. Еще в ноябре 1917 года, когда многие были в растерянности, атаман знал, что делать, — он поднял антисоветский мятеж в Оренбурге, арестовал нескольких видных большевиков во главе с председателем Совета рабочих и солдатских депутатов Коростелевым.

А потом три года жестоко воевал с большевиками. Бивали его, однако бивал и он. И даже выброшенный за пределы России не смирился с поражением. Антибольшевистские выступления в гарнизоне города Верного (Алма-Ата), бунт в 5-м пограничном полку и захват власти в Нарыне — его рук дело. Большевики не могли этого не знать. А значит, можно просчитать их реакцию. Генерал Александр Дутов, конечно же, просчитывал ее и укреплял охрану. Более того, работал на опережение. У него уже были свои агенты в штабе Туркестанского военного округа.

Не повезло атаману только в одном. Ему попался очень сильный соперник — Василий Давыдов. Он не учился в кадетском корпусе, в военном училище, в академии. У него не было такой возможности, да и по возрасту Давыдов очень молод. В 1920–1921 годах, когда они противостояли друг другу, генералу Дутову исполнился 41 год, Давыдову всего 22. В сущности, мальчишка. Но очень талантливый мальчишка.

Это потом, через полтора десятка лет Давыдов станет бригадным комиссаром, правой рукой великого «Старика» Яна Берзина. Но пока он начальник Джаркентского разведпункта и ему поставлена очень сложная задача — выкрасть генерала Дутова.

Давыдову всего 22 года, но за спиной серьезный военный опыт. Четыре года назад он уходит на фронт бойцом, становится помощником командира отряда. Воюет на ферганском направлении, против банд курбашей и басмачей, потом против войск Колчака под Оренбургом.

Осенью 1919 года его из-под Оренбурга перебрасывают под Семиреченск, где Василий сражается с белогвардейцами Анненкова и Дутова. Из экспедиционного отряда, в котором воевал Давыдов, разворачивают батальон, из батальона — 26-й Туркестанский полк. Здесь Василий занимает должности адъютанта полка, помощника командира батальона, помощника командира полка. Весной 1920 года он уже исполняет обязанности командира полка.

С этой должности Давыдов и попадает в разведку Туркестанского фронта, назначается начальником Джаркентского разведывательного пункта и одновременно председателем РВС г. Джаркента. Как раз того самого Джаркента по которому ждал случая ударить генерал Дутов.

Однако не успел. Поскольку опередил его Давыдов.

* * *

Надо отдать должное — Яков Петерс, понимая всю трудность предстоящей спецоперации, объединил усилия военных разведчиков и местных чекистов. Позже к подготовке и проведению операции подключился начальник Джаркентской уездной ЧК.

Разведпункт Давыдова располагался на расстоянии одного перехода до китайской территории, где укрылся Дутов. Эту близость использовал начальник пункта. Он провел тщательную работу по добыванию сведений о количестве бойцов в полках Дутова, их вооружении, моральном духе, а также планах его штаба.

К тому времени Василию Давыдову удалось внедрить своего агента в контрразведку Дутова, который регулярно сообщал о жизни атамана, его пристрастиях, порядках, бытующих в ближайшем окружении. Начальник разведпункта ценил и берег агента, и потому на встречи с ним ходил лично. Были такие встречи и в Кульдже, и в Суйдуне.

Пробиться к генералу Дутову сумел и сотрудник Джаркентской

милиции Касымхан Чанышев, подготовленный Давыдовым и начальником уездного ЧК Суворовым. До 1917 года Чанышев носил княжеский титул, руководил местной жандармерией. После революции перешел на сторону большевиков.

Военные разведчики и чекисты разработали для Чанышева легенду — он, недовольный советской властью, приезжает к атаману Дутову и предлагает свои услуги по подрывной деятельности на территории подконтрольной большевикам.

Вскоре Чанышев убывает в Китай, в Кульджу, где у него немало родственников. Эта поездка не вызывает подозрений у контрразведки Дутова. Касымхан находит в Кульдже своего друга детства офицера Аблайханова, который служит в штабе генерала Дутова и является его личным переводчиком.

Чанышев просит старого друга устроить ему прием у Дутова. Тот помогает Касымхану, и атаман действительно вскоре принимает у себя Чанышева.

Надо отдать должное опыту бывшего жандармского офицера. Несмотря на всю осторожность и подозрительность Дутова, Чанышеву удалось убедить генерала в своем желании бороться с большевиками. Возможно, помогло и то, что Дутов очень нуждался в своих людях на той стороне, особенно в Джаркенте, который был выбран им главной целью для нанесения удара.

Словом, Чанышев получил задание возвратиться в Джаркент, подбирать и готовить людей для восстания, постоянно посылая Дутову развединформацию о положении дел в городе.

Связным у Чанышева стал Мукай Ходжамиаров. Он часто бывал в штабе генерала Дутова. Его сопровождали чекисты Ашурбакиев, Баймысаков, Кадыров. Таким образом, Ходжамиарова теперь хорошо знала охрана Дутова, его адъютант, да и сам атаман. Он доставлял «ценные» сведения с той стороны.

* * *

В начале января 1921 года, когда вооруженное выступление частей генерала Дутова было уже подготовлено и могло вскоре начаться, в Суйдун прибыла первая диверсионная группа красных. Однако ей не повезло. Как раз в эти дни разгорелся бунт одного из маньчжурских полков, и китайские генералы ввели в городе осадное положение. Было запрещено

передвижение по улицам даже днем.

Группа возвратилась, не выполнив задания.

Вскоре снарядили вторую экспедицию. Руководство операцией возлагается на Василия Давыдова, непосредственно диверсионную группу возглавлял Касымхан Чанышев. Однако в день отъезда военно-следственная комиссия Туркестанского фронта неожиданно арестовала самого начальника разведпункта Давыдова и руководителя группы Чанышева. Диверсанты убыли на задание без своего командира. Осуществлять общее руководства спецоперацией также было некому. Давыдов сидел в камере.

Как выяснилось позже, приказ на арест Давыдова и Чанышева отдал председатель военно-следственной комиссии Туркестанского фронта, бывший белогвардеец Рождественский. Он оказался агентом атамана Дутова. Узнав о готовящейся операции по ликвидации генерала, Рождественский сделал все возможное, чтобы сорвать экспедицию. И это ему первоначально удалось.

Разумеется, через своих людей Рождественский известил Дутова о готовящемся акте возмездия. Тот, в свою очередь, усилил охрану, прекратил приемы, даже приближенных офицеров отказывался впускать в дом.

Разведчики-диверсанты, оставшись без руководителя, также попали в сложную ситуацию. Они прибыли в Суйдун, но не знали, как подступиться к дому атамана, превращенную в крепость. Связи с руководством в Джаркенте тоже не было. Давыдов и Чанышев по-прежнему находились под арестом. Выполнение задачи затягивалось. А ведь белогвардейская контрразведка тоже не дремала.

1 февраля 1921 года по настоянию Давыдова и под его личную ответственность из-под стражи был освобожден командир диверсионной группы Касымхан Чанышев. Он сразу же выехал в Китай. Время, — на вес золота, и потому срок для проведения спецоперации по ликвидации атамана Дутова обозначили жесткими рамками — 7 дней.

Давыдов по-прежнему оставался под арестом в качестве заложника. Сорвись операция или окажись Чанышев предателем, — начальник разведпункта был бы немедленно предан суду. К счастью, не случилось ни того, ни другого.

* * *

Операцию назначили на 6 февраля. Роли распределили так:

Ходжамиаров с письмом от Чанышева проходит к генералу Дутову. В ходе передачи пакета Ходжамиаров должен оглушить атамана. В свою очередь, Баймысаков убирает часового у дверей Дутова. Вдвоем они запихивают атамана в мешок и несут к воротам крепости, где их вместе с лошадьми ожидают Ашурбакиев и Кадыров.

Если кто-то из окружения Дутова поинтересуется, что в мешке, ответить — он набит листовками с воззванием атамана к восстанию.

Сам Чанышев должен был прикрывать своих товарищей, укрывшись рядом с караульным помещением.

6 февраля рано утром члены диверсионной группы, одетые в форму белогвардейских войск, заняли свои места. Мукай Ходжамиаров вошел в дом к Дутову и передал ему письмо Чанышева.

Генерал раскрыл конверт.

«Господин атаман, — писал Касымхан, — хватит нам ждать, пора начинать. Все сделал. Готовы. Ждем только первого выстрела, тогда и мы спать не будем. Ваш Чанышев».

В этот момент крепкий удар обрушился на голову Дутова. Атаман упал, Ходжамиаров негромко окликнул Баймысакова. Тот уже успел убрать часового. Вместе они стали запихивать в мешок потерявшего сознание Дутова. Однако осуществлению их планов помешал неожиданно вошедший в кабинет адъютант генерала. Но он не успел выхватить оружие и был убит одним из диверсантов.

Ходжамиаров, понимая, что теперь вынести Дутова невозможно, двумя выстрелами в упор убил атамана. Он и Баймысаков выпрыгнули в окно и бросились туда, где вместе с лошадьми их ждали товарищи.

На выстрелы из караульного помещения выскочили казаки, но Чанышев открыл по ним огонь и на время задержал караульных.

Диверсантам благополучно удалось уйти из Суйдуна. А вскоре все участники спецоперации по ликвидации генерала Дутова были награждены — начальник разведпункта Василий Васильевич Давыдов — орденом Красного Знамени, остальные — именными золотыми часами.

В мае того же года части Красной Армии перешли границу Китая и ударили по бывшему лагерю Дутова. Белогвардейская группировка была разгромлена, и только небольшой их части удалось бежать.

В том же месяце Давыдов освобожден от должности начальника Джаркентского разведпункта и откомандирован в распоряжение Разведуправления РККА. Начался новый этап в его жизни. Впереди были многие годы упорного труда в центральном аппарате военной разведки в Москве. Он попал в отдел агентурной разведки, которым руководил Ян

Берзин. Когда в 1924 году Ян Карлович станет начальником Разведупра, Давыдов будет работать под руководством таких известных разведчиков, как Константин Звонарев, Рубен Таиров, Борис Мельников.

Все эти годы Василий Васильевич будет заниматься агентурной разведкой. На несколько лет станет у Берзина помощником для особых поручений, а потом вновь вернется в свой любимый агентурный отдел.

Советский разведчик — он же американский миллионер

Проект МСКП (международная сеть коммерческих предприятий) — без сомнения, одна из самых удачных разработок военной разведки, — начал осуществляться в 1920-х, когда Разведупр только-только становился на ноги. За рубежом стала создаваться сеть коммерческих предприятий, в 1928 году сеть возглавил Стефан Мрочковский. Как показало время, выбор был верный. Этому предприятию очень повезло на своего руководителя.

Почти полтора десятка лет умело и заботливо создавал, растил, пестовал он торговые фирмы, формально не связанные между собой, но имеющие единую финансовую структуру и талантливо руководимые одним директором. Сеть охватывала многие страны Западной Европы, Ближнего и Дальнего Востока — Германию, Францию, Англию, Польшу, Румынию, Ирак, Иран, Китай, даже Соединенные Штаты Америки и Канаду.

Военная разведка Советского Союза через своих сотрудников, тайных агентов, подставных лиц, которые находились на ключевых должностях в этих фирмах, осуществляла руководство МСКП и решила важнейшую задачу — обеспечение мобилизационной готовности ГРУ на период военного времени.

В мирное же время фирмы МСКП вели обычную коммерческую деятельность и являлись прикрытием и базой для агентурной работы.

Из архивных документов становилось понятным, что развитие и управление таким сложным предприятием требовало непосредственного участия Мрочковского в работе этих фирм.

В 1930 году Стефан Иосифович выезжает в длительную зарубежную командировку. К тому времени ему исполнилось 45 лет. Эти четыре с половиной десятка лет вобрали в себя многое — учебу в реальном училище в родном Елисаветграде (ныне г. Кировоград), что в Одесской области, на Украине, студенческие годы на юридическом факультете Харьковского университета, участие в революционном движении.

В 1917 году Стефан Мрочковский — председатель ревкома в Елисаветграде. В 1919-м схвачен денikinцами, посажен в тюрьму, но бежал. В 1920 году — он член харьковского губисполкома.

В ту пору выпускник юридического факультета университета был, что называется, на вес золота. А Мрочковский к тому же владел несколькими

иностранными языками. И поэтому уже с 1921 года ему доверяют работу в Международной комиссии по Рижскому договору. Должность у него высокая и ответственная — заместитель председателя делегации СССР. Одновременно Стефан Иосифович возглавляет комитет Всесоюзного совета народного хозяйства (ВСНХ) по реэвакуации иностранных предприятий. С 1925 года Мрочковский — председатель правления советских акционерных обществ «Берсоль» и «Метакхим», через которые осуществляются некоторые из закрытых программ советско-германского военного сотрудничества. Этот год совпадает с зачислением Стефана Мрочковского в штат Народного Комиссариата Обороны (НКО) СССР.

Теперь он периодически выезжает в зарубежные командировки по делам акционерных обществ, которыми руководит. Однако случаются и поездки иного рода, нелегальные, по линии Разведуправления РККА.

Справедливости ради надо сказать, что Мрочковский уже с 1921 года выполняет отдельные поручения военной разведки.

* * *

Итак, год 1930-й, длительная нелегальная командировка в Германию, в Берлин, где находится правление основной фирмы МСКП — немецкого акционерного общества «Востваг». Однако Мрочковский не засиживается в Берлине, он выезжает в разные страны, где располагаются филиалы, отделения, агентства МСКП. Ему надо решить сложнейшую задачу советской военной стратегической разведки — поставить на ноги и широко развернуть сеть коммерческих предприятий. Что, собственно он и делает. Судя по отчетам, уже в 1932-м годовые обороты фирм исчислялись миллионами долларов (!).

При этом Стефану Мрочковскому по специальным указаниям Центра удавалось умело, без вреда для бизнеса, изымать из оборота ежегодно до 1 миллиона долларов и направлять их в резерв Разведуправления, а также передавать на нужды советского государства. На деньги, заработанные фирмами МСКП, осуществлялись закупки новейших образцов военной техники и вооружения в разных странах мира.

А поскольку деньги были и деньги немалые — открылись широкие возможности дальнейшего развития МСКП, создания новых предприятий в тех странах, которые интересовали военную разведку. И Мрочковский не замедлил этим воспользоваться — создавались дополнительные линии агентурной связи, расширялась база для передвижения и легализации

агентов разведуправления, шло маневрирование финансовыми средствами.

В ходе этой работы накапливались необходимые коммерческие связи, как для нормальной деловой активности фирм, так и с перспективой работы в военный период, разумеется, с учетом приобретения новой военной техники и добывания ценной развединформации.

Что же касается самого Мрочковского, то вскоре он стал фактическим держателем основных капиталов фирм и предприятий, ему принадлежала большая часть акций.

«П. И. Берзина^[1], — напишет позже Наталья Звонарева, секретарь начальника Разведупра, — окружали талантливые помощники и сотрудники. К каждому из них он относился по-отцовски внимательно и строго. Особенно бережно он относился к С. И. Мрочковскому — выдающемуся разведчику-нелегалу. Когда поступало сообщение о его приезде в Москву (примерно раз в год), Берзин вызывал меня и предупреждал: «Проследи, чтобы лишние люди не встречались с ним. В комнату, где он будет работать, пропускать только сотрудников, с которыми он связан по службе...»

Стефан Иосифович, приезжая рано утром, неизменно говорил мне: «Наташа, милая, здравствуйте» — и проходил в комнату секретариата, в которой стояло два сейфа с его документами. Высокий, худощавый, с откинутыми назад прямыми волосами, в прекрасно сидящем на нем костюме, он выглядел истинным западным коммерсантом.

Поздно вечером он обычно заходил в кабинет Павла Ивановича, где они еще долго обсуждали служебные проблемы или просто беседовали. Мрочковский добывал ценнейшую информацию и снабжал управление крупными суммами валюты.

Как-то, проводив его, Павел Иванович сказал: «Ты не представляешь, Наташа, какую помощь оказывает нам Стефан Иосифович. Не знаю, как бы мы обходились без него...»

* * *

В подтверждение слов Звонаревой — документ, аттестация на Стефана Мрочковского, датированная 1934–1935 годами. Ее собственноручно написал Ян Берзин.

«Мрочковский Стефан Иосифович, — пишет Берзин, — весьма способный, преданный делу работник-коммунист. Обладал солидной общей подготовкой (юрист-экономист) и большим опытом практической

работы, он свои знания и опыт умеет прекрасно применять на деле. В течение ряда лет руководил крупным участком разведки, показал незаурядные способности организатора и администратора и добился крупных успехов.

Характер твердый, решительный, волевые качества хорошо развиты, хорошо разбирается в людях, умеет ими управлять и подчинять их своей воле. У подчиненных пользуется большим авторитетом и уважением. Быстро ориентируется в сложной обстановке и находит правильное решение. В трудных условиях проявляет большую выдержку, в то же время весьма осторожен, гибок и изворотлив.

Политическое развитие и подготовка прекрасные (старый партиец-подпольщик). От генеральной линии партии не отходил.

В личной жизни очень скромн, в общественной — хороший товарищ.
Общий вывод:

Занимаемой должности вполне соответствует. По своей подготовке, знаниям и способностям может руководить и более крупным участком работы. Может также быть использован на крупной работе по военно-хозяйственной линии».

Вот такая достаточно красноречивая аттестация. За этими, пусть и самыми высокими характеристиками не увидеть, не почувствовать всех сложностей и проблем нелегальной работы той поры. Зарабатывая миллионы долларов, как писал Берзин, «в личной жизни очень скромн». Однако далеко не все, с кем приходилось работать Мрочковскому, были честными, скромными, порядочными. Некоторые просто не выдерживали испытания долларом.

В документах ГРУ сохранилось письмо некой Цецилии Сойбельман. Она писала о своем муже комдиве Самуиле Нисоновиче Сойбельмане.

Весьма примечательный случай приводит вдова комдива. Начинает она словами: «Расскажу еще почти анекдот. Возвращаясь из Монголии, Сойбельман в поезде вышел из купе покурить. С ним заговорила молодая особа. Узнав, что он немец, она стала спрашивать его перевод некоторых слов.

Сойбельман отвечал на известные ему слова. Но вот она спросила: «А как по-немецки спички?» Он, не задумываясь, ответил: «Спичкас».

Она продолжала спрашивать. Снова несколько знакомых слов, а потом вопрос: «Как коньки?» «Коникес», — ответил он в том же духе. Она была удовлетворена.

По приезде в Москву Сойбельман рассказал этот эпизод в управлении, что вызвало дружный хохот».

Вот такой интеллеktуал-разведчик. Тут уж не хохотать впору, а плакать. Однако пассажи Сойбельмана с молодой особой в поезде и вправду оказались лишь забавным эпизодом, в сравнении с тем что сей «немец», не знающий простейших слов из «родного языка», совершил позже.

Неспроста Цецилия Сойбельман в первой же строке своего письма сообщает: «В 1929 году мы выехали в Берлин с тяжелым чувством: стычка с Мрочковским не предвещала ничего хорошего».

Теперь мы уже вряд ли узнаем, что это была за стычка и почему Мрочковский оказался недоволен своим подчиненным. Однако, судя по всему, Стефан Иосифович действительно хорошо разбирался в людях и был весьма прозорлив.

В справке на Сойбельмана, подготовленной одним из сотрудников ГРУ на основе архивных документов, говорилось:

«Сойбельман С. Н., 1895 г. рождения, уроженец г. Бельцы Молдавской ССР. В Красной Армии с августа 1918 года на должностях: комиссар снабжения 2-й армии Восточного фронта, начальник снабжения частей 1-й Конной армии.

В системе Главного Разведуправления с 1925 года. В период с 1925 по 1928 год находился в зарубежной командировке.

В конце 1929 года Сойбельман был направлен в командировку в Европу. При этом ему было выделено 52 тысячи американских долларов. Однако, вместо того чтобы приступить к решению поставленных задач, Сойбельман порвал связь с нашим представителем за рубежом и скрылся.

Впоследствии выяснилось, что Сойбельман вместе с женой выехал в одну из стран Латинской Америки».

Через четыре года, в 1934-м, Сойбельман вернется в Москву, но уже без денег. Он будет арестован ОГПУ. Вскоре с Лубянки в Разведупр придет протокол допроса Сойбельмана, из которого станет ясно: он признал самовольный разрыв с руководителями, которым был подчинен за границей, и отъезд в одну из стран Латинской Америки, прекращение выполнения заданий Центра, присвоение 52 тысяч американских долларов. Далее говорилось: Сойбельман рассматривает свой поступок как измену и предательство.

Самуил Сойбельман был осужден и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Уже в лагере в 1938 году его вновь осудили и расстреляли.

Вот такая трагическая история. Так что, судя по всему, стычка с Мрочковским была неспроста. А документ — лишь подтверждение, что и с такими людьми приходилось работать Стефану Иосифовичу.

Однако, несмотря ни на что, Мрочковский руководил глобальной сетью МСКП умело, твердо, высокопрофессионально.

С приходом Гитлера к власти в 1933 году супругам Мрочковским пришлось уехать из Германии во Францию. Поселились они в Париже, где и работали до 1940 года. По данным архивных материалов, ясно, что, решив поменять место жительства, Стефан Иосифович заранее перевел капиталы из Германии во Францию. Там же во Франции в 1939 году Мрочковского арестуют и посадят в концлагерь, но через некоторое время выпустят.

В 1940 году, поскольку Европа уже фактически находилась под гитлеровской оккупацией, Мрочковские уезжают в США, где около двух лет живут в Нью-Йорке, а с августа 1942 года — в Вашингтоне.

Это тяжелые годы в жизни разведчика. На Родине ему уже не доверяют. Почему? Может быть, в этом решающую роль сыграл донос на Мрочковского, сделанный бывшим бригадным комиссаром Королем И. Д., который, в частности, утверждал, что Мрочковский пытался склонить его к невозвращению под предлогом того, что в СССР его немедленно схватят и расстреляют.

Во всяком случае, к концу 1939 года Мрочковскому было приказано ликвидировать фирмы МСКП, что он и сделал, передав Советскому Союзу (командованию ГРУ) чистой прибыли более 500 тысяч американских долларов.

Непонятно, почему была прикрыта глобальная коммерческая сеть, если Разведуправление 18 лет создавало ее в расчете на работу в военное время?

Тогда вопрос оказался риторическим. Через 40 лет на него ответил военный юрист Вячеслав Звягинцев в своей книге «Война на весах Фемиды». Он изучал судебное дело Стефана Мрочковского.

«Суть обвинений сводилась к тому, — напишет Звягинцев, — что Мрочковский расшифровал сеть наших коммерческих предприятий за границей перед иностранными разведками, а возглавляемая им фирма «Востваг» оказалась «засорена шпионами». Обвинение было основано на предположениях и общих фразах».

Абсурдность этих обвинений, разумеется, понимал начальник Разведуправления генерал-лейтенант Филипп Голиков. Он приезжал в США в 1941 году во главе Советской военной миссии и трижды встречался с Мрочковским на квартире у исполняющего обязанности военного атташе полковника И. Сароева.

Стефан Иосифович в тот период находился на нелегальном положении. Однако Голиков не решился или не нашел нужным отстаивать перед НКВД Мрочковского. Там, в США, он принял решение о закрытии сети фирм МСКП. В частности, это подтверждается шифрограммой начальника военной разведки генерала Голикова в Центр от 31 августа 1941 года, в которой он сообщал: «Я велел Томсону (псевдоним Мрочковского. — *Авт.*) дело кончать». Никаких других документов, показывающих, на основании чего принято это решение, в архиве не было найдено.

Так рухнул 18-летний труд сотен людей, упорной работой и талантом создававших МСКП — глобальную сеть советских разведорганизаций.

По свидетельству Фанни Мрочковской, которую муж привлекал к работе в качестве связника, через нее только в последние годы работы в Париже и в Нью-Йорке Стефан Иосифович передал в Разведуправление 2 миллиона долларов наличными. Но, судя по всему, теперь это было не в счет.

Оставалось только одно — решить проблему возвращения Мрочковского на Родину. Сделать это было крайне трудно. Шла Вторая мировая война, в США действовал режим военного времени, а Мрочковский находился на нелегальном положении, да еще с фиктивными австрийскими документами. И, разумеется, не имел визы на въезд в США.

Пришлось организовать задним числом его трудоустройство в советскую закупочную комиссию и также задним числом получать визу.

Большую помощь в этом деле оказал посол Советского Союза в США М. М. Литвинов, имевший крепкие связи в госдепартаменте.

В ноябре 1942 года Мрочковскому удалось одному выехать на Родину через Ближний Восток. В апреле 1943 года в Советский Союз убыла его семья. Однако когда они приехали в Москву, Стефан Мрочковский уже был арестован.

Он не признал ни одно обвинение. И о нем словно забыли. В ожидании суда советский разведчик и американский миллионер провел в тюрьме 9 долгих лет.

26 августа 1952 года наконец состоялся суд по его делу. Кроме обвинений в шпионской деятельности Стефану Иосифовичу вменили в

вину антисоветскую пропаганду и агитацию, которую он якобы вел как за границей, так и после ареста среди сокамерников.

Арестованный И. Гвоздь, который находился вместе с ним в одной камере, показал, что Мрочковский был недоволен своим арестом, говорил о хорошей жизни в США.

Суд признал Мрочковского виновным и приговорил к 15 годам лишения свободы с конфискацией имущества.

К счастью, меньше чем через год приговор в отношении Мрочковского был отменен и дело прекращено. Он вышел на свободу.

Настоящий полковник — из ГРУ

Спецпоезд Маршала Советского Союза Климента Ворошилова стоял на запасных путях под Могилевом. Шел седьмой день войны.

Позавчера за Оршей его поезд завернули обратно. Ворошилов ругался, кричал, но железнодорожник стоял на своем. Это был кряжистый, крепкий мужчина, лет пятидесяти, в черной форменной фуражке, куртке. Как оказалось, в Гражданскую войну он служил в Первой Конной под началом у Ворошилова.

Своего командира узнал сразу — в гимнастерке, с синими кавалерийскими петлицами, Ворошилов точь-в-точь как на предвоенном портрете, который висит у них в красном уголке рядом с портретом Кагановича.

— Товарищ маршал! Климент Ефремович! — увещевал разбушевавшегося Ворошилова железнодорожник. — Как же я вас пропущу? На следующем перегоне немецкие танки. Мне же никто этого не простит. Ехайте обратно в Оршу.

Ворошилов кипел, но поделать ничего не мог. Железнодорожник прав — немецкие танки перерезали железную дорогу на Минск. И он не солоно хлебавши возвратился в Оршу, а потом в Могилев.

Ворошилов сидел за большим столом, установленным посреди вагона, перебирал телеграммы, которые выучил почти наизусть и слушал Шапошникова.

Борис Михайлович бледный, больной лежал здесь же на диване.

22 июня, после немецких ударов, связь со штабом Белорусского особого военного округа была потеряна. Никто толком не мог сказать, что произошло, где находится командующий округом Павлов со своими генералами, что с ними?

К счастью, полковник Хаджи Мамсуров, откомандированный в распоряжение Ворошилова, отыскал маршала Шапошникова. Вместе с ним был и командарм 1 ранга Павлов со своим штабом. Вскоре он приехал доложить обстановку.

Едва дослушав доклад Павлова, Ворошилов взорвался.

— Помнишь, как ты жалобу на меня написал товарищу Сталину? — вопрошал Ворошилов. — Мол, зажимаю твой рост, не даю двигаться молодым. Да тебе не округ, дивизию доверить нельзя.

Павлов, без кровинки в лице, слушал Климента Ефремовича.

— Простите меня, товарищ маршал, — бормотал он, захлебываясь то ли от слез, то ли от волнения. — Простите дурака... Виноват я перед вами.

Никто не вымолвил ни звука. Только Ворошилов крепко выругался и отошел в другой конец вагона.

Настроение, и без того паршивое, было испорчено вконец.

Павлов уехал. Мамсуров вдруг почувствовал, как душно в вагоне. Он вышел на улицу. Вокруг было темно и только на Западе, по самому горизонту, сколько видел глаз, полыхало зарево пожаров.

Хаджи присел прямо на насыпь рядом с вагоном и смотрел на зарево. Страшно ли ему было в тот момент? Пожалуй, нет. Он ведь понимал, что главное его дело — воевать. Беспокоило другое. Он, как и тысячи советских людей, задавал себе тяжкий вопрос: как это могло случиться? И не находил ответа. Больнее всего, что на этот вопрос, судя по всему, не мог ответить не только он, полковник Мамсуров, но даже прославленный маршал Ворошилов, который еще год назад был наркомом обороны, и маршал Шапошников — вчерашний начальник Генштаба. Уж они-то знали ответы на все вопросы, как казалось вчера. Ан нет.

Он уже неделю мотается с Ворошиловым по фронтовым дорогам и видит, как отступают, бегут наши лучшие дивизии. Сам собирал командиров на этих фронтовых дорогах, ставил им задачи от имени маршала Ворошилова не допустить прорыва танков. В его полевой сумке хранится блокнот с расписками командиров частей о полученной боевой задаче по обороне рубежей западнее Орши, Могилева, Рогачева.

И что же? Немцы прут и прут...

* * *

Это была уже четвертая война полковника Хаджи Мамсурова. В свои неполные тридцать восемь лет он успел повоевать на гражданской, в Испании, на советско-финском фронте и вот теперь — новая война. Это потом, позже ее назовут Великой Отечественной, напишут песни о том, как «двадцать второго июня ровно в четыре часа...»

А 22 июня он лежал дома с высокой температурой, глотал таблетки, грел шею, которую невозможно было повернуть от боли. Оказалось, война — лучшее лекарство. Видимо, первое потрясение от страшного известия было столь велико, что болезнь отступила.

Утром 24-го начальник Разведуправления генерал Филипп Голиков вызвал Мамсурова к себе. Хаджи-Умар руководил 5-м разведывательно-

диверсионным отделом. Признаться, он так и рассчитывал, что разговор пойдет о развертывании партизанской, диверсионной работы в тылу врага.

К разговору Мамсуров был готов, захватив документы, явился по вызову.

Однако начальник военной разведки завел речь совсем о другом. Оказывается, он получил приказ откомандировать Мамсурова в расположение маршала Ворошилова.

Голиков сказал, что это решение считает неверным, и обратился в Центральный комитет партии.

Что мог сказать Мамсуров? ЦК он и есть ЦК, как скажет, так и будет. Он ответил: «Я — солдат и выполню любой приказ партии».

В Центральном комитете подтвердили откомандирование, и Голиков сообщил Мамсурову, что Ворошилов ждет его на Белорусском вокзале. Поезд маршала уже стоял под парами.

До отхода состава оставалось меньше часа. Мамсуров успел забежать домой, захватил с собой пару белья и уже на лестнице столкнулся с женой Линой. Она возвратилась из-под Гродно, где в составе курса академии имени М. В. Фрунзе была на стажировке. Переговорив несколько минут, они распрощались, и Хаджи поспешил на вокзал.

Когда он вошел в вагон Ворошилова и доложил о прибытии, маршал спросил, почему не явился утром. Мамсуров ответил, что ему разрешили уехать из управления всего час назад.

Ворошилов сказал, что едут они в Минск, так как с 22 июня потеряна связь со штабом Белорусского военного округа. Все попытки Генштаба выйти на Павлова до сего часа, 24 июня, ни к чему не привели.

Пока ехали до Орши, откуда поезд Ворошилова повернули обратно, Климент Ефремович не уставал сокрушаться, мол, старую систему укрепрайонов вдоль границы с прибалтийскими странами, Польшей и Румынией разрушили, а новую построить не успели.

Действительно, после того, как наши войска выдвинулись западнее старой границы на 100–300 км, поступила команда разрушить прежние укрепрайоны.

Строительством новых укрепрайонов заниматься было некогда — разгорелись бои на Халхин-Голе, потом на советско-финском фронте... Опомнились уже накануне войны, но поздно.

Мамсурову трудно было судить, в какой мере во всем этом виноват Ворошилов. Ведь до апреля 1940 г. он оставался наркомом обороны. Однако Климент Ефремович упирал на то, что дров наломал сменивший его Семен Тимошенко и новый начальник Генштаба Георгий Жуков.

Правда, жизнь иногда преподносила поучительные уроки. Вот как об одном случае, произошедшем в дороге, вспоминал сам Хаджи Мамсуров: «Вместе с Ворошиловым мы ездили на машине в западном, северо-западном, юго-западном направлениях от Могилева в поисках штаба Белорусского округа.

Во время такой поездки проезжали мимо каких-то авиаремонтных мастерских. Ворошилов остановил машину, вышел. Ему доложили, что час назад мастерские бомбила фашистская авиация. Маршал оглядел развалины и с возмущением спросил: «Какой же дурак разрешил строить здесь мастерские?»

Совершенно не желая его обидеть, я сказал: «Наверное, без вашего ведома их тут бы не построили».

Ворошилов пристально посмотрел на меня и произнес: «Выходит, что я дурак? Старый дурак».

Я смутился. Мне стало его жаль, и в душе я корил себя за бестактность».

Но было ли это бестактностью? Будь вокруг Ворошилова побольше таких Мамсуровых, может, и не гнал бы нас враг «до Можая».

* * *

Первые дни войны опрокинули доктрину «воевать малой кровью, на чужой территории». Всем стало ясно — кровь будет большая и территория своя. Тут и воевать. Теперь уже никто не спорил, что нужны диверсанты, партизаны, нужны действенные меры по борьбе с фашистами в тылу врага.

Но по существу, 5-й разведывательно-диверсионный отдел ГРУ полковника Хаджи Мамсурова оказался единственным, кто мог хоть чему-то научить будущих партизан. На большее просто не было времени.

С началом войны в Белорусский особый военный округ выехал не только Хаджи Мамсуров, но и весь его отдел.

Помогая Ворошилову уточнять обстановку, искать маршалов Шапошникова и Кулика, полковник Мамсуров не забывал о своем главном деле — развертывании партизанского движения. Кроме них этого сделать было некому.

Разумеется, руководство Белоруссии: Пономаренко, Эйдинов, Киселев, Мазуров нашли, организовали людей, но их надо было ознакомить с тактикой партизанской войны, установить явки, связи, конспиративные квартиры, тайники, подготовить агентов для деятельности в подполье.

На эту огромную работу было всего двое суток. Практически весь отдел Мамсурова работал в Белоруссии: Гай Туманян, Николай Патрахальцев, Иван Демский, Василий Троян, Сергей Фомин, Валерий Знаменский, Николай Щелоков, Григорий Харитоненков, Петр Герасимов.

Это были опытные разведчики-диверсанты.

Гай Лазаревич Туманян еще в 20-е годы участвовал в ликвидации бандитских формирований в Чечне, после окончания Военной академии имени М. В. Фрунзе направлен в Отдельную Дальневосточную Армию. Позже несколько лет работал в Китае.

С 1935 года служил в разведывательно-диверсионном отделении ГРУ, участвовал в гражданской войне в Испании.

Василий Абрамович Троян также находился в Испании, потом был направлен на советско-финский фронт.

Под стать им и остальные офицеры отдела.

«Вся наша особая группа, — вспоминал Мамсуров, — в те дни работала по организации специальной сети агентуры в районе Рогачева, Могилева, Орши. Останавливали отходящие части, потерявшие связь с вышестоящим командованием. Именем Маршала Советского Союза Ворошилова направляли их в район Чаусы на сосредоточение и организационное укрепление в тылу.

Я каждый раз докладывал Ворошилову о том, что делала наша особая группа.

В первую же встречу с секретарем ЦК компартии Белоруссии Пономаренко мы обговорили вопросы организации партизанского движения и срочной подготовки специальных разведывательно-диверсионных кадров, набросали план мероприятий».

Известно, что 27 июня специальная группа Мамсурова приступила к подготовке и обучению нескольких сотен партийных и советских работников, предназначенных для деятельности в тылу.

Самому Хаджи-Умар Джиоровичу пришлось срочно выехать в Могилев. Там он провел совещание с руководством области и города. О чем говорил Мамсуров? О том, что необходимо организовать население на строительство противотанковых заграждений, а также о создании противодиверсионных отрядов и подразделений по борьбе с фашистскими десантами.

«Ночью 28 июня я уехал в район подготовки партизанских кадров, — напишет позже Мамсуров, — и до наступления утра проводил занятия по тактике диверсионных действий.

Обучение шло, по сути, днем и ночью. Эту группу утром 29 июня (а их

было около 300 человек) мы направили на выполнение боевых задач в тылу противника.

По моей просьбе в район приехали Ворошилов и Пономаренко, чтобы сказать будущим партизанам напутственные слова.

Так зарождалось партизанское движение в Белоруссии».

До 5 июля 1941 г. особая группа Мамсурова продолжала готовить в районе Могилева партизан-диверсантов, руководителей подпольных организаций.

* * *

За это время в жизни полковника Хаджи Мамсурова произошло много событий. По приказу Ворошилова ему пришлось арестовывать командующего Белорусским особым военным округом командарма 1 ранга Дмитрия Павлова.

До сих пор по этому поводу много суждений. В одном из фильмов, например, показано, как Павлова берут под арест сотрудники НКВД.

Во многих публикациях, вышедших в последние годы, высказано огромное количество гипотез — кто же сыграл роковую роль в судьбе Павлова? Были намеки, в том числе, и на Ворошилова. Мол, маршал докладывал Сталину о состоянии дел на Западном фронте, он и виновен в гибели Дмитрия Григорьевича. Все это не более чем досужие вымыслы.

Мамсуров точно знал, что Ворошилов здесь ни при чем. Он стал свидетелем разговора между Шапошниковым и Ворошиловым о судьбе командующего Павлова.

Как же все обстояло на самом деле?

27 июня в разговоре с Шапошниковым Ворошилов сказал, что имеет указание отстранить Павлова от командования округом и отправить под охраной в Москву.

Шапошников согласился: Дмитрий Григорьевич командующий никудашний. Однако высказал мысль о том, что арест Павлова был бы ошибкой, которая ничего кроме вреда не принесет.

«Не то теперь время, — повторял он. — Это вызовет тревогу и суматоху в рядах командиров».

Ворошилов надолго задумался, потом взял блокнот и стал писать шифрованную телеграмму на имя Сталина. Написав, прочитал ее Шапошникову. В ней он докладывал обстановку на сегодняшний день на Западном фронте и делал свои выводы и предложения.

Ворошилов просил Сталина не арестовывать Павлова, а просто отстранить от командования округом и назначить командующим танковой группой, сформированной из отходящих частей в районе Гомель — Рогачев.

По данным штаба округа, там находилось около двух танковых дивизий.

Однако Сталин принял другое решение.

29 июня Ворошилов отдал приказ Мамсурову арестовать генералов Павлова, Климовских, Клыча. Уже были готовы машины с охраной.

Мамсуров так будет вспоминать об аресте генералов.

«Первым подошел сам Павлов. Снял ремень с пистолетом и, подав их мне, крепко пожал руку, сказал: «Не поминай лихом, Ксанти, наверное, когда-нибудь в Могилеве встретимся». В отличие от вчерашней ночи он был почти спокоен и мужественен в эту минуту. Павлов первым сел в легковую машину.

Вторым сдал оружие начальник штаба Климовских. Мы с ним раньше никогда не встречались. Он был также спокоен, ничего не сказал и сел в ту же машину.

Третьим подошел ко мне замечательный товарищ, великолепный артиллерист — командующий артиллерией округа Клыч. Мы прекрасно знали друг друга по Испании и всегда общались как хорошие товарищи. Клыч был жизнерадостным человеком.

Он протянул свое оружие, с улыбкой обнял меня и тихо сказал: «Вот как дело обернулось из-за этого фанфарона и самовлюбленного павлина». Он имел в виду, конечно, Павлова.

Через несколько минут небольшая колонна двинулась в путь на Москву».

Мамсуров смотрел вслед удаляющимся машинам и думал о словах генерала Клыча.

«А ведь действительно фанфарон». Вспомнилась их первая встреча в Испании в декабре 1936 года. Тогда весь день Хаджи вместе с переводчицей Линой, шофером Муньосом и мотоциклистом Луисом мотались по фронтовым частям. Несколько раз попадали под бомбежку «юнкерсов» и «капрони», под минометный налет, и к вечеру, едва живые, прибыли в штаб обороны Мадрида.

Мамсуров зашел к главному советнику комбригу Владимиру Гореву, чтобы доложить обстановку. В кабинете он увидел генерала испанской королевской армии. На фоне скромно, по-фронтовому одетых наших командиров — Ратнера, Лукача, Львовича, Помощникова этот испанец

гляделся странно — словно он только что прикатил с парада или высокого приема. Но Хаджи прекрасно знал — какие сейчас парады? Уже два месяца идут непрерывные тяжелые бои. Напряжение страшное. И вдруг в этом рабочем, фронтовом кабинете разодетый в парадную форму с золотыми нашивками и аксельбантами генерал. «Просто павлин какой-то», — подумал тогда Хаджи.

Комбриг Владимир Горев представил Мамсурова. И вдруг «павлин» на чистейшем русском языке отрекомендовался: «Генерал Пабло».

Мамсуров с недоумением глядел то на «генерала Пабло», то на Горева. Владимир Ефимович лишь хитро улыбался. Оказалось, этот разодетый генерал вовсе не испанец, а наш Дмитрий Павлов, танкист. Фамилию его Хаджи слышал, но прежде они никогда не встречались. Теперь вот повезло лично пожать руку.

Павлов оказался сильно навеселе, петушился, рисовался, однако Мамсурову было не до него. Хаджи вынул из-за пазухи карту и стал докладывать обстановку, сложившуюся на Мадридском участке.

Потом он прилег на несколько часов, а проснувшись еще затемно, уехал в район университетского городка и, откровенно говоря, забыл о Павлове.

Ему были больше по душе другие танкисты — героический капитан Арман (П. Арман) или полковник Мелле (С. Кривошеин), не вылезавшие из танков сутками.

Однако не знал Хаджи Мамсуров, что теперь судьба будет постоянно сводить с Павловым до того самого мига, когда на его долю выпадет горькая обязанность — арестовать Дмитрия Григорьевича и его штаб.

Вторая их «встреча» произошла там же, в Испании. Хотя и заочно. Мамсуров попал под огонь танковых орудий, которыми командовал... Павлов.

Он находился в 14-й интербригаде. Ею руководил «Вальтер» (К. Сверчевский). В операции под Лас-Роса кроме этой бригады участвовало еще несколько частей и соединений.

Интербригадовцы наступали, и для развития успеха командование ввело в бой бригаду Сверчевского. И вдруг по боевым порядкам, штабу был открыт беглый огонь из танков. Погибло более 60 командиров и бойцов.

Наступление сорвалось, несмотря на исступленные попытки Вальтера поднять батальоны в атаку.

Старший советник комбрига, а фактически начальник штаба бригады Александер (полковник Помощников) пытался добиться связи с вышестоящим штабом, чтобы прекратить огонь по своим. Однако ничего

не получалось. Телефон не работал.

В штабе 14-й интербригады всегда были офицеры связи, представлявшие артиллеристов, которые поддерживали своим огнем ввод в бой подразделений. Поэтому всякого рода ошибки исправлялись достаточно быстро. Павлов этого не делал и офицеров связи не присылал. Вот и результат.

А дальше события развивались так. *«Когда попытки поднять бригаду в атаку ни к чему не привели, — вспоминал Хаджи Мамсуров, — я поехал в полевой штаб Центрального фронта и застал там командующего — дряхлого испанского генерала Пасаса, а также наших советников — Мерецкова, Кулика, Воронова, пребывающих в благодушном настроении, видимо, в результате успешно начатого наступления.*

Но самое удивительное, что в штабе я увидел Павлова. Он был в изрядном подпитии, все в той же петушиной форме испанского генерала, оживленно беседовал с Пасасом.

Я подошел к ним с намерением сообщить Павлову о результатах огневых налетов его танковой бригады и срыве наступления. Но заговорить удалось не сразу. Дмитрий Григорьевич по-русски упорно объяснял ничего не понимающему Пасасу, что он — генерал Павлов, повторяя это в разных вариациях.

Увидев меня, Пасас спросил, что он говорит. Я ответил, что командир танковой бригады представляется ему, как командующему Центральным фронтом.

Пасас наконец понял — разодетый в золото генерал носит имя Пабло. Он улыбнулся и сказал, что его любимый святой — Павел и поэтому ему приятно познакомиться с замечательным генералом Пабло. При этом он не забыл упомянуть, что святой Павел тоже любил вино, явно намекая на подвыпившего Павлова.

Моя попытка обратиться к Дмитрию Григорьевичу не удалась, и я рассказал, что произошло с вводом в бой 14-й интербригады, стоявшему здесь же Кулику. Тот только развел руками.

Наконец Павлов отпустил измученного старика и я поведал эту историю Дмитрию Григорьевичу. Он возмущился и стал все отрицать. Более того, заявил, что сейчас два его танковых батальона ведут бой в населенном пункте Махадаонда. Говорил так убедительно и напористо, что не поверить было нельзя.

Однако каково же было мое удивление после возвращения в бригаду. Передовые подразделения оказались там же, где я их оставил — залегшими под огнем врага у Махадаонда. Танки Павлова стояли где-то в

тылу передовых подразделений и вели редкий огонь по селению, в котором к тому времени уже сосредоточились пять батальонов испанских фашистов с итальянскими танками «Ансальдо».

Словом, начавшееся первое контрнаступление республиканцев в районе северо-западнее Мадрида было сорвано Павловым, который, видимо, даже и не понимал всей глупости и преступности действий».

Так завершилась их вторая встреча. Потом будет третья, четвертая... Опять в Испании, в Москве в академии имени М. В. Фрунзе, в Ленинграде во время советско-финской войны. И всюду Павлов оставался самим собой.

Встретив однажды Мамсурова в штабе округа, он с этакой бравадой спросил: не хочет ли Хаджи войти в Хельсинки на его танке? На что Мамсуров, в ту пору командир особого лыжного отряда, ответил вопросом: «А не хотите ли вы прокатиться со мной на лыжах?» На том и расстались.

* * *

Маршал Шапошников оказался прав. После ареста командующего Павлова и генералов обстановка в штабе ухудшилась. Возросли нервозность, неуверенность, страх.

3 июля штаб Западного фронта переехал под Смоленск. Ворошилов возвратился в Москву.

Но по его приказу особая группа Мамсурова еще оставалась в районе Могилева, готовила партизан-диверсантов и отправляла их в тыл, на территорию, захваченную противником.

Закончив работу, разведчикам предстояло убыть в штаб Западного фронта. Ворошилов лично отдал приказ наркому внутренних дел Белоруссии Цанаве выделить охрану и машины для переезда особой группы.

Однако после возвращения с задания в установленном месте не оказалось ни охраны, ни машин. Разведчики ждали всю ночь, не веря, что нарком Цанавва наплевал на приказ маршала Ворошилова, и их попросту бросили.

Спас положение предусмотрительный Туманян. Он оставил свою машину в другом месте и шофер Лаппо, который оказался порядочнее наркома, вывез разведчиков из-под удара наступавших фашистских войск.

5 июля 1941 года особая группа Разведуправления прибыла в штаб

фронта. Обстановка была угрожающей. Мамсуров так и не смог понять, кто теперь командует фронтом. Командовали все, кто находился здесь — Тимошенко, Мехлис, Буденный, Еременко. Это создавало путаницу, неразбериху. Начальники рангом пониже, приехавшие вместе с маршалами, тоже руководили, в основном угрожая направо и налево расстрелами. Однако такие методы только усугубляли ситуацию.

Смоленск сильно бомбила немецкая авиация. Центр города был разрушен, горел. На улицах трупы женщин, детей.

Вечером, когда стих очередной налет фашистов, Мамсуров, Туманян и Троян встретились с Михаилом Мильштейном, который был назначен заместителем начальника разведки Западного фронта. Особая группа «передавала дела» фронтовым разведчикам.

Они говорили, что Смоленск — это последний рубеж отступления. Здесь фашистам уготована смерть.

Вдруг во время разговора неожиданно началась отчаянная стрельба зениток. Оказалось, прилетели два наших самолета. Это было странно, поскольку во время немецкого налета зенитная артиллерия молчала. В штабе фронта поднялась тревога. Из окна штабного барака выпрыгнул известный военачальник, которого хорошо знали разведчики. Он вывихнул ногу, и его под руки увели в санчасть.

На следующий день Мамсуров увидел его с костылями. На груди военачальника появились две ленточки — золотая и красная, обозначавшие тяжелое и легкое ранение. Эти отличия были введены накануне.

С удивлением смотрел Хаджи-Умар на костыли, отглаженную щеголеватую гимнастерку, знаки ранения, полученные при прыжке из окна штаба. Этот военачальник чем-то напоминал ему командарма 1 ранга Павлова. Только, пожалуй, Павлов был честнее и умнее.

Через два дня в штаб фронта из Москвы пришла шифрограмма: Мамсурову, Туманяну, Трояну следовало немедленно убыть в столицу, а оттуда — в Ленинград для организации партизанского движения на Северо-Западе.

Жаль было покидать Западный фронт, где за первые две недели войны столько пережито и где, казалось, решалась судьба Родины.

Впереди был Ленинград. Война разгоралась...

* * *

Уже в августе, когда фашисты прорвали наш фронт у Чудово,

полковника Мамсурова назначили командиром 311-й стрелковой дивизии. Сказали одно: ни шагу назад. И он держался зубами за тот клочок земли, который отвели его дивизии. Отступать было некуда, дальше — Ленинград.

В конце месяца на переднем крае его ранило в обе ноги и в руку. После госпиталя принял другую дивизию — 114-ю кавалерийскую, потом был 7-й кавкорпус, куда его перевели заместителем командира. Но в августе 1942 года — новое назначение — начальником Южного штаба партизанского движения, через четыре месяца — он уже начальник оперативного отдела — помощник начальника Центрального штаба партизанского движения. В марте 1943 года Хаджи возвращается в Главное Разведуправление.

Но он рвался на фронт. И, наконец, в апреле 1943 года его настойчивым просьбам уступили. Полковник Мамсуров назначен командиром 2-й гвардейской Крымской кавалерийской дивизии Юго-Западного фронта.

Дивизия была знатная, когда-то ею командовал Григорий Котовский. Бойцы не молодые, средний возраст около 50 лет, опытные, обстрелянные, прекрасные кавалеристы. Большинство казаки, были еще и те, кого под знаменами 1-й Конной армии водил в бой сам Семен Буденный.

Хаджи сжился, прикипел сердцем к этой ставшей родной для него дивизии. Ему будут предлагать корпус. Но Хаджи откажется, посчитает, что на дивизии он принесет больше пользы.

5, 6, 7 ноября 1943 года его дивизия освобождала Киев. А дальше?.. Дальше прорвали оборону немцев на реке Ирпень, севернее Киева и стремительным ударом оседлали Киево-Житомирское шоссе, отрезав пути отхода фашистам.

11 ноября дивизия овладела городом Коростышев, а 12-го — Житомиром, продолжая наступать на юго-запад.

Однако на войне случается всякое. Порою так складывается обстановка, что передовые части наступающих войск далеко отрываются от главных сил, их коммуникации растягиваются, фланги становятся уязвимыми для контрударов противника. Так случилось на левом фланге 1-го Украинского фронта в середине ноября 1943 года.

Соединение Мамсурова и другие части оказались в тяжелом положении. Против них немцы бросили танковые и моторизованные войска.

По приказу командующего фронтом полковник Мамсуров возглавил всю группировку наших войск, расположенных у Житомира. Девять дней дивизия обороняла город. Численность противника на некоторых участках была в 10 раз больше наших войск.

В сводках Совинформбюро за 15 и 17 ноября говорилось:

«Войска 1-го Украинского фронта вели тяжелые оборонительные бои с противником, перешедшим в контрнаступление из района западнее Фастова на Брусилів и из района южнее Житомира на Радомышль.

В районе Житомира и Коростышева советские войска вели бои с крупными силами пехоты и танков противника и под его давлением оставили несколько населенных пунктов».

В этих скудных строках сообщений кровь и пот, жизни и смерти бойцов полковника Мамсурова.

Кавалеристы сражались в пешем строю, выкатывали пушки на прямую наводку и били вражеские танки. За неделю тяжелых оборонительных боев немцы потеряли 150 танков и больше тысячи солдат и офицеров. Но численное превосходство было за врагом. 19 ноября по приказу командования Житомир был оставлен. Конники Мамсурова отступили.

За умелое руководство дивизией, отвагу и героизм комдив Хаджи Мамсуров был награжден орденом Суворова II степени и стал генерал-майором.

В декабре дивизия оборонялась на участке города Малин, а в январе — новое наступление в направлении Сарны, Ковель. Условия были тяжелейшие. Местность лесисто-болотистая, да как раз ударила оттепель. Войска двигались по раскисшим лесным дорогам, в ледяной воде, тащили на себе боеприпасы, минометы, оружие.

Здесь действовал крупный отряд бандеровцев «Черный ворон». Пришлось выделить полк для борьбы с бандитами. «Черный ворон» перестал существовать.

Форсировав с боями реку Стырь в районе Руфалувка и северо-западнее кавалеристы вышли на фланги и в тыл крупным Новоград-Волынской и Ровенской группировкам фашистских войск. Соединение Мамсурова имело задачу развивать удар в направлении Маневичи, Ковель и с ходу овладеть городом Ковель.

Но 28 января штаб фронта изменил задачу 2-й кавдивизии и повернул ее на юг, с целью взятия города Луцка. Уже на следующий день кавалеристы вели бои в районе населенного пункта Колки.

Фашистское командование не сразу осознало, что в тыл его группировке выходит крупное кавалерийское соединение. Разобравшись в ситуации, немцы бросили против 2-й кавдивизии авиацию. Правда, к тому времени у дивизии было хорошее авиационное прикрытие.

В район Колки фашисты выдвинули кавалерийскую дивизию, переброшенную из Дании. В ходе упорных боев 29 и 30 января немецкие

кавалеристы понесли тяжелые потери под ударами наших войск.

А уже на следующий день дивизия Мамсурова захватила город Рожище и вела бои в районе населенного пункта Киверце.

В оперативной сводке штаба фронта говорилось: *«В результате удара частей 2-й гвардейской кавалерийской дивизии 1 февраля 1944 года практически вся группировка фашистских войск в Киверце была уничтожена, в том числе и только что переброшенный из района Ровно батальон пехоты. Особенно большие потери понесли немецко-фашистские части в ходе кавалерийской атаки 2-й дивизии с флангов южнее Киверце».*

Теперь перед Мамсуровым встал вопрос — брать Луцк с ходу или дать отдохнуть безмерно уставшему от непрерывных боев личному составу. Он понимал, что оттяжка в наступлении неизбежно повлечет сосредоточение резервов противника и укрепление обороны. И комдив принимает непростое решение — овладеть Луцком с ходу.

1 февраля передовые части дивизии вышли к северной, восточной и юго-восточной окраинам Луцка и к четырем часам утра полностью овладели городом.

Удар был стремителен, и когда конники входили в город, его улицы заполнились фашистскими солдатами и офицерами, которые нередко в одном белье в панике металась по улицам, пытаясь уйти на запад.

Таким образом, линия фронта установилась западнее Луцка.

За этот подвиг 2-я кавдивизия удостоилась ордена Богдана Хмельницкого.

Однако времени для передышки не было. В марте 1944 года в своем донесении в штаб армии комдив Мамсуров сообщал: *«15 марта 1944 года прорвал оборону немцев на реке Иква в районе м. Тарговица и ударом в тыл Дубненской группировки немцев обеспечил наступление наших войск с фронта.*

19 марта овладел г. Красноармейск, а 20 марта г. Броды и вел бои юго-западнее до подхода 13-й армии».

Умолчал генерал в своем донесении, что 19 марта он получил ранение в лицо, но остался в строю. Надо сказать, и его подчиненные были под стать своему храброму комдиву.

Позже, после войны, генерал Мамсуров часто вспоминал о героических боях своей дивизии. Вот лишь один эпизод, рассказанный Хаджи Джиоровичем:

«В Бродах трое суток шли бои. Город мы захватили, но станция была в руках немцев, на южной окраине. До нее примерно полкилометра.

Однако станцию мы никак не могли взять. Фашисты подтянули туда

свежие силы 361-й пехотной дивизии, танки. По данным разведки, у противника было 120 танков, а у меня осталось всего 15 машин.

Надеяться нам не на кого. Наши части были еще далеко позади. И тогда, взвесив все «за» и «против», я отдал приказ отходить на восток.

Передвигаясь по городу, увидел командира противотанкового орудия Афанасьева. Его пушка стояла во дворе дома, но обзор впереди лежащей городской площади был хороший.

— Почему не отходите? — спросил я.

— Товарищ генерал, — обратился ко мне Афанасьев, — разрешите мне с артиллеристами и прислугой остаться. На комсомольском собрании слово дал, что подобью 15 немецких танков. Мы уже подожгли три танка.

— Хорошо, — согласился я, — бей побольше.

Мне самому стало интересно. Понимал, что наступают немцы, надо отходить, однако решил остаться.

И вот на площади появился немецкий танк. Афанасьев подпустил фашиста метров на двести и ударил в борт. Танк загорелся.

Вскоре послышался характерный лязг подходящей новой боевой машины. С ним повторилось то же.

— Вот и пятый горит, — сказал Афанасьев.

Потом он приказал поменять позицию. Артиллеристы быстро перекатили орудие на следующий угол дома и подбили еще один танк. Опять меняли позицию и открыли огонь. Так Кирилл Афанасьев довел свой счет до девяти боевых машин.

Отважный был боец. Позже я отправил его учиться в артиллерийское училище».

К рассказу генерала Мамсурова остается только добавить, что кавалеристы 2-й гвардейской дивизии во взаимодействии с танкистами 3-й гвардейской танковой армии окружили в районе города Броды шесть немецко-фашистских дивизий. В этом котле было уничтожено до 30 тысяч солдат и офицеров противника, пленено 17 тысяч, захвачено более 11 тысяч орудий и минометов, 1500 машин, много другой техники и снаряжения.

За эту операцию комдив Хаджи Мамсуров был удостоен ордена Красного Знамени.

Его дивизия пробьется через Карпатские горы, порой поднимаясь почти по отвесным скалам, и ударит по врагу там, где он не ждал... А на

пороге уже стоял победный 1945 год.

В январе дивизия, действуя с Сандомирского плацдарма, будет участвовать в Силезской операции 1-го Украинского фронта. К 23 января кавалеристы Мамсурова выйдут в тыл Краковской группировки немецких войск, а уже через неделю форсируют реку Одер, захватят плацдарм и несмотря на превосходство противника в живой силе и технике будут удерживать его до 7 февраля, до подхода основных частей 60-й армии.

Потом будет марш на Бреслау. Далее конногвардейцы форсируют реку Нейсе и громят фашистов в их логове — Дрездене, Берлине, Торгау, переправятся через Эльбу и соединятся с американскими войсками. Победа!

Командование 1-го Украинского фронта, характеризуя действия 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и ее командира, отмечало:

«Дивизия в период боев с 15 апреля 1945 г. с честью выполнила поставленные боевые задачи, умело уничтожает противника в его собственной берлоге. Умелыми маневрами по тылам противника дивизия только за 20–24 апреля уничтожила 1230 солдат и офицеров, 3 тяжелых танка, 11 бронетранспортеров и много другого вооружения. Взято в плен 574 солдата и офицера, захвачено 8 паровозов, 250 вагонов, 117 складов с вооружением, боеприпасами и военным имуществом, 40 тракторов и тягачей, 480 автомашин, 1700 лошадей, 350 повозок. Освобождено два лагеря с военнопленными и заключенными количеством 15 650 человек.

Лично Мамсуров в боях по неотступному преследованию противника проявил себя храбрым генералом, неустанно руководя боем частей в сложных условиях обстановки. За прорыв современной оборонительной полосы противника, успешную организацию преследования... за личную храбрость и мужество Х. Д. Мамсуров достоин высшей правительственной награды...».

Весной 1945 г. грудь генерала Мамсурова украсила Золотая Звезда Героя, рядом с которой были три ордена Ленина, четыре ордена Красного Знамени, ордена Суворова, Кутузова, Отечественной войны, медали.

* * *

После войны генерал Хаджи Мамсуров командовал отдельной гвардейской стрелковой бригадой. В 1948 году окончил Военную академию Генштаба и был назначен командующим механизированной дивизии, потом командиром стрелкового корпуса и командующим армией. В 1957 году его

переводят в Москву заместителем начальника Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР. И вот тут разгорится скандал, который долгие годы будет сопровождать имя Хаджи Мамсурова. Сегодня этот случай стал уже легендой, и даже ветераны ГРУ не могут толком объяснить, как и почему такое произошло. Известно только одно — маршала Георгия Жукова обвинили в подготовке государственного переворота и сняли с поста министра обороны.

На пленуме Центрального Комитета партии Никита Хрущев заявил, что Мамсуров оказался настоящим коммунистом, он пришел в ЦК и рассказал о диверсионной школе, которую открыл Жуков без ведома руководства страны.

Откровенно говоря, странно все это. Мамсуров сам от корней волос разведчик-диверсант, осознававший роль и задачи сил специального назначения, и вдруг выступил против, через голову руководства Минобороны прибежал жаловаться в ЦК. Что-то не очень верится...

Сдается, что эту историю наиболее правдоподобно изложил друг Хаджи Мамсурова, тоже военный разведчик генерал Михаил Мильштейн в своей книге «Сквозь годы войн и нищеты».

«Мы были близки с ним, — пишет Мильштейн, — до последнего дня его жизни, и я горжусь этой дружбой.

После войны Мамсуров окончил Академию Генерального штаба, и через некоторое время его приняли на работу заместителем начальника ГРУ. В то время, когда министром обороны был Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, начальником Главного разведывательного управления работал генерал армии Сергей Матвеевич Штеменко.

Вот что мне в свое время поведал Мамсуров (об этом я еще никому не рассказывал). Незадолго до поездки в Югославию Г. К. Жуков вызвал его к себе и поделился с ним своим решением о формировании бригад специального назначения, исходя из возможного характера будущих военных действий в том регионе. Эти бригады должны были быть сравнительно небольшими (до двух тысяч человек), вооруженные самым современным и мощным легким оружием.

Предполагалось собрать в единый кулак отборный, физически сильный личный состав, обученный приемам ведения ближнего боя, каратэ, десантированию с воздуха и пользованию современными взрывчатыми веществами.

Формирование этих бригад Георгий Константинович возложил на Мамсурова.

У Хаджи-Умар Джиоровича Мамсурова был друг, которого он знал

много лет, — генерал Туманян. В то время он занимал должность заместителя начальника Бронетанковой академии по политической части. Туманян приходился дальним родственником Анастасу Ивановичу Микояну. Будучи женатыми на сестрах, они часто встречались и относились друг к другу по-дружески.

Мамсуров рассказал о встрече с Жуковым и его указаниях Туманяну, тот, в свою очередь, решил доложить об услышанном А. И. Микояну.

Микоян, в то время первый заместитель председателя Совета Министров СССР, воспринял рассказ Туманяна очень серьезно. Первый вопрос, который он ему задал, звучал примерно так: «А могут ли эти бригады быть выброшены с воздуха на Кремль?» Туманян ответил утвердительно.

Услышав это, Анастас Иванович поспешил на доклад к Никите Сергеевичу Хрущеву. В воспаленном воображении Микояна, воспитанного на «теориях заговоров», по-видимому, сразу родилась мысль о намерении Жукова подготовить военный переворот с помощью бригад специального назначения. Именно в таком или примерно ключе он, судя по всему, доложил о разговоре Хрущеву. Тот, конечно, согласился с Микояном, испугался...»

Судя по всему Никита Хрущев «испугался» давно, а тут и случай подвернулся. В октябре 1957 года был созван Пленум ЦК КПСС с повесткой дня: «Об улучшении партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте».

Откровенно говоря, вопрос о создании бригад специального назначения сыграл свою, далеко не лучшую роль.

Вот что по этому вопросу сказал на пленуме секретарь ЦК КПСС М. Суслов:

«Недавно Президиум ЦК узнал, что тов. Жуков без ведома ЦК принял решение организовать школу диверсантов в две с лишним тысячи слушателей. В эту школу предполагалось брать людей со средним образованием, окончивших военную службу. Срок обучения в ней 6–7 лет, тогда как в военных академиях учат 3–4 года. Школа ставилась в особые условия: кроме полного государственного содержания, слушателям школы рядовым солдатам, должны были платить стипендии в размере 700 рублей, а сержантам — 1000 рублей ежемесячно.

Тов. Жуков даже не счел нужным информировать ЦК об этой школе. О ее организации должны были знать только три человека: Жуков, Штеменко и генерал Мамсуров, который был назначен начальником этой школы. Но генерал Мамсуров, как коммунист, счел своим долгом

информировать ЦК об этом незаконном действии министра».

Что, собственно, было незаконного в этом решении министра обороны, Михаил Андреевич Суслов не пояснил. Зато доступно растолковал Никита Сергеевич Хрущев:

«Относительно школы диверсантов. На последнем заседании Президиума ЦК мы спрашивали тов. Жукова об этой школе. Тов. Малиновский и другие объяснили, что в военных округах разведывательные роты и сейчас существуют, а Центральную разведывательную школу начали организовывать дополнительно, и главное без ведома ЦК партии. Надо сказать, что об организации этой школы знали только Жуков и Штеменко. Думаю, не случайно Жуков опять возвратил Штеменко в разведывательное управление. Очевидно, Штеменко ему нужен был для темных дел. Ведь известно, что Штеменко был информатором у Берия. Об этом многие знают, и за это его сняли с работы начальника управления. Возникает вопрос: если у Жукова родилась идея организовать школу, то почему в ЦК не скажешь? Мы бы обсудили и помогли это лучше сделать. Но он решил: нет. Мы сами это сделаем: я — Жуков, Штеменко и Мамсуров.

А Мамсуров оказался не Жуковым и не Штеменко, а настоящим членом партии, он пришел в ЦК и сказал: не понимаю, в чем дело, получаю такое важное назначение и без утверждения ЦК. Непонятно, говорит он, почему об этом назначении должен знать только Министр обороны? Вы знаете что-нибудь об этой школе? Мы ему говорим: мы тоже первый раз от вас слышим. Можете себе представить, какое это впечатление производит на человека».

Действительно, можно только догадываться, какое впечатление произвела «подстава» Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева на Хаджи Мамсурова.

До 1968 года, до дня своей смерти генерал-полковник, Герой Советского Союза Хаджи-Умар Джиорович Мамсуров служил военной разведке. Еще при жизни он стал легендой этой разведки. Как жаль, что легенды так мало живут и так быстро умирают в тайниках ГРУ.

Гроза для террористов

Декабрьской вьюжной ночью 1942 года дивизионные разведчики Сталинградского фронта притащили «языка». Немец как немец. Оглушенный прикладом автомата, испуганный, замерзший, он поначалу только невнятно мычал. А начальнику разведки надо было скорее привести плененного гитлеровца в чувство.

Комдив торопил, и его можно понять. Предварительный доклад разведки озадачил: у фашиста оказались документы на имя унтер-офицера 206-й пехотной дивизии.

Начальник разведки не посмел бы потревожить генерала. Тем более, как сообщил порученец комдива, тот только прилег. Но дело не терпело отлагательств. На их фронте появилась новая дивизия. Предположительно, конечно. Иначе, что делает здесь этот унтер из неизвестного им соединения. Неужто фашисты скрытно перебросили под Сталинград новые, свежие части. У разведчика похолодело внутри.

Унтер тем временем приходил в себя, начал отвечать на вопросы. Как поняли разведчики, 206-я пехотная стояла под Калинином, а его послали с поручением доставить какие-то бумаги, документы. Какие, ему неизвестно. Он доставил и уже возвращался обратно, как был захвачен разведгруппой.

Объяснения унтера ничего не прояснили. Наоборот, возникли десятки новых вопросов.

Немец, судя по его рассказу, не был фельдъегерем. Тогда почему его послали с документами? Какие это документы? Опять же Сталинград и Калинин — свет не ближний. Почему связь шла напрямую, а не через штаб армий?

Отсюда и выводы. Этот приезд из Калинина под Сталинград мог и действительно быть частной инициативой комдива той же 206-й дивизии. А если все обстояло иначе и немец врет?.. С кем не бывает, лопухнулись разведчики, не углядели, и фашисты скрытно перебросили новые части. А может это далеко идущая дезинформация. Попробуй, отгадай.

О странном унтере из 206-й пехотной дивизии доложили по команде — в штаб армии, откуда в штаб фронта и, наконец, в Москву, в Генеральный штаб.

Командир батальона 186-й стрелковой дивизии старший лейтенант Александр Лазаренко понимал — случилось что-то неладное. В третий раз за неделю на его участке обороны уходили в поиск группы разведки. Он делал проходы в минных полях, провожал группы, принимал их. Но разведчики возвращались ни с чем.

Начальник дивизионной разведки ходил бледный, не выспавшийся и злой. Лазаренко сочувствовал ему, но у него своих забот был полон рот. Тем более сути дела комбат не знал, а разведчики как всегда не любили распространяться о своей работе.

Неудача полковой и дивизионной разведок вынудили штаб армии прислать к ним своего представителя.

Майор приехал в батальон Лазаренко, чтобы своими глазами осмотреть передний край, откуда в тыл врага уходили разведгруппы. Вот тут и пожаловался комбату майор, мол, не можем взять языка, а командующий фронтом вне себя, требует пленного.

— Ему тоже в Генштаб надо докладывать, — вздохнул майор. — А что доложишь, если разведчики каждую ночь ползают, да толку никакого.

И он рассказал Лазаренко о злополучном унтере, которого неведомым ветром занесло под Сталинград, а они теперь пупки надрывают, доказывая, что 206-я дивизия по-прежнему под Калинином.

— Да здесь она, эта 206-я. Куда ей деться? — усмехнулся комбат.

— Это я тоже понимаю. Но ты докажи, — и майор ткнул пальцем вверх, намекая, видимо, на Генштаб.

— А что тут доказывать, у меня своя разведка есть.

Майор с недоверием посмотрел на Лазаренко.

— Какая у тебя разведка в батальоне?

— Да так, — отмахнулся комбат.

Но майор неспроста был из армейской разведки. Он словно нюхом почуял удачу.

— Давай, комбат, выкладывай, дело крайне важное...

Старший лейтенант Лазаренко, разумеется, рисковал, но, как говорят, где наше не пропадало. Так и быть, рассказал он майору, что у него в батальоне, в седьмой роте, есть санинструктор. Ловкий, бедовый мужик. Ночью он снимал мины, делал проход и подбирался к фашистским окопам. Поджидал немца и бил его наповал. Документы, разведданные санинструктора, разумеется, не интересовали. Ему нужен был заветный немецкий ранец, в котором он всегда находил любимый шнапс и закуску.

Лазаренко, приняв батальон, однажды «прищучил» санинструктора, мол, рискуешь, шляешься по немецким окопам, разживаешься шнапсом. На

что хитрый санинструктор руками развел:

— Товарищ комбат, шнапс для сугубо медицинских нужд: промывание ран, дезинфекция...

— Смотри мне, дезинфекция...

Майор из разведотдела заинтересовался санинструктором.

— Вызывай-ка его, комбат.

Вызвали, поговорили. Санинструктор согласился пойти в тыл к немцам, дело привычное. Только попросил в помощники еще одного солдата, с которым он уже ходил на дело.

В тот же день майор-разведчик, комбат Лазаренко, санинструктор с помощником выбрали место для прохода на передний край врага, продумали детали рейда, захвата, отхода, прикрытия группы, отработали сигналы.

В полночь группа ушла в сторону немецких окопов.

Лазаренко с майором ждали их на переднем крае, готовые прикрыть, прийти на помощь.

Но помощь не понадобилась. Под утро санинструктор с напарником вышли к линии обороны. Они тащили связанного, с кляпом во рту немецкого ефрейтора.

После допроса ефрейтора майор обнял Лазаренко.

— Спасибо, комбат. Выручил.

И уже на пороге обернулся, показал на грудь.

— Крути дырочку для ордена...

Лазаренко отмахнулся, откровенно говоря, не поверив обещаниям майора.

Проводив разведчика, комбат возвратился к своим обычным делам. Фронтовая жизнь продолжалась. Заканчивался 1942 год.

А в начале 1943-го к комбату прибежал посыльный: прибыть в штаб дивизии к командиру. С собой взять того самого санинструктора и его помощника. Всем троим комдив вручил награды. Санинструктору — орден Ленина, помощнику — орден Красного Знамени, а комбату Лазаренко — орден Красной Звезды.

Видать, ценный оказался «язык».

Тот рейд «доморощенных» разведчиков из седьмой роты имел для комбата далеко идущие последствия. Нежданно-негаданно пришел приказ: назначить старшего лейтенанта Лазаренко Александра Ивановича начальником разведки 186-й стрелковой дивизии.

А исполнилось Александру Ивановичу всего двадцать один год.

С тех пор вся его жизнь будет связана с разведкой — не только с

войсковой, но и стратегической, не только с Главным разведывательным управлением, но и с Первым Главным управлением КГБ.

Но это будет потом, через годы, десятилетия. А сейчас он возглавил разведку родной дивизии, в составе которой в сентябре 1941 года принял первый бой, командуя взводом.

* * *

Что и говорить, начальник разведки дивизии — должность серьезная. Опыта подобной работы у молодого офицера не было. Фронтовой опыт был. Начинал в 1941-м взводным, дорос до комбата, знал и победы, и жестокие поражения, но разведка — дело специфическое, тут просто военных, боевых знаний маловато.

Видимо, понимал это не только Лазаренко. Летом 1943 года дивизия вошла в состав 25-го стрелкового корпуса и приняла участие в битве под Курском. В ходе страшных боев от их соединения в 17 тысяч человек осталось 144 офицера и бойца. Среди них — Александр Лазаренко. Вскоре он был направлен на разведкурсы в Москву.

В столице оказался впервые. Москва поразила его размахом проспектов, огромными, красивыми зданиями, мирной жизнью.

Ничего подобного Александр не видел. Он родился в маленьком селе Александровка, в десятке верст от города Спасска, что в Приморском крае. Городок мало кто знал, но его прославил песня: помните, «...боевые ночи Спасска, волочаевские дни».

После окончания Спасского педагогического училища Александр преподавал географию в школе. Часто после уроков подолгу смотрел на карту. Москва казалась далекой, недосягаемой. Но произошло чудо, теперь он учился в столице.

Учиться было интересно. Совсем недавно ему приходилось на практике организовывать ведение разведки в полку, в дивизии, теперь же опытные преподаватели рассказывали, как это надо делать по всем требованиям военной науки.

А способы добывания разведданных и их анализ — это труднейший этап деятельности разведчика, и, осваивая его, пришлось попотеть основательно.

Полюбил Александр и занятия по изучению иностранных армий — состав, боевые порядки, форма одежды, знаки различия.

Много работали слушатели с топографическими картами.

Несмотря на интенсивный курс обучения, у офицера оставалось время, чтобы отдохнуть, посмотреть Москву.

Учился Лазаренко на «отлично», был подтянут, дисциплинирован. Понимал, иначе нельзя: там, на фронте, гибнут его товарищи, чтобы он мог хорошо учиться, осваивать в полной мере военную науку.

Однако, как говорят, бывает и на старуху проруха.

Наши войска освободили Белгород. По этому случаю в Москве по приказу Сталина был организован первый салют.

Слушатели разведывательных курсов тоже отметили праздник. По-своему, конечно. Распили канистру спирта, привезенного кем-то с фронта, а когда начался салют, выбежали на улицу и криками «ура» стали салютовать из личного оружия в московское небо.

Краснознаменные курсы находились тогда на Красной Пресне, как раз по соседству с зоопарком, и жертвой «салюта» разведчиков стала какая-то птица. Директор зоопарка позвонил начальнику курсов и пожаловался на самоуправство офицеров.

Генерал приказал построиться слушателям на плацу, обошел строй и строго спросил: кто открыл вчера стрельбу? Ответом было молчание.

Тогда начальник курсов изменил тактику. Теперь он останавливался у каждого офицера и вновь задавал свой вопрос. Отрицательно ответили первый, второй, третий офицер. Следующим стоял Лазаренко.

— Стреляли, товарищ капитан?

— Так точно, товарищ генерал, стрелял, — неожиданно для всех ответил Александр.

— Десять суток ареста!

И начальник продолжил свой путь вдоль строя. Однако кроме Лазаренко в содеянном больше никто не признался.

После построения генерал вызвал Лазаренко в кабинет.

— Товарищ капитан, гильзы от оружия найдены разные. Значит, стреляли многие. Кто, конкретно?

— Я стрелял, товарищ генерал, кто еще, не знаю.

Начальник внимательно посмотрел на офицера:

— Хорошо. Идите, Лазаренко.

Вскоре Александру сообщили, что генерал отменил свое взыскание и ему не грозит гауптвахта...

Три месяца обучения на разведкурсах пролетели быстро. После выпуска предстояло вернуться на фронт. Куда? Это не имело значения. Он хотел просто возвратиться в войска и продолжать бить фашистов.

Перед распределением Лазаренко вызвал начальник курсов. Ему

нравился этот капитан. После «салютной» разборки он внимательно следил за ним, присматривался, и вот теперь принял решение.

— Капитан Лазаренко, будете учиться в Высшей разведшколе Генштаба.

— Но товарищ генерал... Я только что закончил обучение, хочу на фронт.

Начальник курсов грустно улыбнулся и как-то мягко по-отечески сказал:

— Хватит на твою жизнь фронтов, навоюешься, горько будет. А сейчас иди, учишь, пока есть такая возможность. Ты нужен разведке.

Капитан Лазаренко вновь сел «за парту». Только теперь это были не трехмесячные курсы, а трехгодичное обучение в элитном учебном заведении Красной Армии.

После окончания Высшей разведшколы его отправили в Аргентину, помощником военного атташе.

* * *

Столица Аргентины встретила военного разведчика Александра Лазаренко далеко не с распростертыми объятиями. Советские офицеры аппарата военного атташе находились под неусыпным, жестким контролем местной контрразведки.

У правительства, возглавляемое Перроном, у министра национальной обороны генерала Умберто Соса Молино было достаточно прохладное отношение к Советскому Союзу. Достаточно сказать, что ни на одном крупном приеме, организованном советским посольством не были замечены ни военный министр, ни министр морского флота, ни министр ВВС. Они не присылали даже своих заместителей. Приезжали, как правило, лишь мелкие клерки.

Военный атташе Советского Союза в письме в Центр признавался:

«Лично со своей стороны я делал несколько попыток приблизиться к военному министру, начальнику Генштаба и министру ВВС, но успеха не имел».

Это была своего рода блокада аргентинских контрразведывательных органов.

Один из руководителей резидентуры военной разведки СССР в ту пору сообщал в Москву:

«Общая обстановка в Аргентине и, в частности, в Буэнос-Айресе

сложилась пока крайне неблагоприятно для нашей агентурной работы.

Аргентинская военная контрразведка находится при Генеральном штабе и контролирует, главным образом, нашу официальную деятельность, всячески стремится не допускать нашего проникновения в военную среду, как в Генштаб, так и в военное министерство, в гарнизоны.

С этой целью представители военной контрразведки на всех официальных приемах окружают наших людей достаточным количеством своих представителей, которые тщательно организуют слежку за каждым из нас».

И если на этих приемах нашим сотрудникам удастся найти какого-либо офицера или генерала (не принадлежащего к военной контрразведке), то всякое общение с ним, знакомство не ускользает от внимания контрразведки. Кроме того, в последнее время аргентинское министерство стремится не приглашать наших людей непосредственно в воинские части и в военно-учебные заведения.

Думаю, по этим фактам ясна та изоляция, в которой мы находимся»

В свою очередь, военный атташе признается, что «зарвавшиеся аргентинские контрразведчики стремятся установить контроль за гостями даже на мероприятиях, организуемых советским посольством» и рассказывает случай, когда он разослал дополнительные приглашения вне протокольного списка своим знакомым генералам и офицерам. «Контрразведчики, узнав об этом, всполошились не на шутку, — констатирует атташе, — и потребовали от нас подробные списки приглашенных. Но приглашения рассылались от имени посла. Пришлось сообщить аргентинцам, что я не считаю удобным требовать отчета от посла. Но если они будут настаивать — сообщу послу. Это отрезвило зарвавшихся контрразведчиков. Однако позже пачками приходили письма от приглашенных, с извинениями, что они не смогут присутствовать на празднике».

Другой представитель резидентуры также подчеркивает в радиограмме в Центр: «На выездах в другие города наблюдение ведется усиленное, открытое и довольно наглое, и наши представители ни на минуту не выпускаются из поля зрения».

В архиве ГРУ сохранилась телеграмма, присланная из Буэнос-Айреса, в которой рассказывается о том, как «советских дипкурьеров Джамая и Прохина задержали на аргентинской таможне на 8 часов, относились к ним по хамски, намереваясь спровоцировать инцидент и завладеть почтой».

Почему же наглеют аргентинские контрразведчики? Ответ на этот

вопрос можно найти здесь же, в оперативных делах резидентуры ГРУ.

В телеграмме военного атташе от 2.10.1948 года говорится: *«Генерал армии в отставке Писторини, ныне министр общественных работ Аргентины, находясь в США, заявил: Аргентина стойко стоит за США в ее «холодной войне» против России».*

И еще один документ в подтверждение.

«Москва. Гурову.

Оперативное письмо.

Приемы и действия контрразведки.

Приходится иметь дело не только с аргентинской контрразведкой, но и с американской, которая за последнее время ведет свою деятельность более активно, чем местная КРО.

Аргентина не желает раздражать здешних представителей США, которые настаивают на изоляции сотрудников СССР и особенно военных представителей».

* * *

Вот в такой поистине «блокадной» обстановке и приходилось вести разведывательную работу помощнику военного атташе Александру Лазаренко. Итоги его деятельности до сих пор засекречены, но известна общая оценка — она достаточно высокая.

Однако все, что случилось с ним потом, не укладываются в общепринятые правила. Обычно, успешно отработавшие за рубежом оперативные сотрудники военной разведки продолжают службу в центральном аппарате ГРУ, набираясь опыта и готовясь к следующей командировке.

Но Лазаренко не оставили в центральном аппарате в Москве. Более того, из стратегической разведки он оказался в войсковой и очень далеко от столицы — на Дальнем Востоке, в должности заместителя начальника разведки 37-го воздушно-десантного корпуса.

Что ж, дальневосточника вряд ли напугаешь медвежьими углами, но факт остается фактом. После пяти лет успешной работы в аргентинской резидентуре ГРУ Лазаренко оказался на краю земли, в десанте, в замаху у начальника разведки корпуса.

Вскоре этот корпус попал под «хрущевское» сокращение, из трех дивизий оставили одну. А Лазаренко из корпусного штаба попал в дивизионный, начальником оперативного отделения.

Вот такие удары судьбы. Откровенно говоря, не всякому под силу выдержать их. Но Александр Иванович умел держать удар.

Однако вернемся к главной интриге. Ну не просто же так, за здорово живешь, опытного, оперативного офицера, после стольких лет пребывания за границей, в одночасье убрали из стратегической разведки и загнали куда Макар телят не гонял. Разве место ему в начоперах десантной дивизии?

Один из разведчиков, выслушав эту историю, с уверенностью сказал:

— Да, провал у него был или какая-то аморалка, тут и к семи бабкам не ходи.

К семи бабкам-гадалкам я и вправду не пошел, но вернулся к личному делу Лазаренко. Никаких провалов, аморалок, взысканий, только поощрения.

Неудобно было напрямую спрашивать самого Александра Ивановича. Он тогда уже сильно болел. Но иного выхода я не видел.

Позвонил к нему домой, приехал. Жена на входе попросила не волновать его и долго вопросами не мучить. Пообещал, но минут через десяток нарушил данное слово и спросил, как казалось мне, о самом больном.

Но Александр Иванович, на удивление мне, рассмеялся.

— Это отдельная история. Кстати, очень поучительная для вас, молодых.

Он задумался, словно возвращаясь в мыслях на десятилетия назад и продолжил:

— Это произошло во время моей учебы в Высшей разведшколе. Как-то вызывает меня к себе в кабинет начальник школы генерал-лейтенант Кочетков. Явился, доложил по форме. Смотрю — в кабинете, кроме Кочеткова, кадровик сидит, да еще офицер особого отдела. Разволновался, конечно. Такое присутствие не предвещало ничего хорошего. И вправду, начальник школы, покопавшись на столе в бумагах, поднимает голову, смотрит на меня и спрашивает: «Скажите-ка нам, Лазаренко, вы случайно сами себе звание лейтенанта не присвоили?»

Стою, как громом пораженный, и не знаю, что сказать. Что-то пролепетал, мол, как это сам себе?

«Да вот, — отвечает генерал, поглядывая на кадровика, — не можем мы приказа найти о присвоении вам первого офицерского звания».

Меня уже трясет, однако думаю, если сейчас сплеховать, точно подумают, что самовольно лейтенантские погоны одел. Гляжу, а кадровик так плотоядно усмехается: попался, голубчик...

«Товарищ генерал-лейтенант, — рубанул что было сил, — я закончил

Омское пехотное училище имени М. Фрунзе в 1941 году. Тогда же и звание офицерское получил. Вполне законно. У меня в дивизии 16 человек из моего училища, можно проверить».

«А ты не дергайся Лазаренко, — угрожающе произнес кадровик, — мы проверим... Еще как проверим».

Вышел я тогда из кабинета начальника как в тумане. Обидно, досадно... Училище, фронт — взводный, ротный, начразведки дивизии, орден Красного Знамени, с сорок первого по сорок третий с передовой не вылезал, и на тебе... почитай преступник, погоны на себя навесил. «Ну и сволочь же этот кадровик, сами приказ видимо потерял, а на меня свалил», — подумал я тогда в сердцах. И как оказалось, недалеко был от истины.

Александр Иванович закашлялся, в комнату вбежала жена, стала его успокаивать, мол, Саша, ты не волнуйся, дала лекарство. Было очень неудобно, получилось, что я спровоцировал волнение больного. А ведь меня предупреждали.

Лазаренко заметил мое ерзание на стуле, махнул рукой:

— Не тревожься. Ты тут ни при чем. Хочешь дослушать историю?

Я только развел руками — еще бы!..

— Тогда слушай. На чем мы остановились?

— На сволоче-кадровике, — подсказал я.

— Да уж... — протянул Александр Иванович, — ну, после такого душещипательного разговора, не ожидая их официального подтверждения, сам написал начальнику Омского пехотного училища. Объяснил ситуацию. Вскоре на мое имя пришло письмо. В конверте находилась выписка из приказа Командующего Западно-Сибирским военным округом о присвоении мне звания лейтенанта.

Наверное, надо было отнести выписку в отдел кадров, но я не мог вынести оскорбления и пошел прямо к начальнику школы.

Генерал Кочетков принял меня, прочитал выписку и вызвал кадровика. Это была показательная порка в моем присутствии, он «воспитывал» его долго и яростно, за то, что посмел «заподозрить офицера-фронтовика в подлоге».

Как мне казалось, тогда по молодости, я был полностью отомщен.

Однако когда закрылась тяжелая дверь кабинета начальника школы, позеленевший от показательной порки кадровик злобно прошипел в лицо: «Ты меня еще попомнишь, Лазаренко».

Ну, прошипел и прошипел. Мне ли, офицеру-фронтовику, бояться пустых угроз кадровых крыс. Тем более получил он поделом.

...А вскоре был выпуск из высшей школы военной разведки и командировка в Буэнос-Айрес.

Сколько потом событий произошло за пять лет: Лазаренко вырос в звании, стал опытным оперативным офицером, его работу в Аргентине оценили достаточно высоко. Казалось бы, его ждут самые радужные перспективы. Возможно, именно так и случилось бы, да вот судьба преподнесла неожиданный-негаданный «подарок».

После возвращения в Москву Лазаренко, как и положено, явился в отдел кадров ГРУ. Открыл дверь кабинета начальника... В кресле сидел тот самый кадровик. Он тоже времени не терял, вырос в должности, и теперь руководил не кадрами высшей школы, а всего главного управления.

Но делать нечего. Доложил: «Подполковник Лазаренко прибыл из заграничной командировки».

Кадровик словно не расслышал, выставил ухо:

— Как, говоришь, фамилия?

— Подполковник Лазаренко.

— Помнишь меня?

— Так точно...

Ухмыльнулся злорадно:

— Теперь меня всю жизнь помнить будешь.

Так Александр Иванович оказался на Дальнем Востоке.

* * *

Служил, как мы уже сказали, заместителем начальника разведки корпуса, потом начальником оперативного отделения дивизии. Служил хорошо, от службы не бегал. Прежде не видя в глаза парашюта, в совершенстве освоил воздушно-десантную подготовку, совершил 118 прыжков.

Командиром 98-й дивизии ВДВ в ту пору был полковник Михаил Сорокин, будущий генерал, командующий округом. Вызывает он однажды к себе начопера Лазаренко и говорит:

— Вот что, Александр Иванович, ты в войну батальоном командовал, а теперь полком командовать будешь.

— Каким, товарищ полковник? — спросил Лазаренко, холодея от собственной страшной догадки.

Дело в том, что в состав дивизии входил 217-й парашютно-десантный полк. «Это не полк, а исчадие ада», — горько шутили в штабе. Командиры

там долго не задерживались, нарушения дисциплины сыпались, как из рога изобилия.

Задав свой вопрос, Лазаренко еще надеялся на чудо. Хотелось верить, что из уст комдива он услышит название какого-либо другого полка. Но чуда не произошло.

— Александр Иванович, — укоризненно произнес комдив, — 217-м, конечно.

Лазаренко ответил «есть», развернулся и обреченно зашагал к двери.

— погоди, — окликнул его Сорокин, встал из-за стола, подошел, протянул руку и мягко, совсем не по-военному сказал, — Ты моя последняя надежда, понимаешь?

Чего же тут непонятного. Лазаренко вернулся к себе в кабинет. Что ни говори, а подумать было о чем. Странную карьеру сделал он в последние годы: корпус — дивизия, теперь вот полк. Нормальные офицеры растут в обратном направлении, а он...

Стало быть, такой он, дикорастущий в обратную сторону.

Однако долго грустить над превратностями судьбы не пришлось. Дело не ждало. И он, засучив рукава, взялся за работу.

Не стану утомлять читателя нудным описанием тяжелой рутинной работы командира полка и его офицеров. Скажу только — полк Лазаренко вытащил.

Два года на проверках 217-й получал круглые двойки, теперь впервые выполз на «удовлетворительно», а потом на «хорошо».

Нельзя сказать, что с приходом Лазаренко в полку не было проблем. Когда в подчинении почти две тысячи человек, проблемы всегда найдутся. Так, однажды комполка и сам едва не угодил под суд. И все потому, что дал слово, а отступить от него не в правилах Лазаренко.

Однажды в части случилось ЧП. Да еще какое: обворовали полковой магазин. Залезли ночью и унесли сотню золотых часов — в ту пору вещей редких и дорогих.

Александр Иванович прикидывал и так, и этак — кто вор? Сначала вычислил роту. Магазин был как раз за столовой. А ночью в столовой дежурил наряд из третьей роты.

Принесли список наряда. Командир думал, взвешивал, вычеркивал фамилии. Осталось всего несколько человек, и среди них прежде судимый рядовой Коломиец. Прямых улик, конечно, не было, но комполка нюхом чуял — это и есть вор.

Наутро Лазаренко выстроил полк, вышел перед строем.

— Товарищи солдаты и сержанты, я знаю того, кто украл часы. Он

стоит сейчас в строю. Даю ему трое суток.

Командир выдержал паузу. Полк затаил дыхание.

— Сам придешь, — обратился он к вору, — под суд трибунала не отдам.

Сказать-то сказал, слово дал, а военная прокуратура тут как тут. Подумать только, этакое ЧП. Что им слово командирское, они уголовное дело завели и к Лазаренко с претензиями: вы перед строем говорили, что знаете имя того, кто украл часы? Говорил. Называйте вора. Не назову. Тогда мы привлечем вас к ответственности за укрывательство преступника.

Так закончился первый день. Вор не пришел. Не было его и на второй день, и на третий тоже. А Лазаренко прокуроры чуть не на дыбу поднимают, того и смотри в наручники закуют.

И все-таки солдат пришел, принес часы, признался. Комполка не ошибся — им оказался тот самый Коломиец.

А от прокурорского гнева спас Лазаренко командующий округом генерал-полковник Пеньковский. Он приехал в полк как раз в этот день. Приехал и спрашивает: как дела?

— Да плохи, товарищ командующий.

— Что случилось?

Рассказал Александр Иванович все как на духу. Нахмурился командующий.

— Слово ты, конечно, зря давал... Но уж если дал — командирское слово — кремень. Назад ходу нет.

Пеньковский заулыбался, тряхнул головой.

— Силен ты, однако, Александр Иванович. Ладно, с прокурором договорюсь, а то ведь неудобно как-то получается. Я тебе повышение хочу предложить, генеральскую должность, а у тебя на хвосте прокуратура висит...

Видя, как растерялся командир полка, командующий расхохотался:

— Ну ты даешь, Лазаренко. Как с прокурорами, так ты кремень, а как на генеральскую должность, так дар речи потерял. Пойдешь ко мне начальником разведки округа?

— Пойду, товарищ командующий.

— Вот это другое дело... Четко и ясно. В общем, жди приказа.

На том и расстались.

А вскоре в округ прилетел командующий ВДВ генерал Маргелов. Поднял 217-й полк по тревоге, приказал совершить марш, десантирование.

Полк показал себя лучшим образом. Маргелов остался доволен. А после подведения итогов вызвал к себе Лазаренко.

— Вот что, Александр Иванович, у меня начальник разведки ВДВ увольняется. Пойдешь ко мне в Москву?

Комполка улыбнулся: ну, надо же, не было ни гроша, да вдруг алтын. Сразу два предложения, и какие предложения!..

— Я жду ответа... — сказал Маргелов.

— Согласен, товарищ командующий, только вот генерал-полковник Пеньковский хочет взять меня в округ, на разведку.

— А это уже не твоя забота. Завтра в Москву прилечу, приказ у министра обороны лично подпишу, и дело будет сделано.

Как сказал Маргелов, так и случилось. Через неделю пришла телеграмма: полковника Лазаренко откомандировать в штаб ВДВ в город Москву, в связи с назначением его начальником разведки воздушно-десантных войск.

Два года отслужил в этой должности Лазаренко. Ничто не предвещало резких поворотов в его жизни. Но судьба вновь преподнесла ему сюрприз.

Однажды раздался телефонный звонок: полковника Лазаренко приглашали в Комитет госбезопасности. Что мог в ту пору думать человек, когда его вызывали в КГБ? Все что угодно, но никак не хорошее.

Так и начальник разведки ВДВ терялся в догадках. Перебирал события последних месяцев, что писал, что говорил, куда ездил. Вроде бы все в порядке, а на сердце тревожно.

На Лубянке Александра Ивановича проводили к генерал-полковнику Петру Ивашутину. Позже он станет начальником ГРУ, а тогда еще генерал служил в КГБ. Без долгого вступления Ивашутин сказал, что есть мнение предложить Лазаренко перейти в Комитет госбезопасности.

Лазаренко отказался наотрез.

Ивашутин долго молчал, потом тоном, не терпящим возражений, сказал: «Вы нам нужны». И добавил: «Это дело уже решенное».

Что тут скажешь? Он человек военный: решенное так решенное...

* * *

Теперь новая должность Лазаренко называлась — заместитель начальника 13-го отдела при Первом Главном управлении КГБ. Отдел, надо сказать, был непростой. Дела у него громкие. В разведке среди своих его нередко называли «отделом мокрых дел». Он и действительно предназначался для проведения диверсионных актов за пределами страны.

История этого подразделения давняя, уходит корнями в 20-е годы,

когда на Западном фронте была создана Нелегальная Военная организация (НВО). Уже тогда уровень секретности был такой, что о существовании НВО не знал даже командующий фронтом.

В 1924 году за рубежом белогвардейцами создается Русский общевоинский союз (РОВС). Он объединяет почти 30 тысяч солдат и офицеров бывшей Русской армии.

Формальный глава Союза — главнокомандующий барон Врангель, фактический — генерал Кутепов. РОВС представлял реальную силу. В Москве знали, что он сохранил строгую армейскую структуру, дисциплину, вполне активен и работоспособен. Отделы Союза охватили своей сетью всю Европу от Финляндии на севере до Италии на юге. Располагались они и в Египте, в Персии, на Дальнем Востоке, в Северной и Южной Америке и даже в Австралии.

Руководство Общевоинского Союза не сидело сложа руки, оно действовало — открывались учебные курсы и школы, летние лагеря для подготовки и обучения диверсионному мастерству. И хотя Врангель не поддерживал подобные методы борьбы, Кутепов сделал ставку именно на диверсии и террор.

Было совершено несколько террористических актов на территории Советского Союза. Особую огласку получил взрыв в здании партклуба в Ленинграде в июне 1927 года, когда погибло и было ранено 26 человек.

Кутепов не только разрабатывает диверсионно-террористические операции, но и лично провожает боевиков через границу.

В Москве становится известно, что готовится убийство Сталина, руководителей ОГПУ, командующих нескольких военных округов, а также взрывы на заводах.

Чекисты разрабатывают спецоперацию и похищают Кутепова. По одной из версий, у генерала во время проведения операции останавливается сердце.

Преемник Кутепова — генерал Миллер идет, по сути, той же дорогой, но задачи еще более масштабные — подготовка кадров для ведения диверсионной войны в тылу Красной армии. В Париже даже создается школа для подготовки таких специалистов.

В 1937 году Миллер, как и его предшественник, похищен, вывезен в СССР и казнен.

В этом же году был осуществлен захват архивов Троцкого, а еще через три года агент НКВД Рамон Меркадер убивает и самого Лейбу Троцкого.

В 1938-м один из опытейших боевиков диверсионной службы Павел Судоплатов подарил в Роттердаме главе ОУН полковнику Коновальцу

коробку шоколадных конфет. В эту коробочку специалисты-оперативники подложили взрывное устройство.

Любимец Гитлера Коновалец погиб. Судоплатов благополучно возвратился на Родину.

В этот же период офицеры диверсионной службы выезжают в Испанию, где воюют с фашистами.

Потом была Великая Отечественная война, развертывание разведывательно-диверсионного управления под руководством Павла Судоплатова отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН), работа по подготовке и заброске в тыл противника диверсионных групп.

В ряду величайших имен легендарный разведчик Второй мировой войны Николай Кузнецов. Вместе с командиром партизанского отряда «Победитель» Дмитрием Медведевым они разрабатывают смелые, дерзкие спецоперации, и Кузнецов вместе с боевыми друзьями казнит Верховного судью Украины оберфюрера СС А. Функа, заместителя рейхскомиссара Украины генерала Г. Кнута, министерского советника финансов Г. Геля, гитлеровского палача А. Винера, вице-губернатора Галиции Бауэра.

Это он, Николай Иванович, выкрадет из собственной резиденции командующего карательной экспедицией генерал-майора фон Эльгена.

Как узнает теперь Лазаренко, за несколько лет до его прихода в КГБ отдел разработает и осуществит ликвидацию Льва Ребета, ближайшего приспешника Бандеры, а позже уничтожит и самого Бандеру.

Правда, после того, как сбежит на Запад агент Богдан Сташинский, осуществивший эти акции, разгорится крупный скандал, и пришедший к власти в 1964 году Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев прекратит практику политических убийств.

* * *

Шефом у Лазаренко был легендарный разведчик генерал-майор Родин. О нем еще Аллен Даллес писал в своей книге «Искусство разведки». Правда, фамилия там у Родина другая. Но это не меняет сути дела.

Отдел делился на направления: первое, второе, третье, оперативно-техническое, спецопераций и связи.

На отдел замыкалась бригада специального назначения, состоящая из 6 полков. Правда, полки были полностью кадрированные и разворачивались по полному штату только в военный период.

Еще в подчинении начальника 13-го отдела — ныне достаточно известные курсы переподготовки офицеров КГБ в Балашихе, так называемый КУОС.

Александрю Ивановичу поручили курировать техническое направление.

Вот как он сам рассказывал о своей работе.

«Не стану хвастаться, но судите сами. За свои труды я получил Государственную премию СССР в области науки и специальной техники.

Вот, к примеру, пистолет, назовем его, к примеру «ВУЛ». Долго мы работали над ним, но могу с уверенностью сказать — получился шедевр. Убойная сила, как у пистолета Макарова, а бесшумность абсолютная.

Я как-то показал этот пистолет бывшим своим коллегам из ГРУ, те за голову схватились. Они что создали — макаровский пистолет с глушителем. Но он все равно издает шум. А в нашем все патроны в пистолете остаются.

Когда я был на Кубе, с разрешения начальника ПГУ Крючкова показал этот пистолет местным спецназовцам. Их бригадный генерал два раза выстрелил и побежал к Фиделю показать оружие.

Создали и мину принципиально нового принципа действия. Название мы ей дали музыкальное, красивое. Какое не скажу. Так вот там шариковый замыкатель. Положил ее, чуть сдвинул — и взрыв. Кстати, начальник ГРУ Ивашутин просил у нас эти мины».

* * *

Разумеется, заниматься приходилось не только спецтехникой и оружием. Все самые малые военные конфликты, «заварушки», в которых в той или иной мере участвовал Советский Союз, не могли пройти мимо офицеров отдела.

Первой такой «заварушкой» для Лазаренко стала «пражская весна» 1967 года.

За несколько дней до ввода войск в Чехословакию, будучи уже в Праге, полковник Александр Лазаренко встретился накоротке с одним из своих чешских агентов. Тот был не на шутку встревожен.

— Что-нибудь случилось? — спросил Лазаренко.

Агент с недоверием посмотрел на московского шефа.

— Войска все-таки вводят...

— Ничего не путаешь? — пришло время сомневаться Лазаренко.

— Да нет, не путаю, мне позвонили из Польши.

«Чертовщина какая-то...» — подумал полковник.

Он вспомнил прилет в Прагу председателя Совета Министров СССР А. Косыгина, их встречу в посольстве.

Главком ГСВГ маршал Иван Якубовский, генерал КГБ Иванов, он — Лазаренко и еще два офицера. Косыгин внимательно выслушал каждого из них. Все были едины во мнении: войска вводить нецелесообразно. Маршал Якубовский поддержал их.

Косыгин поблагодарил генералов и офицеров и пообещал доложить их мнение на Политбюро ЦК.

Но кто знает, доложил ли он, да и вообще что там произошло, на заседании Политбюро, — трудно сказать.

Теперь уже известно, что решение о вводе войск было принято на расширенном заседании Политбюро ЦК КПСС и получило одобрение остальных представителей компартий, стран-участниц вторжения. Эта встреча состоялась в Москве 18 августа.

В ночь с 20 на 21 августа войска Советского Союза, Венгрии, ГДР, Польши и Болгарии вступили на территорию Чехословакии. Однако четкое и быстрое осуществление военной операции не было поддержано мерами политического характера.

По существу, политикам не удалось добиться намеченного — Президиум ЦК Компартии Чехословакии так и не обратился к государствам-участникам Варшавского Договора за помощью, партийный съезд осудил вторжение. Не получилось также справиться и с пассивным сопротивлением народа.

Член Политбюро ЦК КПСС К. Мазуров, прибывший в Прагу под именем генерала Трофимова, телеграфировал в Москву: «Правые активизируются, левые пассивны... Предлагаем еще раз переговорить с Дубчеком и Черником. Вечером может быть поздно, и в Праге дойдет до настоящих сражений».

Положение усугублялось тем, что акция вооруженных сил пяти государств расценивалась большей частью стран мира как агрессия. Ее осудили фактически все крупнейшие компартии, в том числе итальянская и французская.

Событиями в Чехословакии были встревожены Югославия и Румыния. Правда, США и многие западные страны «пражскую весну» считали домашней разборкой на собственной коммунистической кухне и избегали открытого вмешательства в дела региона.

13-й разведывательно-диверсионный отдел Первого Главного

управления КГБ принимал самое активное участие в пражских событиях. Да иначе и быть не могло.

Еще 2 мая 1968 года замначотдела Александра Лазаренко вызвал к себе начальник ПГУ генерал-полковник Сахаровский.

Приказ звучал коротко: «Бери своих ребят, все, что нужно для работы, и сегодня же в Прагу».

Еще не было московских переговоров, в ходе которых Дубчек пытался убедить Брежнева, Подгорного и Косыгина воспринять события в Чехословакии как поиск путей совершенствования системы, устранение пережитков сталинизма. Еще министр иностранных дел И. Гаек не услышал от А. Громыко упрека в том, что в Чехословакии контрреволюция поднимает голову. Еще не состоялась в столице СССР встреча пяти руководителей восточноевропейских компартий, обсуждавших положение в Чехословакии. Все это еще будет, но 13-й отдел КГБ уже летел в Прагу.

Не обошлось и без курьезов. Один из сотрудников отдела был прилично пьян. Все-таки 2 мая — праздник. Пришлось «загрузить» его в машину, потом в самолет. Пока летели, протрезвел.

Обстановка развивалась стремительно и ухудшалась с каждым часом.

Военные развернули штабные учения «Шумава», политики пытались найти выход из создавшегося положения. Все чаще звучали речи о военной помощи Чехословакии.

Еще был свеж в памяти 1956 год, Венгрия, когда по советским солдатам и офицерам стреляли с крыш, с чердаков зданий, из подвалов. Потери исчислялись сотнями военнослужащих.

Ничего подобного нельзя было допустить в Чехословакии, дабы не пролить крови ни с той, ни с другой стороны.

Но как это сделать, если невдалеке от пражского аэродрома развернута танковая дивизия Чехословацкой народной армии. В соединении 450 танков. Мощная сила! Как поведут себя танкисты в случае конфликта, на чьей стороне они будут? На этот вопрос не брался ответить никто. Стало быть, выход единственный — ни один танк не должен двинуться с места.

Пригласили в посольство министра обороны Чехословакии Мартина Дзура. Предупредили: как бы ни развивались события, дивизия должна оставаться в местах постоянной дислокации. Дзур дал слово, что ни один танк не двинется с места.

Так, собственно, и случилось. Не отдай этот приказ Дзур, «пражская весна» могла бы закончиться жертвами и кровью. К счастью, этого не произошло.

Как известно, в первоначальном варианте никто не собирался

интернировать в Советский Союз Дубчека и его окружение. Москва видела Дубчека в отпуске, в это время из Президиума ЦК КПЧ выводились несколько наиболее «несговорчивых» деятелей, в результате чаша весов склонялась в сторону промосковской группировки. Потом сам Дубчек, опираясь на помощь союзных войск, наводит в стране порядок.

Увы, жизнь разыграла иной сценарий. Был получен приказ доставить Дубчека и его соратников в Москву. Выполнять приказ пришлось полковнику Лазаренко и его подчиненным.

Весь рассказ об этом укладывается у Александра Ивановича в несколько предложений. «Вместе с десантниками я вошел к нему в кабинет. Увидев нас, Дубчек заплакал. Ну что, вывели, посадили в бронетранспортер и отправили в Польшу, оттуда в Москву. Вот и все...»

Сегодня в России негативно оценивают ввод союзных войск в Чехословакию. Но нынешним политикам следует взять из «брежневского коммунистического арсенала» одно весьма нужное качество — стремление жестко отстаивать интересы своей страны.

Пусть брежневское Политбюро делало это «тоталитарно неуклюже», однако оно это делало.

В июле 1968 года во время переговоров в Чиерне-над-Тиссой лидеров КПСС и КПЧ Предсовмина Косыгин сказал: «Осознайте, что ваша западная граница представляет собой нашу границу».

Возможно, кто-либо скажет, что от этих слов веет духом застойного времени. Возможно, но тогда хочется спросить: «А где сегодня наша западная граница?» Смею напомнить: у стен Смоленска, господа.

* * *

Надо признать, что 13-му отделу не везло. В 1954 году на Запад сбежал сотрудник отдела капитан Николай Хохлов, которому было поручено уничтожить одного из лидеров Народно-Трудового Союза (НТС) Георгия Околовича, в 1961-м в ФРГ сдался властям агент отдела Богдан Сташинский, признавшийся в убийстве Льва Ребета и Степана Бандеры, через десять лет из лондонской резидентуры скрылся капитан Олег Лялин, завербованный английской МИ-5.

Ни с Хохловым, ни со Сташинским полковник Лазаренко, к счастью, знаком не был, а вот Лялина знал.

На допросе в британских спецслужбах Лялин наболтает такого, чего и в страшном сне не приснится. Якобы тот самый отдел, в котором ему

пришлось служить, готовил диверсии в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Бонне, Риме. Особенно он упирал на Англию. Мол, советские чекисты собиралась затопить лондонское метро, взорвать станцию раннего оповещения о ядерном ударе в Северном Йоркшире, уничтожить стратегические бомбардировщики, а также другие военные объекты.

Эти дикие факты были положены в основу обвинения Советского Союза в подрывной деятельности на территории Великобритании, и правительство Эдуарда Хита пошло на беспрецедентный шаг — выслало из страны 105 советских дипломатов. Разумеется, среди них было немало и разведчиков. Благодаря усилиям предателя Лялина британские спецслужбы нанесли мощный удар по лондонской резидентуре.

Газета «Правда» в сентябре 1971 года писала: «В шпионаже клеветнически обвиняют работников советского посольства, торгпредства, Совэкспортфильма, Интуриста и т. д. Но и этого мало. «Ньюс оф уорлд», расписывая «смелые и действенные меры» консерваторов, требует немедленно ополчиться против «сотрудников» посольств восточноевропейских стран.

«Санди телеграф» откровенно называет в качестве новых мишеней британских властей посольства Чехословакии, Польши, а также Египта и Ирана...»

До сих пор, как только в российской печати появляются публикации о предателе Олеге Лялине, сразу же возникают два утверждения. Первое — после побега Лялина отдел претерпел большую чистку, а некоторые авторы убеждают нас, что он и вовсе был закрыт, и второе — якобы, взбешенный Председатель КГБ Юрий Андропов приказал ликвидировать предателя. Только вот почему он был не ликвидирован — неизвестно.

Что ответить на эти утверждение? Да, действительно, предательство Лялина нанесло большой вред как нашей дипломатии, так и разведке.

В одном из своих интервью генерал Юрий Кобаладзе, бывший в начале 90-х годов руководителем пресс-службы внешней разведки России, прокомментировал ситуацию с Лялиным следующим образом:

«Впервые в истории взаимоотношений Советского Союза и Англии была предпринята акция, когда выдворили сразу 105 человек. В практике международных отношений такого не существовало. Разведслужбы есть почти во всех странах мира, и, естественно, бывали случаи, когда кого-то ловили с поличным. Были и скандалы. Но, как правило, это делалось тихо — просто высылали из страны. А тут сразу огромное количество высланных, причем, не все из них имели отношения к разведке.

...На самом деле, чем он (Лялин) был опасен — своей

принадлежностью к подразделению «В». И, конечно, он там страсти-мордасти порассказал».

Сам же Александр Иванович Лазаренко о побеге Лялина и его последствиях вспоминал так:

«Вот пишут теперь кому не лень, мол, после побега предателя Лялина отдел пострадал, его расформировали. Да, никто его не расформировывал. Просто стал называться по-другому — 8-м отделом. Убрали одного из замов начальника отдела Василия Власова. И правильно сделали.

Разумеется, Олег Лялин теперь не кто иной, как борец с коммунизмом и тоталитаризмом, который сражался, как герой, за светлые идеи демократии. А на самом деле он просто предатель, иуда.

Но дело в том, что предателя Лялина и последующей трагедии с высылкой 105 советских дипломатов и разведчиков могло не быть.

Однажды на имя начальника Первого Главного управления генерала Сахаровского приходит письмо. Пишет ему наш ветеран КГБ из второго Главка: «Капитан Лялин в разведке работать не может. Он бабник и болтун».

Оказывается, этот ветеран был отцом любовницы Лялина. Тот часто навещался в их дом, напивался и хвастался: «Не смотрите, что я капитан. Я большой человек, разведчик-агентурщик». И далее его обычно несло, как Остапа Бендера.

Ветеран наш хоть и был старенький, уже 84 года, слушал-слушал, да и не выдержал: написал письмо Сахаровскому. Все рассказал. Поручили эту жалобу проверить полковнику Василию Власову. Он поехал к ветерану, побеседовал. И вместо того, чтобы прислушаться к мнению, серьезно разобраться, отмахнулся, а на письме этак высокомерно черкнул свое заключение: «Бред сивой кобылы». И отправил в архив.

А когда вскоре Лялин сбежал, сдал четверых наших ценных агентов, да еще 105 человек выслали из страны, письмо извлекли из архива и припомнили Власову этот «бред».

Мы ведь читали распечатку допроса Лялина там, в Англии. Он обо всех сотрудниках отдела рассказал: и о Филимонове, и о Ботяне, а меня назвал «хитрым хохлом». Так, что все у нас было, все знали. И достать его могли. Разведали, где прячется...»

Помнится, слушая Лазаренко, я тогда искренне удивился:

— Так почему же не достали?

Александр Иванович отрицательно покачал головой.

— Вы что, сотрудников разведывательно-диверсионного отдела КГБ представляете себе, как неких «свободных стрелков»? Захотели — убрали,

не захотели — помиловали?

Да, я всегда считал, что предатель должен отвечать за свои преступления, за страдания, а то и гибель преданных им товарищей. И мы писали Генеральному секретарю ЦК КПСС Леониду Брежневу. До сих пор помню этот конверт. Гриф: «Секретно. Особой важности» на письме, красная полоса — никто, кроме адресата, вскрывать не мог.

Но Леонид Ильич не дал «добро». Он вообще не был сторонником таких методов. А так ведь у нас все было подготовлено — и соответствующий нелегал, и оружие...»

Почти четверть века после своего предательства прожил Лялин в одном из английских графств. А в 1995 году тихо скончался на 58-м году жизни.

* * *

Что поделаешь, приходилось заниматься и такими людьми — предателями, террористами, убийцами. Разгребать их грязные дела. Особого удовольствия подобная работа не приносила. Но работа была крайне необходимой. Сегодня, в период необычайного разгула терроризма, это становится особенно очевидным.

Полковник Александр Лазаренко был одним из тех, кто, по сути, первым принял удар террористов, оценил всю опасность этого явления и готовил адекватный ответ.

Итак, 1970 год. Человечество еще не осознало опасность «чумы XX века». До Мюнхенского кошмара Олимпиады 1972 г. целых два года. Только Израиль в 1968 году в ответ на захват палестинскими террористами «Боинга-707» авиакомпании Эль-Ал, провел операцию «Подарок» и уничтожил 13 авиалайнеров в Бейрутском международном аэропорту. Но это было воспринято мировым сообществом как очередной виток арабо-израильского противостояния.

А мир, тем не менее, стоял на пороге эры воздушного терроризма.

В СССР в ту пору террористические акты были редкостью, а уж о захватах самолетов никто и не помышлял.

Однако такой захват случился. В 1970 году, в Советском Союзе.

Террористы отец и сын Бразинскасы бандитски захватили самолет, совершавший полет по маршруту Батуми — Краснодар. Они убили юную девятнадцатилетнюю бортпроводницу Надю Курченко, ранили двух членов экипажа и принудили командира корабля совершить посадку в Турции, в

городе Трабзоне.

Ничего подобного прежде не происходило в нашей стране. Это был первый угон самолета в другое государство, да еще с такими трагическими последствиями. Советский Союз был в шоке. Обсуждалось предложение высадить в Трабзоне десантников и захватить террористов. Однако от него отказались.

Но если предложение о применении десанта было скорее из области фантастики, то в разведывательно-диверсионном отделе КГБ служили вполне трезвые, смелые и высокопрофессиональные сотрудники. Они считали, что кровавые убийцы должны понести заслуженное наказание. Ибо Турция не собиралась карать террористов: их сначала отпустили, потом старшего Пранаса якобы осудили, но он вскоре оказался на свободе, а его сын — Альгердас и вовсе оказался неподсуден по малолетству.

И тогда сотрудниками отдела была разработана операция по уничтожению террористов Бразинскасов.

О том, как она готовилась и осуществлялась, рассказал мне сам Лазаренко:

«Знаете, тот террористический акт, убийство Нади Курченко потряс нашу страну. К тому же он послужил дурным примером для других бандитов. Террористы, захватившие самолет в Грузии в 1983 году, что потом говорили на суде? Когда их спросили, почему они поступили так жестоко, не предъявляя никаких требований, пять раз выстрелили в лица пилоту Шабартяну, три раза в пилота Плотко, убили бортпроводницу, они ответили: мол, тихо, по турпутевке, не собирались уезжать в Турцию и там оставаться. Ссылались на Бразинскасов, что вот убили Надю Курченко, так их там с распростертыми объятиями приняли.

Так оно и было. Несмотря на все требования нашей страны, Турция не выдала нам террористов-убийц.

Наш отдел тщательно разработал операцию по уничтожению террористов.

Бразинскасы жили на вилле под Стамбулом. Всюду ходили вместе — в город, на рынок. Вот там, на рынке в Стамбуле, мы и решили провести операцию.

В Москву был вызван агент. Я работал с ним сам. Сначала предполагалось, что он уберет террористов из бесшумного пистолета, но потом от этой идеи отказались. Решили использовать микропулю. Специальное устройство зашили в подошвы туфель. Он поднимал ногу и делал бесшумный выстрел. Важно было просто попасть в террориста. Пули были отравлены и вскоре сделали бы свое дело.

Спасли террористов-убийц Бразинскасов... спецслужбы США. Они, заметая следы, вывезли их сначала в Италию, потом в Венесуэлу и, наконец, в Америку. Есть о чем задуматься, не правда ли?»

Да, истинная правда. Тем более, что эта история имеет поразительное продолжение, или, скорее всего, хочется верить, окончание.

Что уж греха таить, в последние годы эта кровавая история порядком подзабыта. И нынешние юноши и девушки вряд ли назовут имя своей ровесницы, которая была убита террористами на борту самолета. И вдруг в феврале 2002 года многие наши газеты, некоторые телепрограммы вновь вспомнили о теракте более чем 30-летней давности.

Что послужило толчком к этому? Оказывается, в США по обвинению в убийстве был арестован некий Альберт Виктор Уайт, 46-летний житель городка Санта-Моника. Но какое нам дело, спросите вы, до далекого американского городка и до убийцы Уайта? У нас и своих подонков хватает. Однако дело в том, что американский Альберт Виктор Уайт в какой-то мере тоже наш. Хотя очень не хочется причислять его к нашим. Но что поделаешь, так распорядилась история. Уайт — не кто иной, как Альгердас Бразинскас. Да, тот самый младший Бразинскас, который вместе со своим отцом, Пранасом Бразинскасом, захватил наш самолет. Они жили в Калифорнии, сменив фамилию.

И вот теперь 46-летний Альгердас убивает своего 77-летнего отца. Пока не известно, как это случилось. Ясно только — один террорист-убийца взрастил другого убийцу и сам пал от его руки.

Может быть, подводя итог этой истории, надо сказать: собаке собачья смерть — и поставить точку. Но нет, помните, как в песне «ничто на земле не проходит бесследно». Не прошел бесследно для нашей страны и кровавый пример Бразинскасов. Об этом говорил генерал Лазаренко. Они стали своего рода символом для последующих террористов.

А выдай их в ту пору Турция — и, возможно, не было бы у нас кровавых терактов в Тбилиси в 1983 году, в Ленинграде в 1988-м, в Орджоникидзе — в том же году.

Так что нам есть над чем подумать и о чем порассуждать. И не только нам. После событий 11 сентября и удара воздушных террористов в США вряд ли кто вспомнят Бразинскасов. Не до того им, да и не с руки. А ведь это они, американцы и их спецслужбы спасли, вывезли, дали другие фамилии, приютили у себя убийц-террористов.

Наверное, если бы сейчас зашла речь, американцы в очередной раз попытались бы все списать на «холодную войну». Действительно, чего уж там. Иммиграционный судья Роберт Гриффит до последнего борется за

террористов и настаивает на политическом убежище для этих подонков. Старший Бразинкас признан чуть ли не диссидентом: оказывается, он, бедняга, подвергался в СССР преследованиям за участие в «литовском сопротивлении» (так в США именуют банды «лесных братьев»).

Да уж, поразительная штука жизнь. Как по-иному с руин Всемирного торгового центра видится и оценивается преступление террористов-убийц Бразинкасов, то бишь Уайтов.

Говорят, что Бразинкасы последние годы прожили в забвении, не нажив себе славы и капитала за свое «диссидентское» прошлое. Но они прожили эти годы в тихой и благополучной Америке, а Нади Курченко, прекрасной молодой девушки, нет на свете уже тридцать с лишним лет.

Откровенно говоря, мне очень жаль, что Александр Иванович Лазаренко не «достал» их тогда в Турции. Но сын через столько лет сам «достал» отца-убийцу. И к этому нечего добавить.

* * *

В 1979 году полковнику Александру Лазаренко исполнилось 57 лет. Возраст вполне солидный, чтобы с чувством исполненного долга уйти на покой. Послужил он Отчизне немало, правда, на пенсию пока не собирался — были еще силы, здоровье и, что самое важное, опыт.

Однако скажи кто-либо в те годы, что впереди у него еще одна война — не поверил бы. Великой Отечественной хватило за глаза... Но, как говорят, человек всего лишь предполагает...

В том же году, еще до ввода наших войск, Лазаренко послали в Кабул. Глава Афганистана Хафизулла Амин «бомбардировал» Москву постоянными просьбами об экономической и военной помощи, просил ввести советские войска на территорию страны для обеспечения независимости и защиты завоеваний Апрельской революции.

Следовало прояснить некоторые вопросы, и руководство Первого Главного управления командировало в Афганистан Александра Ивановича. Вопросы он свои прояснил и даже встретился с Амином. Однако встреча эта, говоря языком дипломатов, «на высоком государственном уровне», оставила тяжелое впечатление.

«Моя первая командировка в Афганистан, — вспоминал позже Лазаренко, — состоялась в мае 1979 года. Амин принял меня, мы долго разговаривали с ним. Помню, удивленный некоторыми его декретами, спросил: «Товарищ Амин, вы издали несколько декретов, паранджу

ликвидировали, недовольство вызвали. Стоило ли это делать?»

Амин отмахнулся: «Какая паранджа? Мы скоро атомную бомбу будем иметь».

Страна в средневековье живет, всюду поразительная бедность, темнота, безграмотность, а он — атомная бомба».

Уезжая тогда из Кабула, полковник Лазаренко и представить себе не мог, что через год с небольшим он вновь вернется сюда. Только не для дружеских бесед с Амином, а на войну.

В декабре 1979-го воспитанники курсов переподготовки офицерского состава КГБ (КУОСа), объединенные в подразделение «Зенит», вместе с группой «Гром», при поддержке десантников и так называемого «мусульманского батальона» захватят дворец Амина и другие важнейшие государственные и правительственные объекты в Кабуле. В ходе штурма дворца погибнет начальник КУОСа полковник Григорий Бояринов и еще несколько офицеров. Бояринов посмертно будет удостоен звания Героя Советского Союза.

Вместе с бойцами «Грома» и «Зенита» в рядах идущих на приступ дворца Тадж-Бек будет действовать помощник начальника разведывательно-диверсионного отдела капитан 2 ранга Эвальд Козлов. Он также получит Золотую Звезду Героя.

Руководил и координировал действия спецназовцев начальник управления «С» (нелегальная разведка) генерал-майор Юрий Дроздов.

Так их 8-й отдел и подчиненные ему подразделения вступили в девятилетнюю афганскую войну.

Фронтовик полковник Лазаренко знал: война живет и развивается по своим законам. А это значит, что там «за речкой» необходимы их подразделения. У армии на войне свои задачи, у спецслужб — свои. И им не обойтись друг без друга.

Так, собственно, и случилось. Едва успел вступить в свои права новый 1980 год, как начальника отдела и его, Лазаренко, вызвал к себе руководитель Первого Главного управления Владимир Крючков.

Оказывается, руководством страны принято решение развернуть до полного штата бригаду особого назначения КГБ СССР. Офицеры этой бригады должны были организовать эффективную агентурную и оперативную работу, оказать помощь в создании местных органов безопасности и, разумеется, быть готовыми к проведению спецмероприятий против врагов нынешней афганской власти.

Лазаренко слушал Крючкова и чувствовал, как нарастает его внутреннее волнение: легко сказать — развернуть бригаду... Да это же

несколько тысяч офицеров-оперативников. А где их взять?

На местах, в областных управлениях у них была совсем другая работа. Тоже важная, напряженная, но все-таки в условиях мирного времени и на своей территории. А там война. Это значит все иное — задачи, ритм работы, уровень опасности, местное население — афганцы, которых мы совсем не знаем, их обычаи, традиции, язык, история.

Он вспомнил, как недавно один из его подчиненных в шутку спросил: «Александр Иванович, а как правильно писать: «Афганистан» или «Авганистан», через «фэ» или через «вэ»?». Откровенно говоря, он тогда едва сдержался. Только сдается, таких сотрудников по необъятному Советскому Союзу немало. И других у нас просто нет.

Тем временем, закончив рассказ о задачах бригады, начальник ПГУ подвел итог:

— Командовать этой бригадой и выполнять столь непростые задачи поручено вам...

И он назвал фамилию начальника отдела.

— Вы опытный разведчик, оперативных знаний не занимать, вам и карты в руки.

Лазаренко видел, как побледнел его шеф, услышав собственное имя. Однако Крючков этого не заметил. К сказанному он весело добавил:

— С Юрием Владимировичем Андроповым ваша кандидатура согласована. Здесь, в Москве, на хозяйстве вместо вас останется полковник Лазаренко.

Наступила пауза. Крючков, видимо, был уверен, что сейчас услышит четкое по-военному «есть» или более демократичное, чекистское «все понятно, разрешите выполнять», но не тут-то было.

Начальник спецотдела со вздохом развел руками.

— Владимир Александрович, — обратился он к Крючкову, — поймите правильно, если соглашусь на это назначение, боюсь повредить делу. Войсковыми операциями я не занимался, оперативно-боевыми подразделениями тоже не руководил. Так что...

Генерал замялся. Да и продолжать не имело смысла. Все было ясно. Шеф спецотдела просто струсил.

Крючков молчал, в упор глядя на начальника отдела. Чувствовалось, что он едва сдерживает гнев. Начальник ПГУ перевел холодный взгляд на Александра Ивановича:

— Вы тоже боитесь навредить делу?

— Боюсь, — ответил Лазаренко, — но от дела не отказываюсь.

— Тогда вы, — бросил Крючков начальнику спецотдела, — свободны.

А вы, Александр Иванович, останьтесь.

Начальник ПГУ сидел молча, не проронив ни слова. Молчал и Лазаренко. Он понимал «большого шефа»: тяжело вдруг сделать открытие, что много лет рядом с тобой работал трус, и в нужную минуту он просто бросил тебя.

Потом Крючков поднял трубку и позвонил Председателю КГБ Андропову, пересказал разговор с начальником спецотдела. Когда их беседа была окончена, он, обращаясь уже к Лазаренко, сказал:

— Вы назначены. Юрий Владимирович утвердил вашу кандидатуру.

Крючков встал и протянул руку. Взгляд его потеплел.

— Александр Иванович, начинаете, по сути, с нуля.

Лазаренко кивнул:

— Понимаю...

— И еще, — Крючков задержал его ладонь в своей руке, — учтите, Афганистан — это...

Начальник ПГУ задумался, словно подбирая нужное слово, а у Лазаренко мелькнуло: да уж, Афганистан — не Буэнос-Айрес.

А Крючков лишь улыбнулся:

— Вот вернетесь оттуда, и расскажете мне, что такое Афганистан.

«Отчего же не рассказать, — подумал Лазаренко, — только когда это будет?»

* * *

С чего начал полковник Александр Лазаренко свою деятельность в качестве командира бригады специального назначения? С того, что доложил начальнику управления генералу Юрию Дроздову о нецелеобразности развертывания бригады по полному штату.

Руководство выслушало его и с доводами согласилось. Решено было создать сводный отряд, который Лазаренко предложил назвать «Каскад». Состав — тысяча человек.

Вскоре отряд сформировали и перебросили в Фергану, на базу 105-й воздушно-десантной дивизии ВДВ. Здесь бойцы «Каскада» проходили доподготовку, готовились к действиям в Афганистане.

Своя доподготовка была и у командира. Уже первые шаги по осмыслению роли отряда, его тактики, оперативной деятельности показали: первая «горячая», еще не оформившаяся мысль о том, что «Афганистан — не Буэнос-Айрес» — верна и точна.

Но что делать после осознания этой верной и точной мысли? Изучать опыт. К тому же опыт не европейский, а по большей мере среднеазиатский. Например, борьбу с басмачами.

Позже Александр Иванович скажет: «Я собрал соответствующие материалы со всего Советского Союза. Даже историю и методы работы ЧОН изучал. Ибо в Афганистане классические методы разведки не подходили».

Помнится, тогда в одной из работ Лазаренко прочитал: «Через горные перевалы, через выжженные солнцем пустыни шли верблюжьи караваны из-за кордона. В тяжелых тюках были упакованы винтовки, пулеметы, ящики с патронами. Действия басмачей сопровождались жестоким террором, принимавшим изуверские формы».

Как часто потом, в Афганистане, командир «Каскада» станет вспоминать эти строки. Они окажутся похожи на сообщения из его собственных донесений в Центр. Словно и не было шести десятков лет.

Многое он почерпнул из документов, сохранившихся в архивах КГБ со времен махновщины, антоновщины. Позже, уже в послевоенный период — борьба с оуновцами на Украине, «лесными братьями» в Прибалтике дала пищу для размышления и изучения тактики националистических банд. Что-то было общее, традиционное в этой партизанщине, и в то же время выделялись разительные отличия. Ведь обстановка в Афганистане, как политическая, так и экономическая, идеологическая была иная. На дворе стояли 80-е годы XX столетия. К оценке обстановки следовало добавить еще время и место действия.

В те дни, листая пожелтевшие страницы документов, он записал себе в блокнот: начало басмаческого движения — 1917 год, окончание — 1926-й. Написал и удивился — девять лет борьбы. Нельзя сказать, что для Александра Ивановича цифры эти стали открытием. О долгой борьбе с басмачеством он знал и раньше. Но раньше эти цифры были где-то далеко, а теперь проступили ясно и зримо.

Лазаренко вспомнил, как невольный холодок пробежал по спине — девять лет! «Неужто и мы там застрянем?.. — подумал он и тут же отогнал эту дикую мысль. — Надо же, взбредет такое в голову».

Проштудировал еще раз, заново и классический учебник М. Дробова: «Малая война: партизанство и диверсии».

Дробов был прав, хотя не все его поняли тогда, в 30-е годы, когда вышел в свет научный труд. Он говорил о том, что «малая война» станет играть, значительную, а возможно и решающую роль в будущем. Его критики основывались на опыте масштабных, мировых войн. И

действительно, не забылась еще Первая мировая, пахло порохом уже новой вселенской бойни, какие уж тут «малые войны». Но, оказывается, настало время, как теперь их называют, и «конфликтов малой интенсивности».

Поднял Лазаренко судоплатовские дела. Тут, право, было чему поучиться. На счету сотрудников 4-го разведывательно-диверсионного управления НКВД оперативные игры с фашистами, умелое проникновение в немецкие центры, штабы, эффективная деятельность, как разведгрупп, так и талантливых разведчиков-оперативников.

Эти материалы Александр Иванович читал с особым волнением. Нет, в годы Великой Отечественной ему не посчастливилось работать в легендарном 4-м управлении, он был всего лишь войсковым разведчиком. Но в том, что Судоплатов сегодня на свободе и борется за свою реабилитацию, есть частица и его труда.

Александр Иванович хорошо помнил тот день, когда Председатель КГБ Юрий Андропов вызвал к себе начальника Спецотдела генерала Гусева и его, Лазаренко.

Гусев совсем недавно принял отдел и был не в курсе дел. А выполнять очередную задачу руководства пришлось Александру Ивановичу. Задача состояла в том, чтобы тщательно проанализировать обвинительное заключение на Судоплатова, поднять документы и подтвердить или опровергнуть каждый пункт обвинения.

Судоплатовское уголовное дело уместилось в несколько томов. Обвинительное заключение было на 500 страницах. Но делать нечего: приказ есть приказ. Да и за каждой этой строкой годы заключения Павла Судоплатова.

Чего только не вменяли в вину Судоплатову: например, то, что он находился в плену у Петлюры и скрыл этот факт, вступая в комсомол.

Пришлось поднять комсомольские дела Павла Анатольевича. Сделали запрос на Украину. Выяснилось: ничего он не скрывал. Действительно, будучи в отряде у красных еще пацаном, попал в окружение к петлюровцам. Те его выпороли и отправили домой. Вот и вся вина «красного бойца». А через тридцать лет непонятным образом это лыко попало в строку.

Докопался Александр Иванович и до того, кто оклеветал Судоплатова. Им оказался некто Гольц. Потом он признался, что его заставили оболгать Судоплатова, но следствие почему-то не обратило внимание на это обстоятельство.

Словом, пройдя по всем пунктам обвинения, написал Лазаренко докладную записку на имя Председателя КГБ. В ней он доказал, что

Судоплатов достоин реабилитации. Позже так и произошло.

Однако теперь, в 1980-м Павел Судоплатов нужен был командиру «Каскада» не как бывший заключенный Владимирского централа, которого следует реабилитировать, а как начальник разведывательно-диверсионного управления. Вернее нужен был не сам Павел Анатольевич, а опыт, накопленный его службой за время войны.

И этот фронтовой опыт положили в копилку «Каскада».

Немало помогли Лазаренко и работы известного диверсанта Ильи Старина — тут и дела испанские, и действия советских партизан в фашистском тылу.

В общем, перед командировкой в Афганистан полковник Лазаренко основательно изучил и аккумулировал опыт своих предшественников. Свой же опыт еще предстояло наработать. Тем более что противники действовали не менее мобильно — уже летом 1980 года на территории Ирана и Пакистана оперативно разворачиваются лагеря подготовки маджахедов.

В свою очередь, в «Каскаде» совсем немного сотрудников, которые владеют языком, знают обычаи народов Афганистана. Да и что значит «владеют языком», если в стране пребывания люди говорят более чем на 30 языках и диалектах.

А местные нравы, обычаи... Тут столько тонкостей, особенностей. Что поделаешь, приходилось все осваивать в ходе работы, как говорится, с колес.

Как и прогнозировал Лазаренко, действовать «каскадерам» пришлось в крайне непривычных для себя условиях, нередко отказываясь от традиционных методов ведения разведывательной работы.

Сам Лазаренко, по возвращению из Афганистана так вспоминал о том времени:

«У нас было 480 агентов. И все они внедрены в банды. Но чтобы встретиться хотя бы с одним агентом, надо не три остановки на метро проехать, потом пять на автобусе и помотаться по городу, проверяясь, нет ли «хвоста». Тут следует чуть ли не целую войсковую операцию готовить. Зачастую под прикрытием бронетранспортера выезжали в поле и туда выходил агент.

А как проверить свою агентуру? В европейских странах это делается просто, но попробуйте сделать в Афганистане. Ладно, если речь идет о Кабуле, Кандагаре, Фарахе. Это достаточно большие города, они под нашим контролем. А маленькие селения банды контролировали. Отсюда и трудности, о которых не подозревают европейские разведчики».

Да уж, жизнь еще раз подтвердила, что Афганистан — особая территория на карте мира. Во всяком случае, для командира «Каскада» она стала именно такой.

* * *

Догорал ташкентский знойный июнь 1980 года. 25-го утром со взлетной полосы аэродрома стартовали несколько самолетов. Курс на Кабул, Кандагар, Шиндант. В грузовых отделениях лайнеров — бронетранспортеры, радиийные машины, а также боеприпасы, оружие, бойцы спецподразделения «Каскад».

К месту размещения в Кундузе и Мазари-Шарифе колонна отряда выдвинулась своим ходом.

Так «каскадеры» вошли в Афганистан. Штаб отряда расположился в Кабуле. Возглавил его опытный сотрудник КГБ Поляков.

На войне говорят, что штаб — всему голова. Это Лазаренко усвоил еще со времен Великой Отечественной. Да и потом, в послевоенные годы, Александр Иванович сам был штабным офицером и имел в подчинении штаб, как командир полка.

Разумеется, задачи такого специфического подразделения, как «Каскад», отличалась от задач, к примеру, десантного полка. И потому штаб отряда, кроме обычного, традиционного планирования и ведения боевой и кадровой работы, руководства оперативными группами, обеспечивал ежедневную связь с Москвой. Телеграммы подписывал сам командир.

На полковника Лазаренко возлагалось также взаимодействие с членами оперативной группы, в которую кроме представителя Комитета госбезопасности главного партийного советника и советского посла входили маршал Сергей Соколов и генерал армии Сергей Ахромеев. Вскоре в эту группу включили и командира «Каскада». Александр Иванович прекрасно понимал, как важны для его отряда добрые отношения с армейцами. Как, впрочем, и наоборот.

Придет время, и в ходе разбора итогов боевой армейской операции, проведенной в районе Герата, один из комдивов 40-й армии обратится с просьбой к маршалу Соколову — при разработке всех последующих боевых действий соединения жизненно необходимо участие оперативных офицеров «Каскада». Это было уже серьезное признание результатов их разведработы.

Но все это придет потом, со временем. А пока «каскадеры», что называется, зубами вгрызались в боевую обстановку. Как воздух, необходимы источники информации. Позже Лазаренко с гордостью скажет: «У «Каскада» было 480 агентов. Однако мы начинали с нуля».

Да, среди агентов находились люди образованные — врачи, педагоги, инженеры, некогда закончившие советские вузы, владеющие русским языком, но большинство — крестьяне, духанщики, торговцы были безграмотны, темны, религиозны. Попробуйте таких научить премудростям разведывательной практики, например, операциям с использованием тайников. Это бесполезная трата времени.

Однако разведсведения нужны. И тогда на встречу с агентом в пустыню или в предгорные районы «каскадеры» выезжали на бронетранспортере, а в городе старались встречаться не на явочной квартире, а в самом людном месте — на базаре.

Так что сложности возникали самые неожиданные. Афганистан — религиозная, мусульманская страна, и авторитет муллы там незыблем. «Каскадеры» не раз предостерегали своих агентов об опасности чистосердечного признания в ходе исповеди. Но, увы, чаще верили не им, а мулле. А мулла не забывал докладывать тайны исповедующихся своим хозяевам из иностранных разведок. Таким образом, нередко самые ценные агенты оказывались в лапах врага.

А враг был силен. Для разведки он использовал все, что возможно — религиозный фактор, о котором мы уже говорили, родственно-племенные связи, подкуп, угрозы, кровную месть. Надо признать, моджахеды и их покровители имели сильную опережающую развединформацию.

Достаточно вспомнить охоту на одного из лидеров движения моджахедов — Ахмад-шах Масуда. Сегодня уже известно, что в его окружении находилось около полутора десятков наших агентов. И что же? Многочисленные операции «каскадеров» по ликвидации «льва Пандшера» окончились неудачей. Каким-то образом Масуду становилось известно о них заранее, и он ускользал в самый последний момент.

И тем не менее, преодолевая трудности, осваивая премудрости разведнауки на афганском театре военных действий, «каскадовцы» обретали знания, опыт, авторитет.

* * *

Разворачивая агентурную и оперативную работу в Афганистане, а

также проведение спецопераций против наиболее одиозных главарей бандформирований, полковник Лазаренко никогда не забывал, что находится со своими «каскадерами» на чужой земле. И потому считал, что новую власть, пусть и с помощью «шурави», могут утвердить только сами афганцы.

Именно поэтому одна из трех основных задач спецподразделения КГБ СССР «Каскад» так и звучала — помощь афганцам в создании своих органов безопасности.

Однако и после того, как был образован ХАД (афганское КГБ), вскоре стало ясно — мало иметь службу, отвечающую в целом за безопасность государства. Нужен эффективный инструмент в подавлении бандитизма. Так появилось управление, целью которого стало планирование и проведение спецоперации против моджахедов. Назвали его 5-м управления ХАДа.

Опытного в оперативном отношении сотрудника не нашлось, и поэтому на должность начальника управления был назначен в прошлом медицинский работник, по афганским меркам достаточно образованный, политически грамотный человек.

В свое время он учился в Советском Союзе, знал русский язык, однако был себе на уме. Мог и обмануть, дабы подзаработать. Как-то убедил Александра Ивановича в том, что есть возможность захватить в плен нескольких американцев, агентов ЦРУ. И попросил на осуществление этой трудной операции 200 тысяч афгани.

Лазаренко сообщил в Центр. В Москве согласились выдать эту немалую сумму. Да и понятно, кто же откажется от подобного заманчивого предложения.

Но вскоре начальник 5-го управления только руками развел, мол, не удалась операция. Исполнители, судя по всему, оказались предателями, взяли деньги и словно сквозь землю провалились. Что тут скажешь? Лазаренко предстояло неприятное объяснение с Центром.

Этот пример говорит о том, с какими людьми приходилось работать в Афганистане.

Разумеется, все необходимое для работы 5-го управления было поставлено из Союза. Тут и оружие, боеприпасы, обмундирование, спецсредства. Одних автоматов Калашникова передали местным «хадовцам» более 10 тысяч единиц.

Да еще потом дополняли, когда вооружали специальный полк, подчиненный управлению.

Обучать афганцев порой приходилось самому элементарному.

Например, правилам обращения с оружием.

В то же время Лазаренко понимал: для новой службы крайне необходима специальная радиосвязь. И вот, по его просьбе, из Советского Союза в Афганистан завозятся радиостанции, ремонтная база, приезжают специалисты.

Как ни горько это осознавать, но нередко подобную заботу афганцы воспринимали иждивенчески: вы нас обули, одели, вооружили, а теперь и в бой идите вместо нас. Ведь вы опытнее, умнее.

Нечто подобное случилось и у командира «Каскада». Однажды при обсуждении плана спецоперации по уничтожению лидера Исламской партии Афганистана Хекматъяра в Пакистане, начальник 5-го управления неожиданно предложил «поработать» советским специалистам. Мол, так будет вернее. На что Александр Иванович твердо ответил: проведение подобных акций — дело афганцев.

Начальник «пятерки» неспроста хотел переложить тяжесть проведения операции на «щурави». Его «спецам», к сожалению, так и не удалось уничтожить Хекматъяра. Правда, справедливости ради надо отметить, мост, по которому ехал лидер Исламской партии Афганистана, был взорван, но Хекматъяр не пострадал.

Как выяснилось позже, у руководителей моджахедов были свои агенты в ХАДе, и даже в 5-м управлении. А вот «хадовская» контрразведка действовала неэффективно.

В работе «Каскада» и 5-го управления были, разумеется, не только провалы, но и победы. С годами «хадовцы» трудно, медленно, но набирали темп. К исходу 1981 года в управлении уже четко знали, где располагается какая банда, какова ее численность, откуда поступает оружие, финансовые средства.

Примером успешной совместной разведывательной деятельности «пятерки» ХАД и «Каскада» может служить итог операции по уничтожению крупной банды в крепости в районе Газни.

Разведданные оказались точны, и удар советской авиации навсегда похоронил бандформирование под обломками крепости.

На счету сотрудников 5-го управления были и другие успешно проведенные спецоперации, засады, захваты «языков», налеты на объекты и места расположения моджахедов.

Разумеется, самые эффективные спецоперации проводили сотрудники «Каскада». Часто инициатором их являлся командир подразделения полковник Лазаренко.

В одну из наших первых встреч Александр Иванович поведал мне интереснейшую историю. А «выросла» она из крупного ЧП на аэродроме в Кандагаре. Там располагалась советская авиационная часть. Пилоты летали на «МиГах». Здесь же дислоцировались афганские вертолетчики.

Ночью, на посту солдату-часовому показалось, что кто-то ходит у самолетов. Кто может ходить в такую пору? Разумеется, бандиты. Он сорвал с плеча автомат и дал очередь.

И надо же случиться такому — пуля, выпущенная из «Калаша», попала во взрыватель бомбы, которые тут же были сложены в штабель. История почти фантастическая, ведь взрыватель — это не более чем двухкопеечная монета. Но, тем не менее, это случилось. От взрыва взлетели на воздух три советских самолета и два афганских вертолета.

Обо всем этом сразу после происшествия полковнику Лазаренко доложил руководитель команды «Каскад» в Кандагаре подполковник Алейников. Кстати говоря, Александр Иванович ценил Алейникова. Когда ему присвоили звание генерал-майора, свой погон положил на плечо подполковнику, сказал: «Вот тебе, Анатолий, один генеральский погон, второй сам зарабатываешь». И он действительно заработал, стал генерал-лейтенантом, первым заместителем Председателя КГБ. Правда, время, когда он принял эту должность, было тяжелое для Комитета Госбезопасности, 1991-й год. Тогда КГБ возглавил печально известный Бакатин, и Алейников быстро понял, с какой целью пришел этот «демократ». Цель одна — разрушать. И справедливости ради надо сказать, Бакатину многое удалось...

Однако вернемся к событиям в Афганистане. Узнав о ЧП, Лазаренко сразу же вылетел в Кандагар. Его встретил подполковник Алейников, подробно обо всем доложил. Александр Иванович внимательно выслушал доклад и произнес:

— А теперь, Анатолий Аввакумович, начинается наша работа.

Судя по всему, подполковник поначалу и не понял: какая работа? А у Лазаренко уже родился оперативный план.

Пришлось кое-что втолковать поначалу командиру авиационного полка.

— Солдата оставь в покое. Пусть себе гуляет, только язык за зубами держит. А ты вместе с замполитом и начштаба всюду рассказывай, мол, это дело рук моджахедов. Напали, сожгли самолеты...

Командир полка не соглашается. Солдата уже задержали, началось расследование.

— А ты выпусти его, расследование закрой.

— Да не могу я, — кипятится командир. — Не в моей это компетенции: открыл расследование — закрыл.

— Тебе указания заместитель начальника Генштаба достаточно?

— Вполне.

— Добро, будет тебе указание.

Вечером того же дня комполка получил от генерала армии Ахромеева приказ: действовать по указанию Лазаренко.

«Дальше подполковник Анатолий Алейников, — вспоминал Александр Иванович, — с помощью местных «хадовцев» подобрал трех афганцев из числа кандагарской агентуры. Один был непосредственно офицером ХАДа, старшим лейтенантом, двое других — агентами. Целый месяц мы готовили их на своей базе. Учили основательно, и как тол из бомбы выплавлять, и как изготовить заряды...»

Каждую ночь эта тройка ходила из города в аэропорт. А расстояние там не маленькое — 22 километра. По возвращению сам лично проверял, выспрашивал, что встречали по дороге — кусты, овраги, переходили ли речку?

Агенты заучивали легенды, условия связи, тренировались в обеспечении собственной безопасности.

Конечно же, не раз проводили мы репетиции и на аэродроме, отрабатывали детали якобы совершенного диверсионного акта.

А тем временем повсюду распространялись слухи о крупной диверсии на аэродроме, проведенной моджахедами».

После первичной подготовки наступил следующий этап спецоперации по внедрению агентов в бандформирования. Старший лейтенант — «хадовец» был заброшен в одну банду, двое агентов — в другую. Разумеется, всем троим устроили тщательную проверку. Они рассказали о «диверсии», о том, как после ее совершения уходили к границе с Пакистаном и по дороге потерялись. Двое агентов даже высказали предположение, что их старший, возможно, погиб.

Бандиты проверили, — действительно, уничтожены три «МиГа» и два вертолета, «шурави» уверены, что это нападение моджахедов. Контрразведка противника пыталась поймать агентов на мелочах, выспрашивала подробности «диверсии». Однако легенда, подготовленная «каскадерами», выдержала испытание. Агентам поверили. В Пешаваре им устроили торжественную встречу, чествовали, возносили как героев,

наградили, хорошо заплатили.

И агентурная группа начала работать. Однажды, рассказывая о внедрении «тройки» в банду, Александр Иванович воскликнет: «Какие агенты были, какие разведданные давали!»

Действительно, двое вели наблюдение, слушали, расспрашивали, и потом обо всем докладывали офицеру-«хадовцу». Тот, в свою очередь, записывал информацию и закладывал ее в тайник.

Теперь «каскадеры» знали имена лидеров банд, караванные пути, по которым везли оружие и боеприпасы, а главное, планы моджахедов.

Ценнейшей информацией стало оперативное сообщение группы о том, что главари бандформирований решили взорвать индийское консульство в Кандагаре, как раз во время визита Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева в Дели. Каков был бы резонанс в мире — советского руководителя принимают в Индии, а в это время на воздух взлетает индийское консульство в Афганистане. Конечно же, этот теракт удалось предотвратить.

К сожалению, судьба этой оперативной тройки трагична. После всех наград и поощрений им недолго удалось поработать. Их неожиданно арестовали и расстреляли. Долгое время «каскадеры» не могли понять и узнать причину провала. Уже накануне своего отъезда из Афганистана Лазаренко выяснил: виной всему — исповедь. Один из агентов признался о своих делах мулле. Тот сразу же доложил об услышанном своим покровителям.

А ведь агентов предупреждали.

Это лишь рассказ об одной агентурной группе, о трех агентах, а их у «каскадеров» (помните, признавался Лазаренко) было 480. Их разведданные спасли жизни многим — от руководителей Афганистана до рядовых солдат.

Вот только один пример.

«В Кабуле, — вспоминал сам Лазаренко, — у нас был очень ценный агент — мулла. И вот накануне 7 ноября, дня Великой Октябрьской социалистической революции, он дает сведения. Во время приема в советском посольстве будет убит руководитель Афганистана Бабрак Кармаль.

Представляете, Бабрак убит в советском посольстве...

Мы накрыли банду, стрелки которой собирались засесть в дуканах и сделать роковой выстрел».

Вот лишь несколько эпизодов боевой работы «Каскада» и его командира. Хотелось бы рассказать обо всех или о многих, но, видимо,

сделать это трудно, да и пока нецелесообразно. Не пришло время. И потому повествование о делах «каскадерских» завершаю стихами неизвестного автора. Мне кажется, поэт уловил суть работы подразделения специального назначения «Каскад».

Четко трудится разведка,
Спят спокойно «Кобальт», ХАД,
Потому что очень редко
Ошибается «Каскад».

* * *

Командировка Александра Лазаренко в Афганистан продлилась без малого два года. Отвоевав положенный срок, убывали в Советский Союз «каскадеры», а командир оставался на месте. Таким образом, он руководил «Каскадом-1», «Каскадом-2» и «Каскадом-3».

Весной 1982 года Лазаренко сменил полковник Евгений Савинцев.

За эти долгие месяцы войны Александра Ивановича дважды к себе приглашал Председатель КГБ Юрий Владимирович Андропов. Люди, знающие всесильного шефа Комитета госбезопасности, утверждают, что он умел слушать и слышать.

Встречу с Андроповым Лазаренко вспоминал так:

«Это было в 1981 году. Андропов вызвал меня из Афганистана. Обстановку я и без того знал хорошо, но все-таки шел к самому Председателю КГБ и потому выучил доклад назубок.

Стал докладывать. А он — стоп, остановил. И начал задавать вопросы. Полтора часа спрашивал. «Кто готовит пищу?» — «Сами офицеры, — отвечаю, — по очереди». «А кто стирает?» — «Тоже сами». — «А вши есть? Говори откровенно...» — «Бывает, Юрий Владимирович, — признался я. — Живем-то не просто, война».

Андропов пристально посмотрел и спрашивает: «Что надо, чем помочь?» — «Машины стиральные нужны». — «Все, договорились, — ответил он. — Двадцать стиральных машин отправляем немедленно».

Вот такой был разговор.

В конце Андропов встал, подошел, положил руку на плечо:

— Мы вас очень уважаем и ценим, Александр Иванович.

А у меня ком к горлу. Такое не забывается».

После разговора с Председателем КГБ полковник Лазаренко получил пять суток отпуска.

После возвращения в Кабул вскоре ему позвонил кадровик, генерал Андрианов. Они давно знали друг друга, были добрыми приятелями. Потому сообщение Андрианова о том, что его фамилия в проекте приказа на присвоение звания генерал-майора, воспринял скорее как шутку.

— Да ладно, Володя, какой генерал? У меня же должность полковничья.

— Полковничья, — согласился Андрианов, — но все в руках... — Он замялся и добавил: — Все в руках Андропова».

Однако и вправду через несколько дней уже на проводе был сам начальник Первого Главного управления КГБ. Он поздравил командира «Каскада» с присвоением ему высокого звания генерал-майор. Для вручения генеральских погон Лазаренко вновь вызывали в Москву.

«В Ясенево, в нашей штаб-квартире, — признавался сам Александр Иванович, — накрыли стол. Я из Кабула привез два больших арбуза. Генеральские погоны вручали не только мне, было еще несколько человек. Все шло как обычно: Крючков вручает, поздравляет. Новоиспеченные генералы говорят стандартные слова, благодарят партию, правительство, Председателя КГБ, а я думаю: что же сказать, как сказать?»

Потом Крючков поздравил меня, сказал о мужестве бойцов «Каскада». Ответное слово за мной. Собрался с духом:

— Дорогие друзья! Есть старая поговорка: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Но плох тот генерал, который, став генералом, перестает быть солдатом».

Зал разразился аплодисментами. Какие это были аплодисменты!

На следующий день, едва успев примерить генеральский мундир, Лазаренко вновь улетел в Афганистан. Впереди была большая работа.

* * *

В следующем году, через двадцать один месяц войны, командир «Каскада» возвратится на Родину.

Ему исполнится 60. Однако на пенсию генерала отпустят только через пять лет.

Шла война в Афганистане, и ей не видно было конца. Опыт Лазаренко по руководству оперативно-боевыми подразделениями по борьбе с

современными бандформированиями оказался весьма ценным. И он делился этим опытом, передавал его молодым сотрудникам.

Однако годы брали свое. В 1986-м генерал Лазаренко ушел в отставку.

Встречались мы с Александром Ивановичем в начале 90-х. Много поведal он мне тогда.

— А что больше всего запомнилось из той, афганской войны? — спросил я однажды, и тут же понял нелепость своего вопроса. Почти два года напряженной оперативно-боевой работы, огромное количество событий, ну, как тут ответишь.

Но Александр Иванович воспринял мой не очень удачный вопрос вполне серьезно.

Он хмыкнул, усмехнулся:

— Не поверите, но в этом потоке дел, забот, встреч, боев запомнился один подарок. Когда я, получив генерала, возвратился в Кабул, на каком-то из «обмываний» моих лампас кто-то из «каскадеров» подарил папку, а в ней листочек.

Александр Иванович позвал жену и попросил подать ему папку. Жена безошибочно открыла шкаф и протянула тоненькую лидериновую папочку. Генерал открыл ее. Там действительно лежал единственный, пожелтевший листочек.

Не надо высоких наград,
Ни к чему нам парадный мундир.
Да здравствует славный «Каскад»
И его боевой командир! —

прочел он.

Я видел, как слезы навернулись на его глазах.

Наш человек в Вашингтоне

История эта скорее похожа на сказку, чем на быль. Будь я писатель-фантаст, тут и придумывать нечего — выкладывай на бумагу факты, и вот тебе готовое «фэнтези». Однако все это было в жизни.

Правда, скажи в 1930 году санинструктору артиллерийского полка Левке Сергееву, что через десять лет он станет резидентом советской военной разведки в Вашингтоне, счел бы говорившего за полоумного. Да и кому под силу придумать столь фантастический сюжет. Конечно, у Левки была тайная мечта стать красным командиром. Поступить в военную школу, выучиться, получить назначение командиром взвода. На большее мечты санинструктора Сергеева не распространялись. Ему уже исполнилось двадцать четыре года, и Левка не был столь наивен, он знал жизнь. С четырнадцати лет работал расклейщиком газет, посыльным, машинистом на гвоздильном заводе. Прочувствовал, что значит быть безработным и существовать с сестрой на крохотную материнскую зарплату.

Эта горечь и стыд иждивенца будут преследовать его потом всю жизнь.

Так что Левка Сергеев не забирался в своих мечтах слишком высоко. Какой Вашингтон, какая Америка? Он и Москвы-то отродясь не видел. Судьба водила словно по замкнутому кругу — родился в Азербайджане, еще ребенком мама перевезла его в Махачкалу, в школе военных санинструкторов учился в Тбилиси, потом служил в Баку. Дальше Закавказья мира для него пока не существовало.

А тем временем, как бы странно это ни звучало, за океаном, на другом конце Земли, произошло событие, определившее его дальнейшую судьбу.

Резидент Разведуправления Красной Армии в столице США Владимир Горев завербовал некоего Роберта Цельниса. Это, скорее всего, псевдоним, а вот истинную фамилию мы вряд ли узнаем. По национальности новый агент был не то латышом, не то ирландцем американского происхождения.

Некогда он учился в Колумбийском университете, но не окончил его. Придерживался левых взглядов. Некоторое время жил в Германии, в период революционных событий 1923 года, принимал в них активное участие. Вновь возвратился в США, работал в типографии.

Цельнис включился в деятельность резидентуры, привлек к сотрудничеству несколько человек. Он получил оперативный псевдоним

«Сотый».

Так вот, в 1938 году, когда вашингтонскую резидентуру возглавлял уже Артур Адамс, впоследствии известный под псевдонимом «Ахилл», агент «Сотый» исчез. Длительные поиски результата не дали.

Однако вскоре «Сотый» напомнил о себе. Через третьи лица передал в резидентуру письмо. В нем агент говорил, что расстанется с разведкой, с товарищами, с которыми проработал не один год.

Положение было угрожающее. Никто не мог предположить, как «Сотый» поведет себя дальше. Опасность состояла в том, что он, как старейший работник резидентуры, из 9 агентов лично знал шестерых. Некоторых, как уже говорилось, сам привлекал к работе на советскую военную разведку, знал в лицо и где они живут.

Таким образом, вся деятельность и безопасность резидентуры была поставлена под удар.

Центр самым тщательным образом проанализировал состояние дел и решил отозвать резидента Артура Адамса в Советский Союз, а также приостановил связь с источниками.

Однако обстановка в мире была такова, что долго держать законсервированной важнейшую резидентуру на Американском континенте не представлялось возможным. И осенью 1938 года Москва дает «добро» на возобновление работы с агентами.

Но в конце того же года вновь появляется «Сотый». Теперь он лично выходит на агента, действующего под оперативным псевдонимом «Мастер», которого некогда сам привел в разведку.

Из рассказа «Сотого» следует, что его бегство вызвано страхом за свою жизнь. Якобы он боялся поездки в Советский Союз на разведподготовку, где его могли арестовать и бросить в тюрьму.

Трудно сказать, были ли основания для страхов или «Сотый» придумал столь трагическую развязку своей командировки в Центр, но уже примерно через месяц после посещения «Мастера» он вновь подбросил в резидентуру письма с угрозами. Агент предупреждал, если его или кого-нибудь из родных попытаются преследовать, он разоблачит всю вашингтонскую резидентуру.

Разумеется, никто не собирался преследовать «Сотого», но его угрозы вновь возымели действие — связь с источниками в очередной раз прервали.

Наступила вынужденная пауза в работе.

А тем временем в Европе происходили поистине исторические события. После Мюнхенского сговора расчленена Чехословакия. От нее отторгнута и передана Гитлеру Судетская область. С территориальными

притязаниями к Чехословакии выступают Польша и Венгрия. 1 сентября 1939 года Германия нападает на Польшу. В ответ Англия и Франция объявляют войну Германии.

Проходят дни, недели. Центр с тревогой следит за обстановкой вокруг вашингтонской резидентуры. Однако «Сотый» никак себя не проявляет. Он словно канул в воду. И тогда Москва идет на возобновление работы с отдельными источниками резидентуры. Ее интересуют, прежде всего, такие агенты, как «Мастер» и «Министр».

Почему именно они? Да потому, что это самые перспективные агентурные источники. Оба выходцы из весьма обеспеченных американских семей, в свое время получившие высшее образование в самых элитных учебных заведениях страны.

«Мастер», например, многие годы работал в Госдепартаменте США. Сделал блестящую карьеру. Был хорошо обеспечен, сотрудничал с нами на идейной основе.

«Министр» неспроста получил такой псевдоним. Он трудился в одном из ключевых министерств на высокой должности. Имел доступ к совершенно секретной информации. Денег за свою работу также не принимал.

Иными словами, эти люди могли стать основой для создания новой резидентуры.

Центр также для укрепления резидентуры принял решение перенацелить опытного, проверенного агента «Доктора» на работу в Нью-Йорке. Ему пришлось переехать из Европы в США. Здесь он добился права на частную медицинскую практику.

В дальнейшем «Доктор» станет ключевой фигурой в столичной резидентуре и будет нести основную нагрузку в сложнейшей оперативной деятельности.

Кто он такой, этот «Доктор»? Пусть со времени его деятельности прошло более 60 лет, не будем тревожить настоящее имя этого, несомненно, заслуженного человека. Скажем только, что он многие годы работал на советскую военную разведку. Его заметил и привлек к сотрудничеству еще в 1934 году известный разведчик Оскар Стигга. «Доктор» выполнял различные разведывательные задания в Польше, Румынии, Австрии.

Он был высокообразованным человеком. Окончил университет, стал искусствоведом. Потом увлекся медициной. Получил степень доктора.

И вот по решению Центра в 1939 году он перебрался в США.

С переездом и обустройством «Доктора» и восстановлением связи с

«Мастером» и «Министром» первый этап формирования новой вашингтонской резидентуры был закончен. Оставался острейший вопрос — кому доверить этот важнейший участок?

В Европе уже полыхала Вторая мировая война, и руководство Разведуправления Красной Армии прекрасно осознавало степень ответственности подобного назначения. Ошибиться в выборе резидента было невозможно. Однако какой бы груз ответственности ни давил, резидента следовало найти.

Но где его взять? Ведь в теории представлялось так: во главе вашингтонской резидентуры встанет разведчик-нелегал, имеющий хорошо продуманную легенду, «крепкие» документы, ну и желательно, приличное место работы. Планировалось, что резидентура никак не будет связана с легальным аппаратом и, что очень важно, станет обладателем прямой линии радиосвязи с Москвой.

Безусловно, задумано было неплохо. Но как говорят в народе, быстро сказка сказывается, да нескоро дело делается. Реальной кандидатуры на должность резидента в Разведуправлении Красной Армии попросту не существовало.

Ведь руководитель разведаппарата должен соответствовать достаточно высоким требованиям. Например, хорошо знать язык страны, в которой ему предстоит работать, иметь практический опыт деятельности за рубежом, возможности легендирования и документирования.

И тем не менее, кандидатуры руководству Разведуправления были предложены. Это офицеры Павел Мелкишев и Лев Сергеев. Первому было 39 лет. Сергееву — 36. Оба технари. Первый — специалист по авиационному вооружению (к тому времени он окончил Военно-воздушную академию имени Н. Е. Жуковского), второй — танкист, выпускник Орловской бронетанковой школы, командир учебного танкового взвода.

В Разведуправление пришли почти одновременно, с разницей в полгода. В 1939 году Мелкишев занимал должность начальника отделения, Сергеев — старшего помощника.

Разумеется, никакого опыта разведработы за рубежом ни у того ни у другого не было.

Свой выбор руководство остановило на старшем лейтенанте Сергееве. Почему? Сейчас вряд ли кто-то сможет ответить на этот вопрос. Возможно, потому, что Сергеев, работая в аппарате Разведуправления, принимал участие в подготовке к заброске в США разведчика-нелегала «Фарадея», а потом и сам первоначально планировался к нему в помощники.

Однако это только одно из предложений. Но, так или иначе, кандидатура была найдена и предложена руководству Разведупра на утверждение.

* * *

В конце октября 1939 года начальник отдела майор Федор Феденко готовит докладную записку на имя начальника Разведуправления комдива Ивана Проскурова. В ней он впервые предлагает использовать старшего лейтенанта Льва Сергеева на зарубежной разведработе.

Как уже говорилось, Льву Александровичу отводилась роль помощника и радиста нелегала «Фарадея», который к тому времени уже успел легализоваться в США.

Известный военный разведчик Виктор Любимов, который знал Льва Сергеева, а позже изучал его биографию, рассказывал мне в одной из бесед, что в своей докладной Феденко предлагал весьма запутанную схему взаимоотношений «Фарадея» и Сергеева.

Формально Сергеев должен был числиться помощником резидента, но фактически выполнять функции руководителя разведаппарата. А значит, и нести полную ответственность за выполнение поставленных задач.

Даже такой опытный разведчик, как Любимов, терялся в догадках, зачем предлагалась столь сложная комбинация, когда задачи ставят одному, а ответственность несет другой. Тут могло быть два объяснения: либо Центр не доверял «Фарадею», либо желал его освободить от оперативной агентурной работы, возможно, в интересах сохранения легализационного характера резидентуры.

Первоначально майор Феденко вносил предложение: осуществить высадку Льва Сергеева нелегально с борта советского теплохода, прибывшего в США. Легализацию и отдокументирование пройти через резидентуру «Фарадея».

Правда, начальник отдела признавал опасность такой высадки, но тем не менее, предлагал пойти на это...

И вот такая докладная легла на стол комдива Ивана Проскурова.

Прошло всего полгода, как летчик Проскуров занял должность начальника Разведупра. Откровенно говоря, он мало что понимал в разведработе. Никогда прежде этим делом не занимался и заниматься не собирался. Он любил ревущие моторы самолетов, облака под крылом.

В жизни ему повезло. В 1933 году он окончил летную школу, стал

инструктором, потом командиром самолета в эскадрилье тяжелых бомбардировщиков.

Воевал в Испании. А когда возвратился в июне 1937 года, из старшего лейтенанта сразу превратился в майора. На груди засияла Золотая Звезда Героя Советского Союза. Должности, почести, слава... Все это посыпалось как из рога изобилия. Он принял авиабригаду, а вскоре и пост командующего 2-й авиационной армией особого назначения. А ведь с тех пор, как Иван Проскуров был всего лишь курсантом летной школы и учился поднимать в небо самолеты, прошло всего ничего, каких-нибудь пять лет. За это время лейтенанты порою и капитанами не успевали стать, а он взлетел до командующего армией, а теперь и вообще — начальник Разведуправления Красной Армии — заместитель наркома обороны.

Но, видит Бог, Иван Проскуров не хотел этой должности. Ну какой из него разведчик? Он так напрямую и наркому Ворошилову сказал. Но Климент Ефремович возражений и слушать не хотел. В конце концов, что поделаешь — приказ есть приказ. А он человек военный.

Теперь приходилось осваивать новое дело. Но ведь авиация для него тоже когда-то была новым делом — и ничего, освоил. Да и разведка оказалась крайне увлекательным занятием.

Вот 1-й отдел предлагает направить на зарубежную работу старшего лейтенанта Льва Сергеева. Он проходит индивидуальную подготовку по языку, радиodelу, шифрографии... А вот и план заброски, легализации, использования...

Начальник Разведупра еще и еще раз перечитывает докладную, предложенную майором Феденко, размышляет, откладывает бумаги в сторону, потом опять возвращается к ним.

План не нравится ему, слабоват, не доработан, слишком много узких мест. Комдив Проскуров предлагает подчиненным продумать все тщательнее.

В конце января 1940 года, после доработки, появляется новый план командировки в США Льва Сергеева. На сей раз его предлагается использовать на должности шофера (!) аппарата военного атташе в Вашингтоне. Сергеев теперь уже не Сергеев, его оперативная фамилия Александров Сергей Александрович.

2 марта 1940 года комдив Иван Проскуров наконец подписывает приказ. Сергееву присваивается оперативный псевдоним «Диксон». Правда, позже, накануне войны, Разведуправление даст указание заменить псевдонимы всех военных разведчиков. Отныне Лев Сергеев станет «Морисом».

Главной задачей нового руководителя разведаппарата в Вашингтоне является возрождение и расширение резидентуры. В подчинение к «Морису» поступают сотрудники под официальным прикрытием «Дортон», «Драйвер» и «Галин», а также нелегальные работники — «Доктор», «Мастер», «Министр».

Из прежнего плана в новый все-таки перетаскивается идея использования в качестве руководителя разведаппарата в Вашингтоне разведчика-нелегала. А это соответственно влечет за собой обязанность перехода Сергеева на нелегальное положение. Ставится даже срок — 8 месяцев. После этого «Морис» обязан доложить о готовности собственного «превращения в нелегала».

Перед отъездом Льва Сергеева принял Иван Проскуров. Он напутствовал резидента, говорил о важности и своеобразии командировки. Ведь американская контрразведка даже и предположить не сможет, что простой шофер и есть главный военный разведчик в столице США.

Трудно сказать, осознавал ли молодой и неопытный шеф разведки, на какое дело посылает старшего лейтенанта Льва Сергеева? Какие сложности и препоны созданы еще здесь, в Центре, и чем для «Мориса» обернется «гениальная» идея майора Феденко усадить резидента за баранку служебного автомобиля военного атташе.

* * *

Итак, с каким багажом уезжал за океан Лев Сергеев?

Он был младшим офицером, всего лишь старшим лейтенантом. Звание капитана получил только через 2,5 года, уже в США.

А ведь в подчинение к нему поступит, например, оперативный сотрудник «Дортон» — Судаков. Он уже майор, достаточно опытный сотрудник, поработавший за рубежом.

Как он воспримет молодого, «зеленого» резидента в лейтенантском звании? Ответ, думается, лежит на поверхности. А Центр словно усугубляет ситуацию — поручает хранить секретные документы резидента именно в сейфе Судакова, да еще и поддерживать связь с Москвой через майора.

По сути, и в разведработе Сергеев имеет мало опыта. Ко времени своего убытия в США он проработал в военной разведке всего три года. С апреля 1937-го по июль 1938 года находится в распоряжении Разведуправления и выполняет отдельные поручения. Его, естественно,

изучают, проверяют, к нему присматриваются.

В августе 1938 года назначают секретарем Разведуправления. Да, он получает доступ к документам, конкретным делам, но опять-таки это не оперативная работа. И только в мае 1939 года Сергеев приходит в отдел на должность старшего помощника начальника отделения.

Вот, собственно, и весь его скромный разведопыт.

И еще полбеды, если бы с этим «багажом» Сергеев ехал рядовым оперативным работником в состав разведаппарата, чтобы, как говорят, обкататься, обтереться, узнать жизнь. Но он ехал руководителем этого разведаппарата. А жизни той, американской, вовсе не знал. Вернее, теоретически его кое-чему подучили, но ведь чтобы «рулить» целой резидентурой в чужой стране, да еще в США, нужна практика. Основательная практика.

У Сергеева ее попросту не было. До убытия в Америку он за границу вообще не выезжал.

Его предшественник на этом посту, Артур Адамс, родился в Швеции. Жил в Германии, Италии, Египте, Аргентине. Учился в Торонтском университете в Канаде, работал на заводе Форда в США, служил в американской армии. И потому вполне «тянул» на эту ответственную должность. А вот Сергеев?..

И после всего перечисленного, скажите, мог Лев Александрович рассчитывать на успех? Этот вопрос я задавал десяткам седовласых разведчиков, заслуженным ветеранам, бывшим резидентам. И никто из них не ответил утвердительно. Объективно все было против Сергеева. И только сам Сергеев был «за» и совсем не собирался сдаваться.

Ему оказали высокое доверие, поручили важнейший участок работы. Сотни разведчиков мечтают стать резидентами и лишь единицы добиваются этой чести. И потому в марте 1940 года, уложив свой чемодан, он выехал в Германию, потом в Италию и, наконец, в США.

Что творилось в его душе в те дни, знал только он сам. Однако об этом никому не рассказывал. Правда, одному из старых боевых товарищей как-то признался: понимал, что будет трудно, но что невероятно трудно — не мог представить.

Словом, 1 апреля 1940 года «Морис» прибыл к своему новому месту службы, в Вашингтон.

Обстановка в ту пору в США была не самая благоприятная. В задании на командировку, которое Сергеев знал наизусть, она характеризовалась так: «В настоящее время США стоят в первом ряду стран, ведущих активную антисоветскую политику. Это выражается не только в бешеной антисоветской кампании в печати, но и в конкретных мероприятиях американского правительства».

В резидентуре в силу объективных и субъективных причин обстановка тоже была не лучше.

Военный атташе полковник Илья Сараев, как и обещал начальник Разведупра, лишней работой своего шофера не нагружал. Но водителю атташе в соответствии обязанностями, да и по легенде, приходилось крутить баранку часов по пять-семь в день. На работу с документами времени не оставалось. Но это еще полбеды. Сергеев готов был «прихватить» и ночь. Но на ночь шифровальный кабинет закрывался и опечатывался. Ведь шифрорган не принадлежал конкретно резидентуре ГРУ или даже военному атташе. «Услугами» этого кабинета пользовался и посол, и «соседи» — сотрудники разведки НКГБ.

Возникла и другая пикантная ситуация. Даже когда удавалось выкроить часок посреди шоферских забот и заняться, наконец, документами, у посольских и «соседских» работников возникал закономерный вопрос: что делает водитель атташе в шифроргане?

Военному атташе приходилось выкручиваться, объясняться с послом, с сотрудниками разведки НКГБ.

Следует учитывать и еще некоторые обстоятельства — шофер он и есть шофер. Одно дело — ты официально первый секретарь посольства или, к примеру, торгпред, военный атташе. Конечно, и тут трудностей хватает, но у тебя хотя бы определенный статус, соответствующий круг общения. А что может водитель? Общаться с такими же шоферами, как и он сам. Каким образом он попадет на официальный прием, званый ужин, чтобы завести нужные знакомства, связи? Да никоим образом. Путь на подобные мероприятия ему попросту заказан.

Вот таковым «прокрустовым ложем» стала для Сергеева легенда, придуманная в его родном отделе и подаваемая майором Феденко как некое ноу-хау в разведывательной практике.

Однако все эти трудности не смутили Льва Александровича. Он спокойно, уверенно, с присущими ему трудолюбием и тщательностью взялся за дело.

«Морис» быстро разобрался в том, что наладить нормальные рабочие отношения с «Дортоном» — Судаковым не удастся. Майор был уязвлен до

глубины души вынужденным подчинением старшему лейтенанту, молодому разведчику и, по сути, саботировал указания Сергеева. Во всяком случае, за весь срок командировки он не выполнил ни одного задания. По этой причине майор Судаков и был отозван в Советский Союз.

Вскоре за ним отправился и еще один помощник Сергеева (если его таковым можно назвать) «Драйвер». Тут было иное — нарушение правил конспирации, связь с женщиной легкого поведения.

«Галина» резидент «Морис» охарактеризовал как «слабого» и «трусоватого». Центр прислушался к мнению руководителя разведаппарата и убрал «Галина» из резидентуры, перевел его для продолжения службы на Западное побережье США.

Таким образом, к октябрю-ноябрю 1940 года Лев Сергеев остался в резидентуре один. Как говорится, «сам себе командир и начальник штаба». Строить разведаппарат надо было заново. Что же касается нелегальных сотрудников, то «Морис» также внимательно и въедливо разбирался в ситуации.

Через полтора месяца после прибытия в США Лев Сергеев встречается с «Доктором» — ключевой фигурой резидентуры, групповодом.

В письме в Центр по итогам встречи «Морис», во-первых, докладывает, что с работой по поддержанию связи с «Доктором» справится и потому берет ее на себя.

Во-вторых, он дает оценку «Доктору». Она весьма похвальная. «Сообразителен. Инициативен. Скромен. На деньги не жаден. Хорошо разбирается во внешней и внутренней обстановке. Жаловался, что теряет квалификацию врача».

В-третьих, Сергеев делает реальный, хотя для Центра и весьма болезненный вывод — пока можно рассчитывать на эффективную работу только одного агента — «Мастера». «Министр», несмотря на большие возможности, сотрудничать не хочет, боится.

Оказывается, для «Министра» большим ударом стало дезертирство «Сотого». Он боялся разоблачения. В середине 1940 года с большим трудом с ним удалось возобновить работу. Однако он давал отрывочную и далеко не самую ценную информацию.

Так что и с нелегальными агентами не все ладилось.

Подводя итог, Сергеев констатировал для себя горький, но реальный факт: резидентуры как таковой в классическом понимании этого слова в середине 1940 года в Вашингтоне не существовало. Был он как резидент и два реальных нелегальных агента — «Доктор» и «Мастер». Увы, ни у кого

из троих не было серьезного опыта агентурной работы. Аппарат военного атташе в США также заполнили молодые, только что прибывшие в страну сотрудники. Одним словом, помощи ждать неоткуда.

После тщательного анализа ситуации «Морис» делает ставку на «Доктора». Он выезжает к нему в Нью-Йорк, «Доктор», в свою очередь, побывал в Вашингтоне и встретился с резидентом.

Чего добивается Сергеев? Он понимает, что его личные встречи с агентами могут состояться только в исключительных случаях, и потому хочет подготовить «Доктора» к выполнению обязанностей с бóльшим объемом работы, нежели он когда-либо выполнял.

По замыслу Льва Александровича, «Доктор» должен стать не просто связником, выполняющим функции прием-передачи документов, а важнейшим, ключевым звеном в сложном механизме деятельности разведаппарата.

Как сказал мне капитан 1 ранга в отставке Виктор Любимов: «Морис» хотел добиться понимания, если хотите, единого мышления в решении как вербовочных, так и информационных задач. Он желал, чтобы «Доктор» стал его глазами, ушами, убеждениями, обладал смелостью и осторожностью, выдержкой и жаждой работы».

Получилось ли это у Сергеева? Судя по всему, да. За весь период работы резидентуры «Омега» Лев Александрович не имел ни одного личного контакта со своими агентами. Эту обязанность взял на себя подготовленный и умело направляемый им групповод «Доктор».

Первым положительным результатом работы «Мориса» с «Доктором» стала активизация деятельности «Мастера».

Вообще, о «Мастере» надо сказать отдельно. Он, являясь американцем, был искренним другом нашей страны. Даже в преддверии войны, в период разгула в США антисоветской пропаганды, «Мастер» был тверд в своих убеждениях. А Вторая мировая война, когда мы действовали как союзники, лишь укрепила его взгляды. Жена «Мастера» разделяла убеждения мужа и всячески помогала ему в разведработе. Именно этот агент неоднократно через советскую военную разведку сообщал в Москву о подготовке Гитлера к войне против СССР и о сроках нападения немецких войск на Советский Союз.

В марте 1945 года он сообщил в резидентуру, а та соответственно в Центр о сосредоточении мощной группировки немецких войск численностью до полумиллиона фашистских солдат на нашем южном фланге, на территории Румынии.

Информация оказалась чрезвычайно ценной и помогла Генеральному

штабу принять соответствующие меры по разгрому фашистской группировки.

Так вот, «Мастер» встретился с агентом «Малышом», с которым в свое время была прервана связь, и добился от него согласия на возобновление сотрудничества. Однако «Малыш» приступил к работе не сразу, он ссылаясь на занятость, постоянные командировки и все-таки в 1942 году стал давать ценнейшую информацию.

* * *

А Центр тем временем не собирался ждать. Уже через 5 месяцев после приезда Сергеева в США он указал на недостаточное количество информационного материала, а также на невысокое его качество.

«Морис» читал телеграммы и в который раз анализировал свою пятимесячную работу, пытаясь понять, чем вызвано недовольство Центра. Он учился водить машину, сдавал на водительские права, возил военного атташе на различные мероприятия в правительственные учреждения, официальные представительства иностранных государств, пытался найти «окно» в работе шифровальщика, чтобы ознакомиться с документами, встречался с «Доктором», старался наладить отношения с майором Судаковым, решал многочисленные вопросы, связанные с переходом на нелегальное положение, и еще десятки других проблем.

Его рабочий день и время, отводимое для отдыха, были уплотнены до предела. На сон оставался самый минимум. И тем не менее. в Москве им были недовольны.

В конце года «Морис» докладывает о своей готовности перейти на нелегальное положение. К тому времени он хорошо изучил город, нашел квартиру для проживания, серьезно подтянул практику владения языком. Кстати говоря, работу по переходу на «нелегалку» Сергеев выполнил раньше намеченного срока.

К сожалению, эта большая, кропотливая работа оказалась никому не нужна. Центр начал оформление жены Нины Александровны на выезд в США к мужу. В апреле 1941 года она уже покинула Москву.

Теперь о переходе на нелегальное положение не могло быть и речи. Почему было принято такое решение, Центр резиденту «Морису» не разъяснил.

Но еще раньше, в начале 1941 года, Москва дает общую оценку работы резидентуры. И хотя деятельность «Мориса» оценена как

удовлетворительная, позиция руководства — критическая. В общем, девять месяцев невероятно тяжелой, напряженной работы, а оценка — отрицательная.

Сергеев не выдерживает, срывается. Он наговорил резкостей военному атташе, а потом и представителю Центра, который находился в это время в командировке в США.

К чести представителя Центра, разобрались в обстановке на месте, в своем отчете по возвращении в Москву он пишет: «Морис» работает вполне удовлетворительно. Мы на месте преувеличиваем возможности группы «Доктора». В пределах своих возможностей хорошо может работать и работает только «Мастер».

Это мнение представителя Центра сняло некоторое напряжение во взаимоотношениях офицеров отдела Разведупра и Льва Сергеева.

Но вскоре «Мориса», резидентуру «Омега» и его руководителей в Москве ждала невиданная трагедия — 22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Гитлер напал на нашу страну.

* * *

Прежде чем начать рассказ о деятельности резидентуры и ее руководителя в Вашингтоне в военный период, следует отметить: за несколько месяцев до июньского страшного дня сотрудники советских представительств в США почувствовали себя, по сути, в состоянии «холодной войны». Термин этот появится на свет несколькими годами позже, но, думается, он вполне применим для характеристики весны — лета 1941 года.

Руководство США крайне нервно отреагировало на подписание СССР советско-японского пакта о нейтралитете. Сам же факт проводов Сталиным руководителя японского внешнеполитического ведомства Мацуоки вызвал в Соединенных Штатах настоящую истерику.

США было наплевать на интересы Советского Союза, на естественное стремление нашей страны обезопасить свои восточные границы. Вашингтон рассматривал этот акт как укрепление позиций Японии на Дальнем Востоке.

И тут дипломатического демарша в сторону Москвы оказалось мало. Были свернуты торговые отношения с Советским Союзом, введены ограничения на передвижение сотрудников наших представительств по территории страны.

А за несколько дней до нападения гитлеровцев на СССР Госдепартамент США предпринимает еще один антисоветский выпад — из Соединенных Штатов высылаются два военных дипломата — помощники военно-воздушного атташе посольства Советского Союза в США.

По существу, не меняется обстановка и в первые дни после начала войны. В прессе, в выступлениях политиков, особенно консервативного толка, звучит тот же антисоветский мотив. К нему добавились лишь новые нотки, мол, пусть Германия и СССР обескровят друг друга в этой войне, а потом придет время США.

Изменения в политике Соединенных Штатов наступят лишь после того, как президент Рузвельт займет принципиальную позицию и пойдет на сближение с Советским Союзом.

Но разведчикам ждать прояснений на политическом небосклоне было некогда. С началом гитлеровской агрессии резидентура Вашингтона по указанию Москвы перешла на режим работы военного времени. Требования Центра с каждым днем усложнялись. Даже по тем шифрограммам, которые приходили в резидентуру «Омега», Сергеев чувствовал, сколь велика напряженность на фронтах. Иногда Центр требовал выдать разведданные по группировкам войск даже на отдельных участках фронта.

Но были и глобальные вопросы, например, вступит ли Япония в войну против СССР в 1941 году? «Морис» понимал: ошибка в ответе на этот вопрос будет стоить слишком дорого. Нет, не только для него. Для его страны. Но ошибки, к счастью, не произошло. И Сталин сумел вовремя перебросить свежие дивизии с Дальнего Востока. Мы отстояли Москву, отстояли страну.

Подобные вопросы Центр ставил перед резидентом на протяжении всей войны. Так, Москву интересовала позиция руководства США об открытии второго фронта, о линии поведения руководства Соединенных Штатов во время переговоров «большой тройки» в Тегеране. Судя по архивным материалам, «Морис» и его агенты ни разу не ошиблись и поставляли в Центр только самую качественную, правдивую информацию.

Однако возвратимся к первым месяцам войны. В августе 1941 года в Вашингтон прибыл сам начальник Разведуправления (оперативный псевдоним «Директор») генерал Филипп Голиков.

Он встретился с резидентом «Морисом», приказал перевести Сергеева с должности шофера делопроизводителем в аппарат военного атташе, повысил оклад Льву Александровичу.

У «Директора» и «Мориса» состоялась беседа с «Доктором».

«Директор» разъясняет всем сложность положения на фронтах и требует повышения эффективности работы резидентуры.

Но как это сделать? «Морис» видит два пути — расширением и укреплением агентурной сети и активизацией деятельности имеющихся источников.

Уже в сентябре «Мастер» привлекает к работе в резидентуре агента «Мавра». Есть планы по вербовке других весьма ценных источников. Казалось бы, после двух посещений представителей Центра, один из которых сам «Директор», и ознакомления их с обстановкой на месте Сергееву уже ничего не угрожает. Но не тут-то было. Вновь идут телеграммы, в которых звучат прежние упреки: информации мало, она некачественна, слаба. И как всегда требования: усилить, увеличить, укрепить, активизировать.

Взволнованный «Морис» не понимает, что происходит, и пишет в Центр письмо. Он говорит, что осознает «неимоверно возросшую потребность в информации и делает максимум для этого, но если у Центра есть более опытный работник, который может выжать больше, то убедительно прошу поставить его на мое место, а мне предоставить возможность стать в ряды нашего народа...»

Заканчивает письмо Лев Александрович резко и бескомпромиссно: «Третью своей жизни я ел советский хлеб, чтобы быть готовым к сегодняшнему дню, а не для того, чтобы сидеть в чужой стране в роли дармоеда».

Только в январе, почти через два месяца, на письме появляется резолюция начальника отдела Артака Вартапяна: ««Морис» нервничает. Никто не давал ему такую оценку. Указания на необходимость активизации работы в условиях войны правильны».

Тем временем Лев Сергеев хоть и тяжело переживает несправедливые упреки, но темп деятельности не снижает. Кроме уже действующих агентов в состав резидентуры включается «Мерлин». Правда, вышло так, что этот ценный источник резидент привлек без согласования с Центром. И тут же Москва запрещает давать задания «Мерлин» без разрешения. «Морис» отстаивает свое право на использование «Мерлин» на разведработе, он утверждает, что «Мастер» знает ее давно и проверял не единожды. «Еще раз докладываю, — пишет Сергеев, — что я далек от каких-либо авантюризм и все мои предложения основаны на серьезной базе».

Центр под давлением резидента и агента «Мастера» соглашается, наконец, с их мнением и разрешает работу с «Мерлин»

«Морис», в свою очередь, докладывает начальнику Разведуправления:

«Вопрос внедрения наших источников в разведывательную систему США, который был поставлен Центром перед резидентурой в конце 1942 года в качестве перспективной задачи, можно считать решенным».

В ноябре 1942 года Лев Сергеев восстановил связь с агентом «Март».

Кто такой «Март»? По национальности русский, после Октябрьской революции оказался в США. К работе в военной разведке был привлечен более 10 лет назад. Сам информационных возможностей не имел, но у него был друг в типографии одного из ведущих департаментов США.

Правда, первые отзывы об агенте «Март» оказались далеко не положительными. Якобы он пассивен, нужной информации не дает, жаден до денег.

Резидент «Морис» решил составить собственное мнение об агенте. Встретился с ним. Оказалось, прежний руководитель из другой резидентуры не оплатил заказанный материал. Это вызвало недовольство агента.

«Морис» выплатил долг «Марту» и установил ему фиксированную ежемесячную оплату. Тот стал работать регулярно и достаточно активно, доставляя в резидентуру разного рода наставления, руководства по эксплуатации боевой техники, военные уставы.

Ценность добытых «Мартом» материалов имела, как правило, самую высокую степень, то есть «ценные» или «весьма ценные».

Так благодаря упорной работе резидента «Мориса», групповода «Доктора», ключевого агента «Мастера» агентурная сеть значительно увеличивалась, а значит, росли возможности, укреплялась информационная база.

Для сравнения достаточно сказать, что в 1941 году резидент «Морис» не смог направить в Центр ни одного секретного документа, а лишь 123 информационные телеграммы.

Уже в 1942 году Москва получила 250 секретных материалов и 210 шифротелеграмм, а в следующем, 1943 году эти цифры равнялись соответственно: 2401 документ и 420 телеграмм.

Таким образом, количество секретных материалов в 1943 году в сравнении с прошлым, 1942 годом выросло почти в 10 (!) раз.

Все это дало возможность командованию военной разведки с гордостью доложить руководству государства: «ГРУ в течение ряда лет работало над созданием в США важной разведгруппы, способной широко освещать внешнюю политику Правительства США и деятельность как Государственного департамента, так и дипломатических представительств Соединенных Штатов за рубежом.

Можно с уверенностью сказать, что ГРУ удалось создать организацию, дающую материалы большой государственной важности. Эта организация систематически работает в течение последних двух лет.

Наши источники могут выполнять крупные правительственные задания...»

Что и говорить, очень высокая оценка труда резидента и его нелегальных агентов! Но справедливости ради надо отметить и деятельность легальных сотрудников. Правда, их было немного. Как правило, легальный аппарат резидентуры состоял всего из 2 человек в 1940 году, а также в 1941-м и 1942 годах. К концу 1942 года в состав входит еще один офицер, в следующем — два.

* * *

Передо мной лежит список всех легальных сотрудников резидентуры «Омега» за время войны. К сожалению, даже сегодня не все имена представляется возможным назвать. И все-таки...

Читаю краткие характеристики.

«Чейс» — старший лейтенант В. Грудинко. Работал в резидентуре с 1942 года по 1945-й. Выполнял функции связника, вербовщика...

Окончил Ленинградский педагогический институт иностранных языков. Опыта разведывательной работы не имел.

«Маров» — капитан М. Савельев. Работал в составе резидентуры с ноября 1940 года по 1945 год. Окончил Академию электротехники. В резидентуре вел очень важный участок — фотокопирование агентурных документов. Опыта разведывательной работы не имел.

Другие сотрудники были под стать «Чейсу» и «Марову». Это, как правило, молодые офицеры, прибывшие в США после окончания вузов. Практически у всех в характеристиках присутствует запись: «Опыта разведывательной работы не имел». Однако это не их вина, а их беда. Учились, как говорят, уже на марше. А теперь представим, каково было с ними резиденту Льву Сергееву. Но он не роптал, понимал, идет война, других более опытных сотрудников нет. И потому работал с ними, учил, наставлял, берег, как умел, как мог.

В связи с этим хотелось бы рассказать поучительную историю, которая произошла с резидентом «Морисом» и работником легального аппарата, действующим под псевдонимом «Номад».

Центр направил «Номада» в Вашингтон в 1943 году. Он должен был

оглядеться, поднабраться опыта, изучить обстановку, чтобы в перспективе заменить резидента «Мориса» на его посту.

Однако получился конфуз. Иначе случившееся никак не назовешь. Уже через несколько месяцев, окунувшись в жизнь и деятельность разведаппарата, ощутив, хотя и со стороны, огромный объем работы, напряженность и ответственность, которая лежала на плечах Сергеева, «Номад», по сути, отказался от выполнения задачи. И это в военное время (!). Написал письмо в Центр, в котором утверждал, что с подобным объемом работы может справиться только «Морис», и никто другой. Он же, «Номад», не имеет для этого ни опыта, ни организаторских, интеллектуальных или иных личных качеств. «Номад» также резко критиковал некоторых сотрудников Центра за их отношение к резидентуре и «Морису», в частности.

Центр, разумеется, не обрадовался такому посланию. «Номад» был освобожден от своих обязанностей как не справившийся с поставленными задачами. А «Морису» пришлось руководить резидентурой «Омега» до конца войны.

* * *

А теперь пора перейти к важнейшему разделу в работе любого разведаппарата — тонкостям добывания информации. Ибо все силы, знания, опыт резидента, легальных сотрудников, нелегальных агентов, в конечном счете направлены именно на это.

Основной фигурой, как мы уже и говорили, здесь стал «Мастер». Он и сам имел достаточно широкие возможности по добыванию «секретных» и «совершенно секретных» документов, да еще сумел уговорить своего шефа знакомить его с более широким кругом материалов. Небезосновательно доказывая, что такой подход принесет несомненную пользу делу, поможет выступить с полезными инициативами.

«Мастер» мог беспрепятственно вынести с работы любой документ. Однако этот документ предстояло еще передать в резидентуру, а к утру он должен был вновь лежать в портфеле агента.

Вначале эти материалы ночью переписывала жена «Мастера».

Со временем «Морису» через «Доктора» удалось убедить «Мастера» в безопасности передачи материалов в резидентуру для фотокопирования.

После серьезных сомнений «Мастер» дал «добро» на такой вариант работы с документами. А вскоре он убедился в надежности и

оперативности предложенного «Морисом» подхода.

Такую же сложную и напряженную работу пришлось провести и с агентом «Малышом». Сергеев упорно добивался передачи материалов для фотокопирования, иначе деятельность этого ценного источника теряла смысл. Пока «Малыш» передавал в резидентуру лишь отрывочные записи, написанные в спешке, неразборчивым почерком, из которых редко что можно было выбрать.

«Доктор» тоже медлил, ссылаясь на рискованность передачи оригиналов документов.

В этой непростой ситуации «Морису» пришлось проявить характер и добиться от агентов кардинального решения. Материалы стали поступать в резидентуру регулярно. Подчеркнем, что очень важно — это были первоисточники.

В 1944 году только «Мастер» и «Малыш» добыли и передали в резидентуру полторы тысячи «секретных» и «совершенно секретных» документов. А ведь были и другие источники, такие, как «Мавр», «Мерлин». Они поставляли информацию по Японии. В материалах рассматривались проблемы политики и экономики, военного потенциала, дислокации войск страны, которая представляла реальную опасность для нашего Дальнего Востока. Кстати, именно эта информация была использована Генеральным штабом при разработке операции по разгрому Квантунской армии в 1945 году.

Книги, брошюры, наставления, добытые агентом «Мартом», помогли в изучении новой техники и оружия, а также в осмыслении уровня боевой подготовки армейских подразделений.

Можно с уверенностью сказать: 1944 год в деятельности резидентуры «Омега» стал этапным. Центр начал регулярно получать из Вашингтона не просто ценную информацию, а ценную документальную (!) информацию. Это были материалы по армии и флоту фашистской Германии и ее союзников, а точнее — оперативные планы, дислокация войск, их состав.

Теперь, когда резидентура Льва Сергеева, наладив активную работу стала получать большое количество ценной информации, возникла другая проблема — быстрая и качественная ее обработка и доставка в Центр.

Первую часть — фотографирование документов, анализ материалов и выборки наиболее важной информации для передачи телеграфом, перевод с языка оригинала осуществляли офицеры резидентуры. Они работали с большим напряжением, как правило, по ночам. Сбоев в фотокопировании, обработке документов не отмечено.

Вторая часть — передача разведматериалов в Центр резидентом

«Морисом» тоже была решена успешно. Только за один год — с 1943-го по 1944 количество почт, перевозящих документы, увеличилось вдвое. Кроме диппочты Народного комиссариата иностранных дел Сергеев нашел и другие альтернативные пути отправки документов в Москву.

«Выжал» все возможное резидент «Морис» и из традиционного телеграфа. Шифрограммы политического и военного характера шли в Центр практически каждодневно. Почти все они оценивались как ценные.

Проблемы, рассматриваемые в этих шифрограммах, касались политических и экономических действий и намерений временных правительств Франции, Югославии, Польши, позиций союзников по отношению к ним, решений по вопросам капитуляции Германии, Румынии, Болгарии, Финляндии, ведения войны против Японии и планов по отношению к ней после капитуляции, создания международной организации безопасности — ООН, послевоенной организации международного мира.

Вот такие непростые вопросы освещал в шифропереписке резидент «Омеги» — «Морис». Разумеется, содержание этих шифрограмм докладывалось Правительству СССР, и в первую очередь И. Сталину.

В одной из своих записок, основанной на архивном материале, капитан 1 ранга в отставке Виктор Любимов подчеркивал: «Рискну высказать предположение, что информация о сепаратных переговорах между представителями США и Германии в конце войны была получена не от мифического Штирлица, а от резидентуры «Мориса», имевшей свои источники в разведуправлении армии США».

Невольным подтверждением этого факта может стать письмо Льву Сергееву от «Директора» — начальника Разведуправления генерала Ивана Ильичева: «Вашим сообщениям мы придаем большое значение. Продолжайте работу по подбору новых людей, имеющих доступ к ценным сведениям. В Москве, в Большом Доме (т. е. в Кремле. — *Авт.*) знают о вас и вашей работе».

* * *

В жизни Льва Сергеева многое было неординарным. Да и сам он как человек, безусловно, талантливый, успешный не мог не вызывать у некоторых своих коллег зависти. Трудоголик, готовый работать сутками, резидент Сергеев был требователен, а нередко и жесток к другим. Это, разумеется, далеко не всем нравилось.

А некоторых жгло нестерпимое желание подставить ножку Льву Александровичу. Так и появилось на свет в декабре 1943 года письмо, подписанное только инициалами. Оно, разумеется, попало к руководству отдела. Пометок офицеров Центра на нем нет, и хода ему, к счастью, не дали. Но сказать о нем, думается, надо, чтобы понять, сколь сложно работалось «Морису», когда враги, недоброжелатели были не только за океаном, на фронтах войны, но и рядом, бок о бок.

О чем писал «доброжелатель»? Да о чем пишут в таких случаях? О том, что Сергеев высокомерен и вспыльчив, не считается с людьми, афиширует себя как разведчик, болезненно переносит замечания старших, груб, придирчив, неприятен.

Вполне допускаю, что для некоторых бездельников Лев Александрович и вправду был «неприятен и придирчив». Приходилось крепко спрашивать, иных досрочно откомандировывать из мирной и вполне благополучной Америки в Советский Союз, туда, где шла война.

Что поделаешь, именно так и никак иначе воспринимал свои обязанности резидент Сергеев. Понятно были у нас и другие разведруководители в тех же Соединенных Штатах, которые особенно своих подчиненных оперативной работой не тревожили, многого не требовали. А тут строгий, энергичный, жесткий начальник. Что и говорить, тяжело, неудобно.

Вот и созрело подметное письмо. Говорят, что автора его так и не выявили. Да и не в нем вовсе дело. Просто это еще один штрих к портрету разведчика, к пониманию той сложной и неоднозначной обстановки, в которой он вершил свои, несомненно, славные дела.

Увы, «Мориса» порой не понимали не только его коллеги, работающие в США, но и офицеры Центра, те, кто курировал резидента «Омеги» в Москве. Поступки Сергеева, его самобытность, неординарное мышление, обостренное чувство справедливости, пунктуальность воспринимались офицерами Центра не всегда с одобрением.

Вот в 1944 году Центр наградил денежной премией своего резидента. Казалось бы, прими с благодарностью. Так нет же, строптивый Лев пишет в Москву: «В условиях войны я денежных премий не принимаю». Вот так, напрямую, откровенно... Ну кому же это понравится? Стало быть, все принимают, а он не принимает.

Говорят, все дело в том, что кураторы в отделе часто менялись. Но вопросы типа: «Доктор» уже длительное время в стране, а сколько-нибудь серьезной информации мы от него не получали» — могли вывести из равновесия любого. Ведь офицер-направленец в Москве должен знать, что

у «Доктора» были совсем иные важные задачи, и никто не требовал от него информации. Да он и не мог ее дать.

Да, с годами боль притупилась, и к концу войны Лев Александрович уже не реагировал столь остро на необоснованные упреки. Хотя в июне 1943 года, когда его вновь упрекнули в «резком снижении качества материалов и темпа их добывания», «Морис» пишет письмо и просит Центр конкретно указать, в чем выражается это снижение, ибо по учетам резидентуры за последние полтора года было отправлено «более 1.000 секретных документов, оценок же было получено только на два. За это же время было послано около 400 шифрограмм, из них оценено не более 15».

Это письмо попало к начальнику Разведуправления генералу Ивану Ильичеву. Разобравшись в ситуации, Ильичев наложил резолюцию: «Ругали «Мориса», видимо, зря. Материалы от него идут хорошие. Обижаться нельзя. Дай бог, чтобы каждое хозяйство давало такие материалы. Надо составить ответ (телеграфом), где указать, что материалы очень ценные, особенно «Мастера». Продолжайте работать».

Резолюция начальника разведки помогла на некоторое время, упреки стихли. Однако в дальнейшем несогласия, расхождения во взглядах Сергеева и офицеров Центра вновь проявились.

Были и другие обстоятельства, которые не добавляли Сергееву оптимизма и спокойствия. Долгое время он не знал, где его мать и что с ней. В 1942–1943 годах он получил всего два письма.

Правда, справедливости ради, надо признать, что в том же, 1943 году «Директор» лично направил Сергееву шифрограмму, в которой сообщал, что его мать жива, здорова, ей переданы письма, продуктовый паек, оказана медицинская помощь.

По приказанию генерала Ильичева в Махачкалу, где проживала мать Льва Александровича, специально выезжал офицер, который навестил ее, вручил письма от сына и продпак от Разведуправления.

Позже Сергееву самому с разрешения руководства разведки удалось передать посылку для матери.

В одном из писем в 1944 году Лев Александрович Сергеев с досадой и горечью напишет слова, которые, откровенно говоря, могут претендовать на то, чтобы их включили в учебники для разведчиков: «На будущее я рекомендовал бы резидентов шоферами не назначать, шоферам работу шифровальщиков не поручать и резидентам под видом «крыш» по две с лишним работы не давать».

Как раз в это время, когда «Морис» писал свои исторические слова, резидентура «Омега» выполнила все основные задания Центра по военным

и политическим вопросам. По своим показателям она стала лучшей в Разведывательном управлении в период войны. Только за 9 месяцев 1944 года было добыто 2420 секретных материалов и отправлено в Москву 305 ценных шифрограмм.

Тот же капитан 1 ранга в отставке Виктор Любимов считает, что «информационный вклад «Омеги» составил 34 % от всех резидентур американского направления».

Центр сам запросил «Мориса» высказать предложения по поводу награждения легальных сотрудников и нелегальных агентов государственными наградами Советского Союза.

«Морис» ответил, подробно обосновав каждое свое предложение. Прошло полгода, и вот в феврале 1945-го начальник Разведуправления Красной Армии поздравил источников с высокими наградами.

«Мастер», «Доктор» и «Милорд» были удостоены высшей награды нашего государства — ордена Ленина, «Мальш» — ордена Красной Звезды, «Муза» — ордена «Знак Почета», «Мерлин» — медали «За боевые заслуги».

Через полгода были награждены и сотрудники резидентуры «Омега». Майор Лев Сергеев заслуженно получил орден Ленина, старший лейтенант В. Грудинко — орден Отечественной войны I степени, капитан Савельев — орден Красной Звезды.

Офицеры Центра, руководившие работой резидентуры «Омега» полковники М. Муромцев и М. Мильштейн стали кавалерами ордена Ленина.

В этом же Указе Президиума Верховного Совета СССР была и фамилия начальника ГРУ генерал-лейтенанта И. Ильичева. Он стал обладателем ордена Кутузова I степени.

* * *

В декабре 1945 года закончился срок командировки Льва Александровича Сергеева. Он возвратился в Москву.

В документе по итогам его работы в США говорилось: «Созданная «Морисом» группа агентов была признана Центром весьма ценной. Одновременно с увеличением агентурной сети «Морис» добился активизации ее работы. Преодолевая трудности в руководстве агентурной сетью, «Морис» умело руководил своими агентами, которые передали ему около 20 тысяч листов секретных и «совершенно секретных» документов.

Материалы агентов резидентуры «Мориса» в своем большинстве использовались для докладов советскому правительству».

К этой высокой оценке следует добавить, на мой взгляд, еще одну важную деталь. Ни один из агентов, которыми руководил резидент «Морис», не был раскрыт контрразведкой США. А это, как известно, дорогого стоит.

В послевоенный период Лев Александрович продолжил службу старшим офицером Главного разведывательного управления, потом работал в Комитете информации при Совете Министров СССР.

В 1960 году в возрасте 54 лет полковник Лев Сергеев был уволен в запас.

В последние годы жизни Лев Александрович оказался одинок. Жена Нина Александровна умерла раньше, детей у них, к сожалению, не было.

Скончался выдающийся советский разведчик полковник Сергеев в декабре 1994 года.

Как добыть «ключи от ада»?

Сегодня уже вряд ли кому надо доказывать, что, победив во Второй мировой, мы могли погибнуть в пламени более страшной и бесчеловечной войны — атомной.

Такую войну против нас готовили американцы с первых дней обладания ядерным оружием. Уже в сентябре 1945-го в США появилась Директива под названием «Основы формирования военной политики». В ней СССР был назван не союзником, а противником Соединенный Штатов. Этот документ предложили для ознакомления и одобрения членам комитета начальников штабов.

Чудовищно, не правда ли? Всего каких-нибудь пара недель прошло со дня капитуляции Японии, нашего общего врага, а мы уже противники.

Когда это известие, добытое разведкой, дошло до Кремля, даже Сталин, знающий цену американцам, усомнился в достоверности данных разведки. Никому не хотелось верить в подобное. Сейчас, десятилетие спустя кровь стынет в жилах, когда представляешь, что в роли Хиросимы мог оказаться Петербург, а в роли Нагасаки Нижний Новгород или Самара и еще десятки городов и промышленных центров, выбранных американцами в качестве целей для нанесения ядерных ударов.

Однако все это было, было... Это не выдумка, не фантазия. Такие планы разрабатывались и принимались. Сначала уничтожить 20 советских городов, потом 70, в начале 50-х годов — уже 300. Дальше — больше.

Теперь вспоминая о том времени, американцы лишь разводят руками, мол, «холодная война». Для нас, для советских людей она могла стать горячей. Очень горячей. Если бы... не ядерное оружие СССР.

Все дикие планы США под названием «Троян», «Дропшот», СИОП остановила, в конечном итоге, советская атомная бомба, взорванная на Семипалатинском полигоне 29 августа 1949 года.

Что и говорить, это был большой сюрприз для американцев. Они никак не ждали подобного. Еще бы, по всем их расчетам, обескровленные войной Советы могли овладеть ядерным оружием не раньше 1952 года.

В сообщении ТАСС 25 сентября 1949 года в связи с заявлением президента США Трумэна о проведении в СССР атомного взрыва говорилось: «... ТАСС считает необходимым напомнить о том, что еще 6 ноября 1947 года министр иностранных дел СССР В. М. Молотов сделал заявление относительно секрета атомной бомбы, сказав, что «этого

секрета давно уже не существует».

Это заявление означало, что Советский Союз уже открыл секрет атомного оружия, и он имеет в своем распоряжении это оружие. Научные круги Соединенных Штатов Америки приняли это заявление В. М. Молотова как блеф... Однако они ошиблись...»

Да, собственное ядерное оружие в те годы стало единственным спасением советского народа, единственным гарантом свободы, независимости и выживания нашей страны.

Кто обеспечил свободу, независимость и отстоял право на жизнь?

Разумеется, это руководство страны, несмотря на трудности войны, вовремя запустившее ядерную программу, ученые, инженеры, изобретатели, не покладая рук, работавшие над созданием атомной бомбы. Но была еще третья сила, активно участвующая в советском атомном проекте — разведка Страны Советов. Под разведкой я имею в виду как сотрудников НКГБ, так и ГРУ. Они внесли свой поистине неоценимый вклад в эту программу.

Однако речь пойдет о работе военных разведчиков. Они добились впечатляющих успехов в добывании атомных секретов. Но известно о них значительно меньше, чем о сотрудниках внешней разведки НКГБ, занимающихся этой же проблемой.

А ведь еще в 1944 году академик И. Курчатов в записке народному комиссару химической промышленности СССР М. Первухину давал такое заключение сведениям, добытым военной разведкой:

«Материал представляет собой результат работы большого коллектива специалистов исключительно высокой квалификации...

Материал для нас исключительно ценен...

Материал принесет громадную пользу работам наших научно-исследовательских институтов, занимающихся аналоговой проблемой...

В материале содержится ряд весьма полезных сведений по технологии...»

В другой раз И. Курчатов оценивая, новые документы, поступавшие из Разведуправления, напишет: *«Значительная часть материалов является секретным справочником по уран-графитовым котлам. Этот справочник для нас очень ценен, так как в нем суммирована грандиозная по объему работа...»*

Академик А. Иоффе, говоря о развединформации по ядерной проблеме, подчеркивает: *«Наличие такого совершенного источника информации на много месяцев сокращает объем наших работ и облегчает выбор направлений, освобождает от длительных поисков.»*

Такова оценка наших ведущих ученых-атомщиков деятельности военной разведки по программе создания ядерного оружия.

* * *

Теперь возникает естественной вопрос, кто эти люди, добывшие, образно выражаясь, «ключи от ада»? Их совсем немного, как сотрудников ГРУ, так и источников.

Первым хотелось бы назвать полковника Семена Кремера, помощника военного атташе Советского Союза в Великобритании.

Кремер больше известен в стране как отважный комбриг-танкист. На фронтах Великой Отечественной он умело командовал механизированной бригадой, брал с боями Шяуляй и Елгаву. В августе 1944 года удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

После войны полковник Кремер продолжил службу в Вооруженных Силах, стал генералом. Однако период его деятельности в военной разведке долгое время находился над грифом «секретно».

А ведь именно он привлек к сотрудничеству известного ученого — Клауса Фукса, которым гордятся ныне как внешняя, так и военная разведка.

Конечно, все это случилось не в одночасье и талантливый физик-ядерщик из Германии прошел сложный путь, прежде чем встретился с советским военным разведчиком и принял решение работать на Москву. Не последнюю роль в принятии этого решения сыграли и политические взгляды Клауса Фукса. Еще будучи студентом Лейпцигского университета, он стал социалистом, а позднее вступил в коммунистическую партию Германии.

Когда к власти в его родной стране пришел Гитлер, Фукс уехал во Францию, потом перебрался в Великобританию. Здесь он на кафедре у профессора Нэвилла Мотта написал докторскую диссертацию и защитил ее.

Однако у Мотта не оказалось свободного места доцента на кафедре, и Клаус Фукс уехал в Шотландию, к профессору Макс Бору.

Здесь он с головой ушел в науку. Молодому физику и математику предсказывали будущее Нобелевского лауреата. Возможно, так бы и случилось, но началась Вторая мировая война, и иностранцы, представлявшие угрозу королевству, были интернированы. Черчилль убрал их подальше, в лагерь на острове Мэн в Ирландском море.

Через несколько месяцев, летом 1940 года их отправили еще дальше от

Британии, в Канаду, в лагерь Шербрук, расположенный недалеко от Квебека.

Прозябание в лагере интернированных оставило горький след в душе Клауса Фукса. В «крысином логове», как звали обитатели свой лагерь, жилось тяжело.

Профессора Борн и Мотт пытались отстоять своего ученика. Но безуспешно.

Только в середине декабря Фукс отправился в обратный путь. Накануне нового 1941 года он оказался в Англии.

Однако вновь возникли прежние проблемы — не было работы, денег, жилья. На этот раз ему помог Юрген Кучински, в прошлом профессор Берлинского университета. Теперь Юрген тоже жил в Британии. Они сошлись во взглядах, подружились. Тогда Кучински и посоветовал Клаусу познакомиться с его друзьями из Советского Союза. На встречу пришел полковник Семен Кремер (оперативный псевдоним Барч).

За спиной у Фукса была борьба с фашистами, бегство во Францию, потом переезд в Англию, бесправное положение, роль неблагонадежного, «крысиное логово» в Шербруке, возвращение и вновь состояние человека талантливого, но никому не нужного. И Клаус согласился подготовить для Барча справку по проблемам использования атомной энергии.

Трудно сказать, как бы сложились их дальнейшие отношения, если бы весной 1941 года Фукс не получил письмо из Бирмингема. Из местного университета ему писал профессор Рудольф Пайерлс. Он тоже был выходцем из Берлина, в свое время учился у Макса Борна, став крупнейшим специалистом в области ядерной физики. Теперь профессор предложил вместе поработать.

Клаус Фукс с радостью согласился и вскоре стал сотрудником лаборатории Пайерлса. А лаборатория занималась проблемами создания атомной бомбы.

Следующая встреча Клауса Фукса с Семеном Кремером состоялась уже после нападения Германии на Советский Союз. И в руках резидентуры военной разведки оказался первый весьма ценный документ.

В Центре радиограмму из Лондона прочли 11 августа 1941 года. И хотя время было крайне напряженное, ответ в Британию ушел на следующий день. Резиденту разведуправления генерал-майору Ивану Складарову предписывалось *«принять все необходимые меры для получения материалов по урановой бомбе»*.

И такие меры, разумеется, были приняты. К осени 1941 года в служебном сейфе уполномоченного ГКО С. Кафтанова накопилось

достаточно материала, переданного военной разведкой. Он считал возможным пригласить академика И. Курчатова в Москву, вручить ему папку с документами, и попросил сделать по ним заключение.

Изученные материалы заставили И. Курчатова посмотреть на проблему иными глазами. Академик понял главное: английские физики, собрав в единый кулак лучшие силы, как британцев, так и зарубежных ученых, сделали прорыв в создании атомного оружия.

В докладной записке Председателю Совета Народных Комиссаров СССР академик Курчатов так и написал: «*В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки...*». И тут же предложил ряд мер, которые помогли бы сократить этот разрыв.

В сущности, эту докладную записку можно считать новым, решающим этапом в создании советского атомного оружия. А толчком к умозаключению Курчатова послужили именно документы Клауса Фукса, добытые полковником Семеном Кремером. И в том его огромная заслуга.

* * *

В дальнейшем судьба Кремера сложилась таким образом, что он покинул разведку. В июле 1941 года полковник написал рапорт начальнику Разведуправления, в котором просил отправить его на фронт.

Что стало причиной столь неожиданного решения? Трудно сказать. В ту пору тысячи офицеров писали подобные рапорта. Есть и иное мнение, якобы у Кремера не сложились отношения с неким энкагэбэшником из Лондонской резидентуры. Вполне возможно. Нередко между разведчиками ГРУ и НКГБ возникали разногласия и трения.

Разведка несомненно потеряла талантливого сотрудника, но действующая армия обрела смелого, грамотного, боевого командира. Хотя по возвращении из Англии ему пришлось немало побороться, чтобы попасть на фронт. По существующей тогда практике вернувшихся из зарубежной командировки на фронт не отправляли.

Семен Кремер послужил некоторое время начальником факультета Военного института иностранных языков и в 1943 году все-таки вырвался в действующую армию. Воевал на разных фронтах — Центральном, Брянском, 3-ем Белорусском, 1-м Прибалтийском. Командовал бригадой, был заместителем командира корпуса.

О его героизме, командирском таланте говорят награды — два ордена Ленина, ордена Отечественной войны I и II степени и, разумеется, высшее

отличие — Золотая Звезда Героя Советского Союза.

* * *

После отъезда из Лондона Семена Кремера на связь с Клаусом Фуксом вышла Урсула Кучински, сестра профессора Юргена Кучински.

В начале 1941 года она приехала в Англию из Швейцарии. Урсула Кучински (оперативный псевдоним Соня) к тому времени была опытной разведчицей. Она работала еще с Рихардом Зорге. Теперь установила свой канал связи с Москвой и, таким образом, передавала развединформацию.

Осенью 1942 года Соня встретилась с Клаусом Фуксом. Работа продолжилась.

Целый год до отъезда Фукса в США Урсула Кучински встречалась с своим информатором. Она делала это с присущей ей щепетильностью и точностью, просчитывая все ходы загодя. Соня знала распорядок дня ученого, и потому встречи организовывались в самое удобное для него время, как правило, по выходным дням, за чертой Бирменгема.

Она приезжала в один из близлежащих городков, куда прибывал и Фукс.

Вот как рассказывает об их встречах Виктор Бочкарев, ветеран военной разведки, написавший вместе с Александром Колпакиди книгу под названием «Суперфрау из ГРУ».

«Встречались они в Бэнбери, городке на полпути между Бирменгемом и Оксфордом. Чтобы передать материалы, не надо было много времени...

Часто они встречались в лесу, куда оба приезжали на велосипедах. Фукс обладал фотографической памятью, что очень помогало ему в работе — и не только в физике.

Однажды Урсула решила из любопытства бросить взгляд на передаваемые документы. Мелко написанный текст показался ей похожим на иероглифы, которые она изучала в Китае».

Осознав ценность информации Клауса Фукса, Центр придавал особое значение работе с ним. Резиденту ГРУ в Великобритании генералу Склярору ставится задача организовать работу ученого только с Соней. В свою очередь, Москва отдает приказ Урсуле Кучански заниматься только Фуксом. Что, собственно, она и делала.

За время сотрудничества Клауса Фукса с военной разведкой, то есть в период с 1941 по 1943 год ученый передал много ценных материалов — 116 фотокопий документов, более тысячи листов информации, а так же 5

образцов.

Наверное, так бы продолжалось и дальше, однако в августе 1943 года президент США Рузвельт и премьер-министр Великобритании Черчилль подписали секретное соглашение, по которому усилия ученых двух стран объединялись для скорейшего создания атомной бомбы.

Это решение напрямую повлияло на судьбу Клауса Фукса. Ему предложили участвовать в «Манхэттенском проекте» и вскоре он уехал в США. На последнем свидании Соня передала все рекомендации Центра для установления связи с ним на Американском континенте.

Однако теперь Клаус Фукс, завербованный военной разведкой, стал информатором НКВД. В США его разыскал уже сотрудник внешней разведки ведомства Берии.

Остается добавить, что в доставке материала в резидентуру важную роль сыграл связник Урсулы Кучински, шофер военного атташе, капитан Николай Аптекарь (оперативный псевдоним Сергей).

Не все материалы, полученные от Фукса, удавалось передать по радиосвязи, а Соне невозможно было явиться в атташат. И тогда они встречались, как правило глубокой ночью, на улице, где в условиях войны, не было освещения, в домах опущены шторы.

Аптекарь исполнял свои обязанности добросовестно: на встречи не опаздывал, правила конспирации выполнял точно. Собственно, это от него и требовалось.

Так завершился очередной и очень важный этап деятельности военной разведки и известного ученого-атомщика Клауса Фукса.

* * *

Ровно через два месяца после испытания первой советской атомной бомбы большая группа ученых, инженеров, техников и, конечно, руководящих работников, была удостоена высоких наград Родины. Сразу 33 человека стали Героями Социалистического Труда, несколько сотен — кавалерами орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почета.

Заслуженные ордена получили и некоторые разведчики, сотрудники НКВД — В. Барковский, Л. Квасников, А. Феклисов, Н. Сазыкин, А. Яцков.

А что же военные разведчики? Для них в этом указе места не нашлось. Только через полвека после завершения своей работы по атомной проблеме, уже в возрасте 86 лет, за несколько дней до смерти, в больничной палате, получит Золотую Звезду Героя легендарный военный разведчик Ян

Черняк.

Поздно пришла к нему награда, но все-таки при жизни. А вот другой сотрудник ГРУ, полковник Артур Адамс станет Героем России уже посмертно.

Эти два человека внесли неоценимый вклад в добывание секретов атомной бомбы. Однако обо всем по порядку. Сначала о Яне Черняке.

К работе в военной разведке его привлекли в далеком 1933 году. Яну было 24 года. Он родился на Буковине, которая тогда ходила в состав Румынии. Отец — чешский еврей, мать — венгерка из Будапешта.

Первая мировая война забрала у него родителей, и Ян воспитывался в детском доме. Закончив школу, Черняк поступает в Высшее техническое училище в Праге. Получив диплом, устраивается на завод, но вскоре остается без работы. Перебивается частными уроками, работает в библиотеке.

Вот тогда на его пути и встречается сотрудник советской военной разведки. Ян соглашается работать на Москву. Только что он может?

Вскоре его призывают на службу в румынскую армию. Вот тут он и проводит свою первую оперативную «спецоперацию» — уговором и подкупом (за пять долларов и коробку конфет) устраивается в школу сержантов, после окончания которой попадает писарем в штаб полка.

Это открывает ему доступ к документам, в том числе и секретным. Разумеется, эти документы вскоре оказываются в руках Разведуправления Красной Армии.

После службы в армии он уезжает из Румынии в Германию. Работу на советскую военную разведку не прекращает. К 1934 году уже руководит самостоятельной разведорганизацией.

Ян Черняк всегда осторожен, собран, никогда не нарушает законы конспирации. Он много работает над расширением своих инженерных знаний.

Он не стремится к высоким должностям, громким званиям. Главное его дело — разведка. И поэтому Черняк работает то коммерческим агентом, то лектором. Так легче было легендировать свой нерегулярный рабочий график.

Однако на связи у этого скромного «коммивояжера» всегда были люди, занимавшие солидные посты в министерских кабинетах — штабной офицер, секретарь министра, руководитель отдела авиационной фирмы.

В 1935-м нежданно-негаданно в руки контрразведки попадает человек, которого в свое время к работе привлек Черняк. Центр, не ожидая развязки, срочно отзывает Яна в Москву. Здесь он проходит разведподготовку под

руководством известного чекиста, участника операций «Трест» и «Синдикат» Артура Артузова. В эти годы Артузов был направлен в Разведуправление Красной Армии, занимал должность заместителя начальника.

Черняк совершенствуется в фотографии, изучает шифры, радиодело.

И вот — новая командировка. С ним беседует начальник Разведуправления Ян Берзин. Теперь для него самое важное — организовать добывание информации о Германии, но с территории другой страны.

Прибыв на место, он начинает работу над созданием новой резидентуры. В Центр идут материалы о германской военной технике, оружию, боеприпасах.

С расширением круга ценных агентов углубляется и информация — в Москву поступают материалы, в которых анализируется состояние оборонных отраслей промышленности, объемы производства, запасы стратегического сырья.

Как оценивались эти материалы в Москве?

Судите сами. Сегодня некоторые оценки работ Черняка открыты для печати.

«Присланные вами за последние десять месяцев материалы, — пишет в Разведуправление заместитель председателя Совета по радиолокации при Государственном Комитете обороны инженер-вице-адмирал Аксель Берг, — представляют очень большую ценность для создания радиолокационного вооружения Красной Армии и Военно-Морского флота.

Особая их ценность заключается в том, что они подобраны со знанием дела и дают возможность не только ознакомиться с аппаратурой, но и в ряде случаев изготовить аналогичную, не затрачивая длительного времени и значительных средств на разработку...

Все эти сведения и материалы позволяют нам уверенно выбирать пути технического развития новой и мало нам известной техники радиолокации, обеспечивая нам необходимую для этого перспективу и осведомленность».

Эти строки были написаны в мае 1944 года, а через полгода в Разведуправлении получают еще одно письмо из Совета по радиолокации при ГКО.

«Получил от Вас 475 иностранных письменных материалов и 102 образца аппаратуры. Подбор материалов сделан настолько умело, что не оставляет желать ничего лучшего на будущее.

...Полученные от Вас сведения имеют большое государственное

значение. Работу ГРУ за истекший год в данной области следует признать выполненной блестяще».

К этим восторженным словам нечего добавить. Ну разве что сказать — такие оценки приходили в адрес ГРУ (читайте Черняка) не только из Совета по радиолокации.

* * *

И все-таки сдается мне, главное дело разведчика Яна Черняка — атомное дело. А началось оно в 1942 году.

Центр дал команду Черняку прибыть в Великобританию и взять в разработку сотрудника Кавендишской лаборатории Кембриджского университета ученого-физика Аллана Мея.

Кто такой Мей? Ко времени знакомства Черняка с ним, Мей был уже доктором физики, секретарем Национального исполнительного комитета Ассоциации научных работников Великобритании.

Родился он в Британии, закончил Кембриджский университет, занимался научно-исследовательской работой. В 1942 году профессор Холбан предложил Мею совместную работу по программе атомного проекта «Тьюб Эллойз».

Военной разведке было крайне важно завести своего человека среди ученых лаборатории. Мей, как просчитали аналитики ГРУ, мог стать таким человеком. В юности он придерживался левых взглядов, ненавидел фашизм. В 1936 году с группой британских ученых Аллан побывал в Советском Союзе, посетил Ленинград, Харьков, физико-технические вузы, которые расположены в этих городах.

В Ленинграде Мей познакомился и подружился с одним из наших ученых-физиков. Они и в дальнейшем поддерживали связь, обменивались письмами, в том числе и по сугубо научным проблемам.

Наши разведчики попросили советского друга Мея написать письмо в Британию. Послание переправили Черняку.

Так Ян Черняк познакомился с Алланом Меем и убедил его оказать помощь советским физикам в создании атомной бомбы. Их совместная работа продолжалась сравнительно недолго. Судьба распорядилась так, что в январе профессор Холбан со своей группой ученых, в состав которой входил и Мей, уехали в Канаду, в Монреальскую лабораторию. Однако и за этот срок Аллан успел передать Черняку документы по основным направлениям научных работ по ядерной проблеме в Кембридже, чертежи

«уранового котла», характеристики установки по разделению изотопов урана и другие ценные материалы.

После отъезда Аллана Мея в Канаду связь с ним прервалась. Только зимой 1945 года Центр дал указание своему резиденту полковнику Заботину (оперативный псевдоним Грант) возобновить связь с ученым-физиком. Это сделать поручили сотруднику резидентуры Павлу Ангелову.

Он разыскал ученого и побывал у него дома. Мей, откровенно говоря, был не в восторге от гостя. В Канаде все обстояло иначе, чем в Великобритании. Контрразведка действовала жестко и эффективно. Ученые секретной Монреальской лаборатории постоянно чувствовали на себе пристальное внимание спецслужб. К канадским контрразведчикам добавлялись агенты из Федерального бюро расследований США. Канада была для них, по сути, вторым домом. Так что ученые-ядерщики находились под двойным прессом спецслужб.

И тем не менее молодому разведчику Ангелову удалось убедить Аллана Мея продолжить работу.

Ученый передавал не только ценную документацию. Когда возникла необходимость и резидентура получила задание добыть образец урана-235, который использовался при создании атомной бомбы, Мей выполнил и эту трудную задачу. А когда Москве стало известно об урановом заводе, который строился в Чок-Ривере, Аллан добился посещения этого предприятия, и вскоре описание его лежало на столе начальника Разведуправления Красной Армии.

Важно было и другое. Мей не только помогал научными, исследовательскими документами, доставал образцы ядерных материалов, он первым сообщил своему куратору из военной разведки об очень важном, политическом решении английского правительства — самостоятельно, без партнерства с американцами, приступить к созданию собственного ядерного оружия. Естественно, это решение держалось в страшнейшем секрете от американцев.

Вскоре в канадскую резидентуру военной разведки пришла радиограмма. Начальник Разведуправления сообщал, что материалы Аллана Мея представляют большую ценность.

Ни Ян Черняк в Великобритании, ни Павел Ангелов в Канаде в своей агентурной работе с ученым-физиком Меем не сделали ни одной ошибки. Однако случилось так, что в сентябре 1945 года из аппарата военного атташе пропал лейтенант Игорь Гузенко. Самое страшное во всей этой ситуации было то, что Гузенко служил шифровальщиком. Вместе с ним пропала его беременная жена и сын.

А вскоре он объявился у канадцев под присмотром спецслужб. Гузенко знал многое, кроме того, перед побегом выкрал и вывез около 30 шифротелеграмм, личные дела нескольких агентов.

Премьер-министр Канады Маккензи Кинг, ознакомившись с этими материалами, срочно вылетел в Лондон, где встретился с руководителем Британского кабинета. Из Лондона он направился в Вашингтон, где сообщил суть дела президенту США Гарри Трумэну.

В Оттаве были арестованы 16 советских военных агентов.

Английские контрразведчики, агенты ФБР бросили все силы на то, чтобы узнать, кто такой Алек (оперативный псевдоним Мея). В одной из телеграмм, выкраденной Гузенко, говорилось, что он связан с атомным проектом.

В марте 1946 года Аллана Мея арестовали. Через два месяца в Лондоне состоялся суд. Он получил 10 лет тюремного заключения. Ученый не выдал никого и не признал себя виновным.

Через 6 лет он вышел на свободу, но в Англии ему не разрешили заниматься исследованиями. Аллан Мей уехал в Гану, где стал профессором физики столичного университета.

* * *

Теперь пришло время рассказать о еще одном Герое России, полковнике ГРУ Артуре Адамсе. Правда, столь высокого звания он был удостоен только через 30 лет после смерти.

Жизнь Артура Адамса — удивительна. Он родился в Швеции, но после смерти отца семья переехала в Россию, на родину матери. Однако вскоре и мать умерла, а маленький Артур попал в приемную семью. Его взял на воспитание друг отца, инженер Винтер.

Приемный отец устроил Артура в школу при минных классах, которые располагались в Кронштадте.

Здесь он приобщился к революционной деятельности.

По окончании школы минного регулировщика Адамса направили на работу в Николаев. Но вскоре за участие в забастовке, его сослали в Олонецкую губернию.

Адамс бежал из ссылки и вернулся Петербург. Однако жить, постоянно скрываясь, было невозможно и Артур уехал в Германию, по рекомендации одного из друзей устроился на фирму «Интернэшнл дженерал электрик». Оттуда его послали в Италию, потом в Аргентину. Там он принял участие в

забастовке, был задержан полицией и посажен в плавучую тюрьму. Вскоре пароход с арестантами двинулся в путь. Аргентинские власти выслали забастовщиков в Европу. Однако после долгого и утомительного плавания в Амстердаме плавучую тюрьму не приняли, арестантов на берег не выпустили и отправили обратно через океан.

Но и аргентинским властям не нужны были бунтовщики. Их пересадили в трюм судна береговой охраны. Предстояло новое плавание через океан в Европу.

Ждать пришлось два месяца. Наконец полиция перегрузила арестантов на итальянское судно, которое отплывало в Германию.

Так началось третье путешествие Адамса через океан. Однако ему не суждено было завершиться в Европе. В одном из уругвайских портов Артуру удалось бежать.

Когда обстановка в Аргентине успокоилась, Адамс вернулся в Буэнос-Айрес. Теперь он устроился на работу во флотскую команду, отправляющуюся в США.

Летом 1908 года Артур уже трудился на судостроительной верфи в г. Куинси. Однако вскоре он перебрался в Канаду, где поступил в Торонтский университет, на механический факультет. После окончания учебного заведения Адамс стал дипломированным инженером-механиком.

За время учебы в университете он получил канадское гражданство. Теперь Адамс, инженер, обладающий канадским паспортом, переезжает в США, где устраивается на работу на автомобильный завод Форда.

Поскольку Артур живет в Соединенных Штатах, он призывается на службу в армию, заканчивает офицерские курсы резервистов и становится сначала капитаном, а потом получает майорское звание.

В 1921 году он возвращается в Россию. Его образование, инженерные знания и опыт пришлились очень кстати. Артур Адамс становится директором Московского автомобильного завода АМО.

Позже вся его жизнь будет связана с высокими руководящими должностями в ВСНХ СССР, в Авиатресте, в Главном управлении военной промышленности, на заводе «Большевик».

Перед тем как прийти в разведку, Артур Александрович Адамс занимал пост члена коллегии Главного управления авиационной промышленности, помощника начальника этого же управления. То есть, по нынешним меркам, пост заместителя министра.

Однако в 1935-ом, в возрасте 50 лет, Адамс резко меняет свою жизнь — он становится сотрудником военной разведки.

Его работа в Разведуправлении Красной Армии складывается не

просто. В 1937 году управление госбезопасности НКВД выдвигает обвинение о связях с неким Блюгерманом, а также о том, что во время работы в управлении авиационной промышленности он закупал оборудование за границей по завышенным ценам.

Руководству Разведуправления насилу удалось защитить своего сотрудника. Однако в следующем, 1938 году, его все-таки отзывают из-за границы и увольняют из военной разведки. Но через год вновь возвращают в Разведуправление и направляют в Нью-Йорк. Теперь он президент «Технологической лаборатории», авторитетный специалист с хорошими связями.

Зимой 1944 года Ахилл (оперативный псевдоним Адамса) узнает, что один из друзей его агента Эскулапа работает в секретной лаборатории, которая занимается разработкой атомной бомбы.

Будь на месте Адамса другой человек, возможно он и не обратил бы внимание на эту информацию. Ведь в США об этих исследованиях практически никто не знал, да и из Центра недавно пришел приказ: *«не отвлекаться по прочим, хотя и соблазнительным возможностям...»*

И все-таки Адамс отвлекся. Будучи опытным, высококвалифицированным инженером, он сразу понял важность этого сообщения. Срочно встретился с резидентом военной разведки в Нью-Йорке Павлом Меклишевым и доложил информацию.

На следующий день Центр получил радиограмму от Ахилла: США ведут активные работы по созданию атомной бомбы. Далее Адамс предлагает привлечь к сотрудничеству старого знакомого Эскулапа, ученого-физика Мартина Кэмп. Тем более что американец уже согласился на первую встречу.

Эта встреча состоялась. А вот чтобы встретиться еще раз, надо было получить разрешение в НКВД. А оттуда ответили, что «Мартин Кэмп является объектом нашей разработки».

В этих условиях Центру ничего не оставалось другого, как запретить встречу и контакты с Кэмпом прекратить.

Однако было поздно. Не дождавшись ответа, Адамс выехал на встречу. Кэмп вручил ему увесистый портфель, попросил утром вернуть. В портфеле оказалось около тысячи листов документов. Все их надо было перефотографировать за одну ночь.

С этой невероятной трудной задачей Ахилл, тем не менее, справился. Утром портфель был возвращен ученому.

«Мой источник, — писал Артур Адамс начальнику Разведуправления, — специалист высокой квалификации. Сначала нужно в

срочном порядке, а не в порядке очередности, ознакомиться с посылаемым мною материалом.

Это огромная работа. Это только начало. Я буду несколько раз получать от него материал. В первой оказии 1000 страниц. Материал совершенно секретный».

Документы передали в Комиссариат химической промышленности СССР. Ответ был таков: «По отзыву Народного Комиссариата химической промышленности СССР, все вышеуказанные материалы представляют исключительную ценность».

Следующая встреча Ахилла с Кэмпом была не менее продуктивной. Источник вручил военному разведчику более двух тысяч страниц секретных документов по ядерному проекту. Вместе с материалами были переданы и образцы урана, бериллия и флакон тяжелой воды.

Были еще и последующие встречи — в мае, июне, августе. Кэмп передал еще почти полторы тысячи листов документов. Однако встреча, запланированная на сентябрь, не состоялась. Ученый не вышел в указанное место.

Только через несколько месяцев Артуру Адамсу удалось узнать, что Мартин Кэмп тяжело болен. Его свалил какой-то неизвестный медицине недуг. Судя по всему, это была лучевая болезнь.

В ноябре 1944 года Ахилл попал в поле зрения контрразведки. После встречи на конспиративной квартире с Павлом Меклишевым Адамс заметил за собой слежку. За его автомобилем неотступно следовала какая-то машина. Ахилл понял: за ним ведется наблюдение.

Так повторилось на следующий день, и через день, два, неделю, месяц. Адамс прервал все контакты со своими агентами. Однако жить приходилось в постоянном страхе — арестовать могли в любой момент. Но видимо у фэбээровцев было недостаточно доказательств.

По выводу Ахилла из США Центр совместно с резидентурой разработали целую спецоперацию. Адамсу удалось ускользнуть из-под бдительного ока ФБРовцев.

В 1946 году Артур Александрович Адамс после длительной командировки вернулся в Москву.

Кеннеди — Хрущев: секретный канал СВЯЗИ

Имя этого человека я впервые услышал лет пятнадцать назад из уст моего хорошего знакомого, ветерана военной разведки.

Под большим секретом он рассказал мне о сотруднике Главного разведывательного управления, который в конце 50-х — начале 60-х годов работал в США, встречался с президентом Джоном Кеннеди и первым секретарем ЦК КПСС Никитой Хрущевым, а с министром юстиции, и, по сути, вторым человеком в Штатах, Робертом Кеннеди был достаточно близок и общался не менее двух раз в месяц.

Более полутора лет, с мая 1961 года по декабрь 1962-го, наш разведчик был своего рода «связным» между руководителями двух супердержав, осуществлял тайный канал связи. Особенно ответственной его роль оказалась в дни берлинского, а позднее и карибского кризиса, когда мир стоял на пороге атомной войны.

Я осторожно спросил: «Возможно, этот человек был резидентом ГРУ в Вашингтоне?» — «Да нет, — ответил собеседник, — обычным офицером, работал под крышей Агентства печати «Новости» (АПН)».

Рассказ ветерана поразил меня. Настоящая сенсация. Долгими уговорами и клятвами не раскрывать секрет «связного» удалось убедить собеседника назвать фамилию разведчика.

«Звали его Георгий Никитич Большаков, — произнес мой знакомый и тут же предостерег: — В разговоре с моими коллегами особо не восхищайтесь. Вас не поймут. В ГРУ утвердилось мнение, мол, ничего особенного Большаков не сделал».

— Ничего себе мнение? — удивился я.

— Да, да... Считается, что Георгий просто оказался в нужное время в нужном месте. Ну и поработал таким «почтовым ящиком» между Хрущевым и Кеннеди.

Признаться, я был обескуражен и спросил первое, что пришло в голову:

— А что, в истории военной разведки было нечто подобное? Чтобы обычный, как вы говорите, оперативный офицер запросто общался со вторым человеком в государстве. При том что это государство — Соединенные Штаты Америки. Тем более что их общение, как я понимаю,

имело государственное значение и проходило в самые кризисные периоды наших отношений с США.

Теперь, судя по всему, пришло время удивляться моему собеседнику. Он вскинул брови и даже подался вперед, желая, видимо, бурно отреагировать. Но лишь сделал глубокий выдох.

— Хм... Знаете... В такой постановке этот вопрос никогда не звучал.

— Может, обсудить его на очередном ветеранском собрании? Пересмотреть взгляды?

— Шутите... — усмехнулся собеседник и как-то обреченно махнул рукой. — Кому это надо?..

Не знаю, я не военный разведчик, не мне судить, нужно это ГРУ или не нужно. Однако твердо уверен, правду о Георгии Никитиче Большакове необходимо знать нам, нашей стране.

* * *

Для начала два утверждения, сделанные на основе анализа документов 1961–1962 годов.

Первое. Личность Большакова и все, что он делал в те годы, — уникальны. Ни до, ни после него никому из наших разведчиков — ни высокопоставленных, ни рядовых — не удавалось даже приблизиться, а не то что регулярно встречаться, бывать приглашенными в дом или в загородную резиденцию, часами беседовать с первыми лицами самого мощного в мире государства — США.

Добавим, что эти «первые лица» не только передавали Большакову информацию как курьеру. Они внимательно слушали его, спрашивали, советовались, ценили мнение Георгия Никитича.

Думаю, о таком «курьере» может только мечтать любое правительство.

Второе. Насколько мне известно, ни до, ни после Большакова Президиум ЦК КПСС (высший партийный, читайте — государственный орган) Советского Союза не принимал персональные решения по «рядовым офицерам» военной разведки.

В Президентском архиве и ныне хранятся постановления Президиума ЦК, а также тексты устных посланий Никиты Хрущева. Так вот что характерно: в постановлениях специально указываются личные задания (!) Большакову — передать то-то, выяснить это. Каков уровень! Георгию Никитичу задания дает персонально Президиум ЦК.

Стало быть, задания того стоили? Несомненно, стоили. А цена им —

жизнь или смерть нашего Отечества. Кто-нибудь скажет: высоко забрал. Да, уж выше некуда. На кону в те годы действительно стояла проблема выживания Советского Союза. Ведь сегодня доподлинно известно: ударь в 1961-м США по нас ядерными ракетами, и Стране Советов конец. Ответить нечем. Во всяком случае, в должной мере. Ибо, как бы ни блефовал Хрущев, как бы ни хвастался, что ракеты у нас лепят, словно сосиски, этих «изделий» было недостаточно для адекватного ответа американским империалистам.

Вот таков был Георгий Никитич Большаков — из Москвы для него персонально писал Хрущев, в Вашингтоне, через брата Роберта, его слушал президент — Джон Кеннеди.

Однако как это все случилось? Обычный советский офицер-разведчик под крышей АПН и президент США, его брат — министр юстиции? Фантастика, да и только. Как они сошлись? Как вообще попал Большаков в высшее общество Америки, в круг избранных? Это по определению невозможно. Тем более тогда, в начале 60-х, когда «холодная война» была в разгаре, а США считали СССР врагом номер один.

Ведь что означал конфиденциальный канал связи? В первую очередь — доверие. Доверие Роберта Кеннеди, а значит, и его брата — президента — к Большакову.

Однако все это было. Огромный, трудный путь на олимп власти, сближение с Робертом Кеннеди, завоеванное доверие, человеческие симпатии... И за всем этим — один человек, наш соотечественник военный разведчик Георгий Большаков.

* * *

Для начала следует сказать, что Георгий Никитич был весьма непохож на многих своих сослуживцев. Он считал достоинством то, что другие в разведке считали недостатком. Например, общительность, непосредственность, эмоциональность. Большаков располагал к себе манерой общения, открытой, душевной.

Возможно, поэтому он и понравился американцам.

Однако наивно думать, что для такой ответственной роли достаточно было такого веселого, свойского парня. На сближение с американцами, которые окружали семью Кеннеди, ушли годы. Годы упорной работы.

Так с Фрэнком Хоулменом, журналистом из «Нью-Йорк дейли ньюс», который дружил с пресс-секретарем Роберта Кеннеди Эдом Гатманом,

Большаков познакомился еще в далеком 1953 году, в свою первую командировку в США.

«Мы дружили семьями, — напишет впоследствии Георгий Никитич, — часто ходили друг к другу в гости и, естественно, обсуждали с ним самые острые проблемы во взаимоотношениях между нашими странами. И чем острее становились эти проблемы, тем чаще мы встречались.

Фрэнк Хоулмен был близким другом пресс-секретаря Роберта Кеннеди Эда Гатмана и не скрывал, что самые интересные места наших с ним бесед он передает Эду и тот уже суммирует наиболее существенную информацию и сообщает ее Роберту Кеннеди, который живо интересовался положением дел в американо-советских отношениях».

Однако встречаться и обсуждать международные проблемы с другом пресс-секретаря Кеннеди — одно, а вот выйти на самого брата президента США — это совсем другое. Тем более что Роберт Кеннеди никогда не питал любви ни к коммунистам, ни к Советскому Союзу. Скорее его брат — президент — был более мягок в оценках Страны Советов, нежели Роберт.

Так в справке Первого Главного управления КГБ СССР о Роберте Кеннеди говорилось, что он «весьма отрицательно относится к Советскому Союзу». И это была истинная правда.

Антикоммунистические, антисоветские взгляды Кеннеди не являлись секретом для офицеров вашингтонской резидентуры ГРУ, в том числе, разумеется, и для Большакова.

Именно поэтому, когда однажды Фрэнк Хоулмен спросил Георгия Никитича: «А не лучше ли тебе самому встретиться с Робертом Кеннеди?», тот не придал реплике американского друга особого значения. Потом Большаков признается, что «перспектива такой встречи казалась заманчивой, но не реальной».

И тем не менее, как офицер военной разведки, он обязан был доложить руководству даже такое мимолетное предложение Хоулмена. Услышав подобное, резидент крайне удивился. Такое случилось впервые в его практике. В конце концов, есть же посол Советского Союза Меньшиков. А то ведь хлопот не оберешься. Кто Роберт Кеннеди, а кто Большаков? Как говаривал известный литературный персонаж, между ними — «дистанция огромного размера».

Может, это и вообще провокация? Но какая может быть провокация, если речь идет не о каком-нибудь мелком клерке из ФБР, а о втором человеке в государстве.

В общем, ситуация была крайне необычной, нестандартной,

запутанной. И тогда резидент принимает самое простое решение — встречу Большакова с Кеннеди запретить. На кой ляд ему нужна эта головная боль? Хотят вести американцы переговоры — пусть обращаются в посольство. Это дело дипломатов.

Нет сомнения, сам Кеннеди и его окружение знали дорогу в посольство, как, впрочем, и советский посол не забыл путь ни в Госдеп, ни в Белый дом. Однако на этот раз президенту США понадобилась другая связь, иной канал — не дипломатический.

Была ли это некая президентская прихоть или наоборот, жизненная необходимость? Как покажет время, Джон Кеннеди предугадал, что СССР и США могут попасть в полосу тяжелых кризисов. Самых серьезных кризисов за всю послевоенную историю. И вот тогда нужен будет дополнительный канал связи, личный, неофициальный, доверительный. Уже трудно сказать, насколько он стал доверительным в эпоху всеобщего недоверия, но иного канала ни у Хрущева, ни у Кеннеди просто не существовало.

Однако вернемся к Большакову. Он, по сути, был рядовым разведки, хоть и с полковничьими погонами. Ему запретили встречу, и он (по официальной версии) позвонил Хоулмену и сообщил, что встретиться с Кеннеди не может. Во всяком случае, в документах, хранящихся в архиве ГРУ, датированных 30 апреля 1961 года, изложена именно эта версия.

Понимаю Георгия Никитича. Не мог же он самолично положить голову на плаху и в отчете написать, что ослушался приказа резидента.

А ведь ослушался. Может быть, он единственный тогда осознавал, какие перспективы сулила эта встреча. В отличие от резидента, Большаков был обычным сотрудником разведаппарата, и его волновали, прежде всего, дело, польза для страны, а не опасения, как на это посмотрит посол, КГБ и, наконец, свое гэрэушное начальство в Москве. Все, чего боялся резидент, не очень беспокоило Георгия Никитича.

Именно поэтому и только поэтому встреча состоялась. И состоялась она ни в какой-то другой день, а именно 9 Мая (!), в день Великой Победы. Почему? Очень просто. Все праздновали, в посольстве оставался только дежурный. Судя по отчету Большакова, почти до 16 часов он находился в типографии, занимался журналом. В это время ему несколько раз звонил Хоулмен, но застать не мог. А когда дозвонился, то пригласил Большакова на ланч. Правда, время ланча уже прошло, да и, как писал позже сам Большаков, он очень устал, но от приглашения не отказался. Хоулмен заехал за ним, и они отправились в район Джоржтауна в маленький ресторанчик.

Был уже шестой час, когда Хоулмен неожиданно сообщил, что Большакова ждет Роберт Кеннеди. Таким образом «Джорджи», как звали Георгия его американские друзья, попал в ловушку. Отказаться от встречи нельзя, сообщить резиденту невозможно. Пришлось соглашаться.

Хорошо придуманная, добротная легенда, только не для американцев, а для собственного начальства. И то правда, стоит ли строго судить Большакова, коли так сложились обстоятельства. А обстоятельства, как известно, бывают сильнее нас.

И все-таки резидент остался недоволен. Несмотря на его строгие запреты, Георгий Никитич вляпался в эту историю. Руководитель разведapparата прекрасно понимал: отчет о четырехчасовой встрече Роберта Кеннеди и Георгия Большакова не просто ляжет на стол начальнику ГРУ. Теперь даже начальник Генштаба и министр обороны — лишь промежуточные «станции», а конечный пункт назначения — Президиум ЦК и лично товарищ Хрущев. И никто не возьмется угадать, какова будет реакция из Кремля.

Реакция стала известна через неделю. Президиум ЦК поручил Минобороны и МИДу через Большакова выяснить, что имел в виду Роберт Кеннеди, назвав кубинскую проблему «мертвой».

Не забудем: встреча Большакова и Кеннеди состоялась, что называется, по горячим следам самых «горячих событий» — высадки кубинских «контрас» при активной поддержке США на Плайя-Хирон. Прошло всего каких-нибудь три недели, и руководство Советского Союза, разумеется, очень интересовало, не предпримут ли США новую попытку интервенции.

Георгию Никитичу предстояло передать Кеннеди, что если «правительство США отказалось на будущее от агрессивных действий и вмешательства во внутренние дела Кубы, то, безусловно, такое решение только приветствовалось бы Советским Союзом».

Подобное задание Президиума ЦК говорило о том, что Большакову дано «добро» на продолжение контактов с Кеннеди и даже ставились конкретные задачи.

Больше того, в постановлении указывалось: дать положительный ответ на предложение Кеннеди об установлении канала особой связи с американским руководством. Этот «неофициальный канал» осуществлять через Большакова.

Так кто же был инициатором создания подобного канала? Судя по нашим документам, отчетам Георгия Никитича, справкам вашингтонской резидентуры — американцы.

А вот близкий друг Большакова, Фрэнк Хоулмен впоследствии утверждал, что именно Георгий Никитич предпринял настойчивые шаги для встречи с Кеннеди. Да и сам Роберт Кеннеди заявлял, что его первая встреча с Большаковым состоялась по инициативе советского журналиста и дипломата. Он передал через Хоулмена, что «хотел бы встретиться со мной».

Трудно теперь выяснить истину, думается, это было обоюдное желание: с одной стороны, Джон и Роберт Кеннеди, лидеры США той поры, а с другой, — да простят меня МИД, военная разведка и иные мощные госструктуры, — Георгий Большаков. Несмотря на запреты, он первым понял важность подобных контактов и сделал все возможное, чтобы прорваться к Роберту Кеннеди.

Теперь Большаков стал негласным посланником по особым поручениям между Хрущевым и Кеннеди. Командование ГРУ и руководство вашингтонской резидентуры, получив «указивку» из Кремля, приняло ее к сведению.

А Большаков лишь нажил себе врагов. Им были недовольны все. Резидентура, потому что, по сути, потеряла опытного оперативного офицера. Какой от него толк для разведки, если его встречи с Кеннеди получали «официальное» «добро» на самом верху. А командование ГРУ считало: не дело офицера военной разведки вести переговоры с первыми лицами государства. Зачем забирать хлеб у МИДа.

Посольство раздражало то, что этот «выскачка Большаков» сел не в свою лодку, оттеснив на второй план дипломатов.

Неспроста Роберт Кеннеди как-то сказал: «Повседневные рутинные вопросы решались через посла М. Меншикова, а «прочие вещи» — через Большакова». И посольство прекрасно знало, что это за «прочие вещи». Кому же такое понравится?

Самое интересное, что Большаков нажил себе недоброжелателей не только среди своих, но и среди чужих. Государственный департамент США тоже проявил недовольство тем, что Георгий Никитич вторгся на их территорию. И Большаков сразу почувствовал к себе повышенный интерес со стороны ФБР.

Все это Большаков прекрасно осознавал и чувствовал. Но было нечто более важное, чем зависть, интриги, ревность, как со стороны коллег, сослуживцев, так и со стороны американцев. Теперь на него возлагались задачи поистине государственной важности. И это были не высокие слова. Это были высокие дела.

Однако, прежде чем перейти к делам, хотелось бы задать вопрос: кто вы, товарищ Большаков?

О детстве и юности Георгия Никитича известно немного. Родился он в Москве, отец и мать были служащими на железной дороге.

В 1941-м ему исполнилось девятнадцать. Рвался на фронт, но его отправили на курсы военных переводчиков, которые открылись при военном факультете Московского института иностранных языков.

Закончив курсы, ушел на фронт. Сначала на Карельский в качестве полкового переводчика, позже на Северо-Западный, где служил помощником начальника разведки дивизии.

В 1943 году его посылают на курсы усовершенствования офицерского состава, позже в Высшую разведывательную школу Генерального штаба.

После окончания разведшколы, его как одного из самых перспективных молодых офицеров зачисляют слушателем Военно-дипломатической академии Советской Армии.

По выпуску из академии Большаков был зачислен в центральный аппарат ГРУ и вскоре после соответствующей подготовки убыл в командировку в США на должность редактора отделения ТАСС в Нью-Йорке и Вашингтоне.

В 1955 году Георгий Никитич возвратился на Родину и был назначен офицером для особых поручений при министре обороны СССР маршале Г. К. Жукове.

После смещения Жукова с поста министра обороны вновь оказался в аппарате ГРУ.

В 1959 году убыл во вторую командировку в США, теперь уже шеф-редактором журнала «Совет лайф».

Со времени его первого пребывания в Штатах прошло не так уж много времени — четыре года. Его не забыли в Америке. Старые знакомые, журналисты, обозреватели Дж. Рестон, У. Роджерс, Т. Уайт, У. Липпман встретили Джорджи Большакова радушно. Особенно радовался его близкий друг Хоулмен.

Потом Фрэнк как-то скажет, что ему приходилось иметь дело со многими советскими репортерами, но ни один из них не был таким привлекательным, как Джорджи.

Историк Александр Фурсенко, который встречался с самим Большаковым и его американскими друзьями, пишет, что, «спустя много

лет после знакомства с Большаковым, Хоулмен, вспоминая своего друга, говорил, что он «очень сильно отличался» от других советских представителей, с которыми ему приходилось иметь дело. Большаков был весельчаком, любил крепко выпить и хорошо при этом держался. В нем ценили чувство юмора, независимость суждений и критическое отношение к партийному вмешательству в советскую внешнюю политику. Несомненно, в поведении представителя разведслужбы это было запрограммировано. Но после того как ЦК санкционировало связь Большакова с братом президента, он стал вести себя еще более свободно, раздражая прежнее начальство, которое сохранило над ним власть лишь более или менее символическую».

В деятельности Георгия Никитича в качестве связного между руководителем двух сверхдержав следует выделить, пожалуй, три этапа. Первый — это работа в преддверии венской встречи Хрущева и Кеннеди, в период берлинского и в особенности карибского кризиса, когда советские ракеты были размещены на Кубе.

* * *

Итак, сегодня уже доподлинно известно, что в дни подготовки к встрече на высшем уровне в Вене Большаков виделся с Робертом Кеннеди и говорил с ним по телефону пять раз. Чего хотели добиться руководители США? Прежде всего, гарантий от советской стороны, что переговоры в Вене пройдут со знаком плюс, в духе взаимопонимания.

21 мая 1961 года Роберт Кеннеди привез Большакова в свой загородный дом. Беседа между ними продолжалась два часа. Кеннеди не скрывал, что он излагает мнение президента США. Добавил: брат знает об их встрече и одобряет такой канал связи. В то же время попросил, чтобы при необходимости Георгий звонил ему из автомата и называл себя только двум сотрудникам — помощнику Кеннеди и его секретарю.

Ситуация была столь необычной, что один из руководителей Большакова в Центре оставил на донесении Георгия Никитича такую запись: «Это беспрецедентный случай, когда член правительства США встречается с нашим работником да еще конспиративно».

Кстати, надо отдать должное: как американская сторона, так и советская приложили все усилия, чтобы сохранить эту связь в секрете. Особенно охраняли и прикрывали ее от досужей прессы.

За несколько дней до венской встречи контакты Большакова и Роберта

Кеннеди стали особенно интенсивными. А перед самым отлетом президента США в Париж, где он хотел увидаться накануне Вены с президентом де Голлем, Роберт Кеннеди позвонил Георгию Никитичу и попросил срочно приехать к нему в министерство. Оказывается, Джон Кеннеди вышел с предложением: его встречи с Никитой Хрущевым желательно проводить один на один в присутствии единственного переводчика.

Информация быстро ушла в Москву, и уже через несколько часов Большаков сообщил о положительном решении руководителя СССР.

Это известие обрадовало Роберта Кеннеди.

Однако все получилось не так, как хотелось. Да, руководители США и СССР достигли соглашения по Лаосу, но, увы, взаимопонимания и конструктивного диалога не получилось.

Еще до отлета Джона Кеннеди в Вену Роберт сообщил Большакову, что «президент не намерен на этой встрече обсуждать кубинскую проблему». Понятно, она была слишком болезненной для Кеннеди. Но не менее болезненной она была и для Хрущева. И желал ли того президент США — не желал, а руководитель СССР все время возвращался к ней.

Сегодня находится немало историков, которые в провале венской встречи винят только Хрущева, советскую сторону. Мол, Хрущев держался грубо, агрессивно. И Кеннеди, молодой руководитель, растерялся, позволил разговаривать с собой в таком тоне.

Все обстояло не совсем так. Однако вопрос остается: почему Хрущев вел себя подобным образом? Может, на то были свои причины. Конечно, ни грубость, ни агрессивность оправдать нельзя, и тем не менее... Что повлияло на поведение советского лидера?

Да прежде всего не слова, а дела американцев. Конечно, теперь можно писать и доказывать, что американский президент помахивал чуть ли не пальмовой ветвью, а Никита Хрущев без всяких на то оснований стал в стойку боксера. Но так ли это? Попытаемся разобраться.

Итак, встреча на высшем уровне в Вене состоялась в июне 1961 года. Оглянемся назад. Не будем забегать в далекое прошлое, проанализируем лишь один год, предшествующий этой встрече.

В мае 1960-го сбит американский самолет-шпион У-2, пилотируемый летчиком Пауэрсом. В июне того же года впервые на столе Хрущева оказывается так называемый «План ядерного удара по СССР». (Сакер'с Атомик Страйк План № 110/59 от 16.11.1959 г.) В нем доходчиво расписаны цели, задачи, принципы, программа действий ВГК и региональных командований.

Вскоре из военной разведки в Кремль поступила инструкция НАТО по ведению ядерной войны против СССР.

Вспоминая о том времени, сын Никиты Хрущева, Сергей напишет: «В сердце отца зарубки остались навсегда. Обман со стороны его «друга» поразил отца в самое сердце. Он не простил ни президенту Эйзенхауэру, ни человеку Эйзенхауэру».

Вот тебе и союзник, соратник по войне, на словах — и вправду друг, а на деле — ядерная дубина за пазухой.

Так это же Эйзенхауэр, скажете вы, а встречался Хрущев с Кеннеди. Да, в ноябре 1960-го в Белый дом пришел молодой, обаятельный, энергичный Джон Кеннеди. Но для Советского Союза это мало что изменило. Уже через полгода после вступления в должность обаятельный Кеннеди поддержит интервенцию кубинских контра на Плайя-Хирон.

Чему же должен был верить Никита Хрущев — сладким речам из Белого дома или делам?

Словом, переговоры в Вене не сложились. Говорят, Джон Кеннеди сильно переживал провал и даже пожаловался, что никогда в жизни до этого не сталкивался лицом к лицу с подобным злом. И хотя в ходе переговоров нападение на Кубу Кеннеди назвал «ошибкой», в дальнейшем он не провел «работу над ошибками», наоборот, в 1961–1962 годах США предприняли ряд мер экономического и военного характера против режима Фиделя Кастро. Была установлена экономическая блокада, в США открыто поддержали кубинскую эмиграцию, нагнеталась военная истерия.

Кроме того, Соединенные Штаты увеличили военный бюджет, перебросили дополнительные войска в Западную Европу, начались массированные поставки оружия и техники в Юго-Восточную Азию.

* * *

Но неудачи не переговорах в Вене никоим образом не отразились на отношениях Роберта Кеннеди и Георгия Большакова.

«Как-то осенью 1961 года, — вспоминал позже Большаков, — уже после венской встречи в верхах, мне довелось посетить Белый дом с одной из советских делегаций. И вот тут ко мне вдруг подошел президент и, взяв за локоть, повел в правительственный зал.

— Джорджи, — сказал он, — я благодарен тебе за услуги, которые ты оказал накануне Вены. Они пришлись кстати, как для меня, так и для премьера Хрущева. Я думаю, что в дальнейшем, если не будет возражений

с вашей стороны, мы будем продолжать связываться через тебя с Хрущевым.

Я ответил: «Это зависит от вас, господин президент», и поблагодарил за комплимент. Он похлопал меня по плечу и улыбнулся: «Ну, до встречи!»

И такая встреча, правда, с Робертом Кеннеди, вскоре состоялась.

«В период наиболее серьезного танкового противостояния у Бранденбургских ворот в Берлине, — рассказал мне военный разведчик капитан 1-го ранга в отставке Виктор Любимов, хорошо знающий Георгия Никитича по совместной службе, — Большаков дважды — 26 и 27 октября 1961 года — встречался с Робертом Кеннеди и передавал для президента США письменные и устные послания Хрущева.

11 ноября Большаков и пресс-секретарь Белого дома Сэлинджер вынуждены были встречаться даже ночью.

Мягкое, положительное решение о признании границ в Берлине было достигнуто путем устной договоренности между двумя лидерами. В этом немалую роль сыграло искусство посредника Большакова и реалистическое отношение к берлинской проблеме команды Джона Кеннеди: его брата, Сорренсена, Банди, О. Брайена».

В январе следующего, 1962 года предстоял новый тур переговоров США с СССР.

Через Большакова передавали, что представители президента США хотели бы обсудить позиции сторон по берлинскому вопросу и надеялись на успешный исход.

Однако вновь успешного исхода не получилось. Переговоры вели министр иностранных дел Андрей Громыко и посол США в СССР Л. Томпсон.

При очередной встрече Роберт Кеннеди поделился с Большаковым своей озабоченностью: «Президент опасается, что беседы в Москве могут вернуть наши страны к дням Вены». Он просил довести его слова до Хрущева.

В конце января в США прилетел зять Хрущева Алексей Аджубей. Он только что побывал на Кубе. Теперь его принимал Джон Кеннеди. В беседе участвовал и Георгий Большаков.

Через два с небольшим месяца — новая встреча. На этот раз Аджубей возвращался из поездки по странам Латинской Америки.

Президент вновь принял у себя Аджубея и Большакова с супругами. Разговор опять зашел о Кубе. Именно тогда Джон Кеннеди сказал свои известные слова: «Это ведь в 90 милях от нашего берега. Очень трудно. Куба лезет изнутри».

В феврале Кеннеди передал Хрущеву через американского посла в Москве личное послание. Прошла неделя, другая, ответа не было. Вновь брат президента обращается к Большакову.

В своем отчете в Центр от 2 марта 1962 года Георгий Никитич сообщает, что президент США недоволен ходом переговоров Громько и Томпсона и хотел бы лично встретиться с Хрущевым.

В конце апреля Роберт Кеннеди дважды виделся с Большаковым. По итогам встреч в Москву летит телеграмма, главный смысл которой заключается в следующем — президент США предлагает премьеру Никите Хрущеву заключить договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере.

Однако, судя по всему, в Кремле не очень-то верят предложениям Джона Кеннеди. Нет такой веры и в самих Соединенных Штатах. После ухода в отставку советник по науке Белого дома Визнер заявил, что своей политикой форсирования вооружений Джон Кеннеди подорвал шансы на заключение договора о запрещении ядерных испытаний.

За три месяца — с мая по июль — Роберт Кеннеди встречался с Большаковым семь раз.

3 июля брат президента США пригласил Джорджи в загородную резиденцию на воскресенье. Здесь между ними состоялся обстоятельный разговор. Кеннеди интересовало, есть ли в советском правительстве люди, выступающие за столкновение с США? Большаков ответил отрицательно.

В свою очередь, Георгий Никитич как бы переадресовал вопрос Кеннеди: «А есть ли такие люди в правительстве США?»

«В правительстве — нет, — ответил Роберт, — а в Пентагоне есть».

О подобном обмене мнениями Большаков доложил в Москву.

* * *

1 сентября 1962 года Георгий Большаков собирался уехать в отпуск на родину. 31 августа ему позвонил Роберт Кеннеди и пригласил на «прощальную беседу».

Едва Большаков переступил порог кабинета министра юстиции США, как Кеннеди сообщил: их ждет президент, он хочет передать Хрущеву послание. Они сели в служебный «линкольн» и поехали в Белый дом.

«Промчавшись по опустевшей от дневного потока Пенсильвания-авеню, — напишет в своих воспоминаниях Георгий Большаков, — мы через несколько минут выехали на зеленую аллею Белого дома и

остановились у зашторенного холстом подъезда для неофициальных посетителей президента.

Агент секретной службы распахнул дверь. Коридор был пуст, и только расставленная в нескольких шагах друг от друга личная охрана президента свидетельствовала о присутствии в доме хозяина. Пройдя сквозь строй «почетного караула», мы вошли в маленький кабинет секретаря президента госпожи Линкольн. Там нас встретил помощник начальника службы охраны, сказавший, что президент будет через несколько минут.

— Мы подождем его там, — сказал Роберт Кеннеди, распахнув дверь в Овальный кабинет. Было видно, что он чувствовал себя здесь как дома. Через несколько минут бесшумно открылась боковая дверь, и, немного сутулясь, как бы стесняясь своего роста, вошел президент. Он был в темно-сером костюме в полоску и голубой рубашке, которая особенно оттеняла его каштановые волосы, чуть тронутые сединой. Он показался мне уставшим и немного встревоженным.

— Здравствуй, Джорджи, — протягивая на ходу руку, сказал президент и пригласил сесть.

— Вот что, — сказал он, — я знаю, что ты едешь в Москву отдыхать. Это хорошо. Я попрошу тебя оказать мне услугу и передать премьеру Хрущеву следующее...»

И Джон Кеннеди объяснил: посол США в Москве Томпсон информировал, что Хрущев обеспокоен облетами американских самолетов советских судов, следующих на Кубу. Он просил передать, что принял решение о прекращении этих облетов.

Далее президент США сказал, что ему представляется благоприятной перспектива улучшения американо-советских отношений.

После того как Большаков и Р. Кеннеди покинули Белый дом, Роберт пожаловался, что у брата много не только друзей, но и врагов. Как же этого не понимает Хрущев? Джон каждый раз делает шаги навстречу премьеру СССР, но эти шаги стоят больших усилий.

Большаков сказал, что понимает озабоченность президента США и постарается все в точности передать Хрущеву.

Как и намечалось, 1 сентября Георгий Никитич вылетел в Москву. Сразу по приезде домой он связался с помощником Хрущева Владимиром Лебедевым.

Тот сказал, что Никита Хрущев находится на отдыхе и примет Большакова в Пицунде между 10 и 15 сентября.

Большаков в назначенное время прибыл в Пицунду. Хрущев поприветствовал Георгия Никитича и сказал, что пристально следит за его

контактами с Робертом Кеннеди. Далее попросил: теперь без утайки, откровенно, не стесняясь, расскажите мне все о президенте Кеннеди, его брате, окружении.

Три часа говорил Большаков. Хрущев внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы. Потом к ним присоединился Анастас Микоян, отдохавший вместе с Никитой Сергеевичем. Беседа продолжилась.

Хрущева интересовал вопрос, пойдут ли США на вооруженную конфронтацию с Кубой. Большаков ответил утвердительно. Но добавил, что Джон Кеннеди находится под большим давлением со стороны военных. Также пересказал опасения Роберта Кеннеди.

— Прибедняются, — усмехнулся Хрущев. — Если он сильный президент, ему нечего бояться.

В заключение беседы Хрущев напутствовал: «Когда вернетесь в Вашингтон, передайте президенту, что мы положительно оцениваем его шаги, направленные на уменьшение напряженности и на нормализацию отношений между нашими странами.

Вы должны быть внимательны ко всему: тону, жестам, разговорам. Нам в Москве нужно знать все, особенно сейчас...»

* * *

Глубокий смысл последней реплики Хрущева «особенно сейчас» Большаков поймет уже после возвращения в США. Однако не сразу.

4 октября, после приезда в Вашингтон, Большаков позвонил Кеннеди, сказал, что хотел бы встретиться. Однако Роберт отреагировал как-то странно, он долго молчал, потом, словно нехотя, согласился увидеться на следующий день.

Георгий Никитич терялся в догадках — радушие и заинтересованность президента и Роберта перед его отъездом в Москву и какая-то холодность теперь. Что случилось за месяц его отсутствия в США?

Случилось то, о чем Большаков и подозревать не мог. На Кубу было поставлено оружие, бронетехника, войска, самолеты МиГ-21, Ил-28, но главное, ракеты средней дальности и ядерные боеголовки к ним.

Нет, Георгий Никитич, конечно, знал, что мы везем на Кубу оружие, но только оборонительного характера. Так сказал ему сам Никита Хрущев и просил это передать президенту США.

А когда при очередной встрече с Кеннеди Большаков поведал о разговоре в Пицунде с Хрущевым и Микояном, Роберт сделал лишь одно

уточнение. Он попросил повторить то место из послания, где говорилось, что Советский Союз направляет на Кубу оружие только оборонительного характера.

Большаков повторил. Кеннеди записал и тут же, вызвав секретаря, попросил напечатать записанные им слова.

Так они и расстались, необычайно сухо и даже как-то холодно. Перед уходом Большакова Роберт Кеннеди уточнил: в ближайшие дни он будет очень занят. Если нужно, свяжешься с секретарем.

Через много лет, вспоминая ту встречу, Большаков скажет: «Ни он, ни я тогда не знали, что увидимся только через три трагические недели».

Однако прежде чем наступили эти недели, у Большакова была еще одна встреча, на этот раз с человеком, близким к президенту, журналистом Чарлзом Бартлеттом. Они увиделись во время ланча в ресторане, который располагался на Лафайет-сквер, что напротив Белого дома.

Бартлетт попросил пересказать ему послание Никиты Хрущева Джону Кеннеди, которое он привез из СССР.

По сути, это была третья встреча за неделю после его приезда из Москвы. Сначала он пересказывал послание пресс-секретарю Пьеру Сэлинджеру, потом Роберту Кеннеди и теперь Чарлзу Бартлетту.

Журналист все тщательно записывал. После того как Большаков закончил, Бартлетт уточнил: «Это все?» — «Все», — ответил Георгий Никитич.

Было такое впечатление, что американцы не верили своим ушам, они ждали какого-то важного сообщения из Москвы, но Большаков, увы, повторял одно и то же.

Причину этих пристрастных «допросов» Георгий Никитич понял позже. И открыл ему глаза не резидент или кто-либо из советских дипломатов, а тот же американский журналист Чарлз Бартлетт.

Это были весьма неприятные минуты для Большакова. Впрочем, нечто подобное пережили и его коллеги, и советские дипломаты, и даже посол СССР в США. Все они оказались в идиотском положении — никто из них слыхом не слыхивал о размещении наших ядерных ракет на Кубе.

Однажды утром Большакову позвонил Бартлетт и пригласил заехать к нему в национальный пресс-клуб. Ничего не подозревающий Георгий Никитич поспешил на встречу.

В кабинете Бартлетт показал Большакову планшеты, на которых были размещены фотографии, сделанные с самолета-разведчика. Подписи говорили о том, что это места строительства советских ракетных баз на Кубе.

До этого в американских СМИ сообщалось о завозе ракет на Кубу, но Большаков, признаться, не верил подобным газетным уткам. Ведь ему совсем другое говорил сам Хрущев.

Большаков стал рассматривать снимки. Съемка производилась, судя по всему, практически каждый день, и на последних фотокарточках уже угадывались очертания ракетных установок.

— Что ты скажешь на это, Джорджи?

Что мог сказать Большаков? Он не был спецом по ракетной технике и никогда не видел подобных снимков. Так он и ответил Бартлетту.

— Я такой же специалист, как и ты! — вспыхнул Бартлетт. — Но Бобби просил показать тебе эти занимательные картинки.

Назавтра «картинки» были опубликованы в печати. На Совете Безопасности ООН представитель США Эдлай Стивенсон предъявил их в качестве доказательства ракетного присутствия СССР на Кубе.

В интервью с историком А. Фурсенко в 1989 году Большаков скажет, что «братья Кеннеди ему были по-человечески близки. Как ужасно, что Роберт мог подумать, что я, зная о ракетах, сознательно обманывал. Конечно, я не выкладывал ему абсолютно все, что знал, но это был такой огромный обман, что страшно подумать. Мне и тогда это было неприятно узнать, а теперь на старости лет особенно неприятно вспоминать».

Утешением может служить тот факт, что советник президента Кеннеди Соренсен позже утверждал: администрация не считала, что Большаков сознательно обманывал их. Они относились к Георгию Никитичу с полным доверием.

Однако вернемся к событиям тех трагических дней.

22 октября президент Джон Кеннеди в обращении к нации объявил об установлении США блокады Кубы.

На следующий день Советский Союз выступил с заявлением, в котором блокада Кубы, задержание и осмотр судов были названы «беспрецедентными и агрессивными действиями».

Москва предупреждала, что подобные действия могут привести к термоядерной войне и если агрессор начнет ее, то Советский Союз нанесет самый мощный ответный удар.

В США скупали продукты на случай войны — сухари, шоколад, консервы.

25 октября на радио передали условный сигнал атомной тревоги.

26 октября президент США приказал приступить к разработке операции по высадке американских войск с целью установления «гражданской власти» на Кубе. Однако Джон Кеннеди не дал команду, он

ждал ответа Никиты Хрущева.

Советское правительство предложило вывести с Кубы наше оружие в обмен на невмешательство в дела Кубы и сохранение суверенитета этой страны.

27 октября над Кубой сбит американский самолет-разведчик. Американские генералы предложили нанести удар по Кубе.

Напряжение нарастало. Опасность войны была крайне велика.

Роберт Кеннеди встретился с послом СССР Анатолием Добрыниным и передал, что кризис обостряется, на президента США оказывается сильное давление. Может начаться война. Президент не хочет столкновения. Но помимо его воли может случиться непоправимое.

В тот же день, после встречи с Добрыниным, Роберт Кеннеди позвонил Большакову и подъехал к его дому. Они говорили прямо в машине Кеннеди. Роберт повторил сказанное Добрынину и добавил, что президенту США «почти невозможно будет сдержать военных в ближайшие сутки, если не поступит позитивного ответа из Москвы...»

Слова Кеннеди были срочно переданы в столицу СССР.

28 октября ранним утром Большакову позвонил Бартлетт. Он сообщил, что московское радио открытым текстом передает послание Советского правительства президенту США Кеннеди о решении проблемы кубинского кризиса.

«Фактически к исходу этих тринадцати дней, — скажет потом Георгий Большаков, — мир заглянул в бездну ядерной катастрофы. И надо отдать должное и Хрущеву, и президенту Кеннеди за то, что у них обоих хватило политического мужества прийти к пониманию, что в кубинском кризисе не будет ни победителей, ни побежденных».

Правда, понадобилось еще три недели, чтобы поставить точку в крайне взрывоопасном кризисе. В эти дни между СССР и США шли тяжелые переговоры о выводе с Кубы теперь уже наших самолетов Ил-28.

Москва увязывала вывод бомбардировщиков с отменой карантина и прекращением полетов американских самолетов над Кубой.

Кеннеди отклонил требование советской стороны. Свою позицию он объяснил тем, что у правительства США нет других гарантий, что Кастро будет выполнять соглашение.

Шли долгие препирательства между Робертом Кеннеди и послом Советского Союза в США Анатолием Добрыниным. Кеннеди был уязвлен неуступчивостью советской стороны.

19 ноября на встрече с Большаковым Роберт Кеннеди отметил, что «обстановка вокруг Кубы вновь значительно обострилась из-за того, что

Кастро отдал приказ сбивать американские самолеты». Брат президента предложил скорее решить вопрос о выводе Ил-28 с Кубы.

В тот же день Большаков отправил телеграмму в Центр, в которой доложил о разговоре с Кеннеди и его настоятельных пожеланиях.

Ответ из Москвы в Вашингтоне ждали до 20 ноября. На этот день была назначена пресс-конференция президента США Джона Кеннеди.

Хрущев согласился. И пресс-конференцию руководителя США Большаков и Роберт Кеннеди уже смотрели вместе в кабинете министра юстиции. Роберт Кеннеди с удовлетворением говорил:

— Ну что, Джорджи, теперь все кончено. Теперь нам нужно поскорее забыть все происшедшее в эти тринадцать дней и начать, как предлагает президент, «с чистого листа», не озираясь на прошлое... Выиграли мы оба. Выиграл весь мир».

Откровенно говоря, Георгий Большаков не против был начать все «с чистого листа». Однако, как показала жизнь, сделать это не удалось. Прошлое не выпускало Георгия Никитича из своих цепких лап.

* * *

Ранее уже упоминалось, что американская и советская стороны всячески скрывали от общественности отношения Большакова с Робертом Кеннеди, а тут неожиданно 5 декабря журналисты Чарльз Бартлетт и Стюарт Олсоп опубликовали в газете «Сатердей ивнинг пост» сенсационную статью о секретной миссии Георгия Никитича. Причем это была статья не просто о конфиденциальном канале связи между руководителями двух крупнейших в мире стран, а о том, что Хрущев использовал Большакова в качестве дезинформатора якобы для введения в заблуждение Джона Кеннеди относительно размещения советских ракет на Кубе.

В этот же день влиятельная «Вашингтон пост» вышла со статьей все того же Олсопа, в которой автор еще подробнее рассказывал об особой миссии советского дипломата. Под броским заголовком «Советский план обмана» журналист повествовал о том, как американская администрация стала жертвой обмана, доверившись этой самой конфиденциальной связи. Здесь были приведены даже факты о встрече Большакова и Хрущева в Пицунде, о которых знал, по существу, только Роберт Кеннеди со слов Георгия Никитича.

До сих пор в этой истории больше вопросов, чем ответов. Разумеется,

первые подозрения падают на Роберта Кеннеди. Зачем он «сдал» Большакова прессе? Какая в том была необходимость?

Сам Роберт Кеннеди при встрече с Большаковым свое участие в этой истории отрицал. Он говорил, что появление статей стало для него самого полной неожиданностью.

Бытует мнение, и его поддерживают советники президента Джона Кеннеди — Теодор Соренсен и Артур Шлезингер-младший, что американская сторона «не предавала» Большакова, а Роберт Кеннеди ценил и любил Георгия Никитича. Он просто стал жертвой американских «акул пера». Слишком уж много журналистов знали о связях Роберта Кеннеди с Большаковым и особой миссии последнего. Рано или поздно подобная публикация должна была появиться. И она появилась. Правда, в ней почему-то так и не прозвучала фамилия самого Роберта Кеннеди.

Возможно, причина утечки конфиденциальной информации значительно глубже. Наивно полагать, что Роберт Кеннеди не знал, не ведал, сотрудником какого ведомства на самом деле является Большаков. А если бы это стало известно более широкому кругу, тем же «акулам пера», и Кеннеди обвинили в секретных связях с советской разведкой? Это уже скандал иного порядка. Поэтому, возможно, страхуясь, администрация президента заранее «выпустила пар», дала утечку о конфиденциальном канале связи. Да при этом руками журналистов еще заодно и обвинила советскую сторону в обмане.

Так или иначе, но после подобных публикаций судьба Большакова была решена. Теперь его не могли использовать ни как разведчика, ни как «секретного посла по особым поручениям». ГРУ приняло решение отозвать его на родину.

14 декабря во время прощальной встречи Роберт Кеннеди спросил, не повредят ли Большакову в его будущей карьере статьи, опубликованные в американской печати?

Что мог ответить на этот вопрос советский военный разведчик? Он лишь пошутил: «Без работы не останусь...» Хотя, откровенно говоря, собственное будущее не могло его не беспокоить.

Посол Анатолий Добрынин отправил министру обороны телеграмму, в которой высоко оценил миссию Большакова и просил трудоустроить Георгия Никитича. Маршал Родион Малиновский, в свою очередь, наложил резолюцию на телеграмме: «Претензий к тов. Большакову нет. Дать достойную работу».

Работу дали. Только вдалеке от разведки. В 1967 году его уволят из АПН, а потом и вообще из армии.

После того, как было принято решение о возвращении Большакова в Москву, в его честь торжественный прием устроил Чарльз Бартлетт. Так вот там Георгий Никитич произнес короткую шуточную речь.

«Мы пошли навстречу Соединенным Штатам и сделали довольно много уступок, — сказал Большаков. — Вы потребовали от нас вывести ракеты — мы их вывели. Вы потребовали от нас вывести бомбардировщики — мы это сделали. Вы, наконец, потребовали отозвать Большакова — меня отзывают. Но учтите — больше вам уступок не будет».

Присутствующие на приеме оценили изящную шутку Георгия Большакова. В журналистских кругах она была признана лучшей шуткой года.

После отъезда Большакова из США о нем много писали в американских СМИ, высоко оценивал его посредническую миссию Роберт Кеннеди. А в личном послании Джона Кеннеди Никите Хрущеву, датированном 14 декабря 1962 года, говорится: «Мы были рады возможности частного обмена мнениями через господина Большакова, и я огорчен, что он уезжает в Москву. Мы считаем, что он сделал очень много для улучшения связи и взаимопонимания между двумя нашими правительствами...»

Тюрьма в стране тюльпанов

Тот апрельский день в Амстердаме выдался на редкость весенним. Для голландцев он был обычным, будничным днем, а вот для генерального представителя компании «Аэрофлот» в Нидерландах Владимира Глухова — праздничным. Шесть лет назад 12 апреля полетел в космос советский человек Юрий Гагарин, первый землянин.

В эту великую победу нашей науки и техники внес свой вклад и он, Владимир Алексеевич Глухов. Во всяком случае, так было сказано в Указе Президиуме Верховного Совета СССР о награждении его орденом Красной Звезды по итогам первого полета человека в космос. Правда, на указе стоял гриф «секретно», и потому о нем не знали не только голландцы, но даже его коллеги, сотрудники представительства «Аэрофлота».

Так что праздник был скорее семейный. Вечером с женой они непременно бы его отметили, но пока на дворе стояло утро — солнечное, ясное, и Владимиру Глухову предстоял долгий, хлопотный рабочий день.

После завтрака Владимир Алексеевич уже собрался спуститься к машине и отправиться в представительство, да жена попросила зайти к молочнику. Лавка молочника находилась рядом с их домом, в пятнадцати шагах. Набросив на плечи плащ, Глухов вышел из дома.

На улице было тихо и дремотно. Генпредставитель вспомнил Москву. К этому часу столица уже гудит, как улей, бежит, спешит. А тут жизнь словно остановилась, замерла. Но это только кажется. Уж он-то знает старушку-Европу. В Голландии скоро без малого три года. Все здесь делается, крутится-вертится, правда, без родного ухарства, без извечной русской «эй, ухнем», однако не хуже нашего. А, признаться, зачастую и лучше. Размеренно, основательно, планоно. Что поделаешь, такие уж, видимо, у нас разные характеры: русский никогда не станет голландцем, голландец — русским.

Владимир Алексеевич отмерил привычных пятнадцать шагов, потянул дверь магазина и вдруг почувствовал: холодок, предвестник тревоги, пробежал по спине, между лопаток и утих где-то на затылке, в волосах.

Глухов знал этот холодок. Интуиция еще никогда не обманывала его. Он оглянулся уже на пороге. Нет, ничего необычного. Улица, залитая весенним солнцем, редкие прохожие, те же, что и каждый день, машины, припаркованные у обочины дороги. Разве что новый, незнакомый черный автомобиль с тонированными стеклами, замерший на полпути от дома до

лавки молочника. Глухов заметил его еще из окна своей квартиры. Да мало ли кто приехал и оставил автомобиль?

Он вошел в лавку, поприветствовал молочника, у которого каждое утро покупал творог и молоко, и только теперь понял причину своей тревоги. С другой стороны магазинчика, на улице, у витрины увидел высокого, крепкого, но очень напряженного мужчину, который всем своим видом старался казаться случайным прохожим, якобы поджидавшим своего опаздывающего товарища.

«Это слежка...» — мелькнула мысль.

Глухов купил молоко, яйца и вышел из магазина. Но не успел сделать нескольких шагов, как услышал за спиной быстрые шаги, сопение и кто-то крепко обхватил его сзади за руки и туловище.

Первая попытка освободиться не дала результатов. Молоко, яйца упали на тротуар, он почувствовал, как ему сгибают голову вниз.

«Ах, мать твою, — в душе взорвалось возмущение, и в следующую секунду он осознал: его грубо вяжут. Без предъявления обвинений, не представившись, не предъявив документов. — Да вы бандиты! А с бандитами говорят по-другому».

Первый ответный удар он нанес каблуком ботинка тому, кто обхватил его за туловище и руки. Хороший получился удар. «Смачный», — как сказали бы на Украине, где он учился в военном авиационном техническом училище. Башмак был новый, качественный, голландский, каблук крепкий, острый, как нож. Он вошел в плоть ноги нападавшего, разрубив ее до кости. Словом, приложился от души. Голландец взвыл, как дикий зверь, и отпустил захват.

Однако освободиться генпредставителю не дали, навалился один, другой, третий. Потом оказалось, в его аресте участвовали одиннадцать голландских контрразведчиков.

Глухов ударом в челюсть свалил одного. Хрустнула коленная чашечка у другого, и тот с перекошенной от боли физиономией отполз на обочину дороги. Но Владимира Алексеевича уже мутузили со всех сторон. Разорван плащ, и он валялся на асфальте, брызнули дождем оторванные пуговицы с пиджака, последней сорвали рубашку.

Владимир Алексеевич остался по пояс голый. Нападавшие заломили правую руку и пытались надеть наручник, второй — на запястье контрразведчика. Только вот хиловат оказался голландский «контрик» супротив Глухова. Раскрутил он «контрика» вокруг себя, да так — что тот едва удержался на ногах. Однако силы были неравные. Они все-таки теснили Владимира Алексеевича к машине.

В это время испуганная жена молочника бросилась в дом Глуховых сообщить, что какие-то неизвестные люди напали на хозяина.

Мария Михайловна, не задумываясь, выскочила защищать мужа. Она прыгнула на спину одному из «контриков» так, что у того пиджак слетел через голову. Ее тут же схватили несколько человек, один стал душить за горло, прижал лицом к капоту машины.

С тех пор прошло сорок лет, но этот момент Владимир Алексеевич не может вспоминать без слез. Однажды в разговоре он скажет мне: «Стоит эта картина до сих пор перед глазами. Мне очень жалко стало ее тогда. Как бесчеловечно повели они себя с женщиной».

Злость подкатила к горлу. Сколько хватило сил, Глухов отбивался от нападающих «контриков», однако его затолкнули в машину. Автомобиль рванул с места. Последнее, что увидел Владимир Алексеевич, — жену, неподвижно лежащую на тротуаре.

Контрразведчики держали его за руки, за горло, были свободны только ноги. В молодости Глухов много и успешно занимался лыжным спортом, ноги у него тренированные, сильные. Приходили мысли одним ударом ног выбить руль из рук водителя. Но это была бы явная смерть. Скорость, с которой летел автомобиль, — 140 км/час, да еще голландская дорога, по которой ехали, шла по возвышенности. С обеих сторон овраги метров восемь-десять.

Решил пока не делать этого. Опять же в горячке драки времени подумать не было, но теперь, слегка отдышавшись, задался вопросами: «Где прокололся? Что они имеют на меня?»

Ответ, как говорится, отрицательный. Но тогда жгло другое, которое вовсе нечем крыть! «Просто так не арестовывают. Да еще нагло, по-хамски, бандитскими методами. Нет, чтобы вести себя так, голландским «контрикам» нужны основания. Но какие у них основания? Значит, что-то есть. Но что, что?..»

В этот момент он мог успокоить себя только одним: «Потерпи еще немного, Володя. Основания, надо думать, тебе скоро предьявят».

Голландия — страна маленькая, минут сорок в дороге, и перед ними распахнулись ворота тюрьмы. «Контрики» вытащили Глухова из машины. Судя по всему, там, на улице, они явно были не готовы к такому яростному его сопротивлению. Первым делом стали осматривать свои раны. А посмотреть было на что — разрубленные голени, лиловые в подтеках колени, синяки под глазами, порванная одежда.

Пожалев себя, контрразведчики принялись за арестованного. Его подвесили за руки на высокую скобу в стене, почитай, на средневековую

дыбу, раздели, сняли брюки. Откровенно говоря, Глухов подумал тогда: «Сейчас вломят за все синяки и раны».

Однако, тщательно обыскав, бить не стали. И только теперь предъявили ордер на задержание, в котором указывалось, что он, Глухов Владимир Алексеевич, обвиняется в шпионаже против Голландии.

Потом сняли с дыбы и отвели в камеру-одиночку.

За спиной захлопнулась дверь, и Глухов вдруг почувствовал, как страшно устал за это утро. На грудь давила непомерная тяжесть, мешала дышать, он прислонился в стене, медленно осел на пол. Мысли путались, пытался остановить дрожь в теле, не получалось.

«Шпионаж...» — стучали в висках слова переводчика, зачитывающего текст ордера. «Государственный преступник...» Надо было успокоиться, взять себя в руки. Но не хватало сил подняться с пола.

«Провал. Ясно было, что это провал. Но где он ошибся, где прокололся? Почему не почувствовал слезки? Время от времени наружка, конечно, повисала на хвосте. Но все как обычно, в пределах нормы. Ни ажиотажа, ни усиления интереса к себе не заметил.

В том-то и дело, что не заметил. Но это совсем не значит, что ее не было».

Он устало прикрыл ладонью глаза. Свет в камере был такой яркий, что пробивался сквозь ладонь, проникая под закрытые веки, словно пытался выжечь яблоки глаз.

«Что ж, неплохой метод психологического давления. Держись Володя, — усмехнулся он про себя, — сколько подобных сюрпризов тебе еще уготовано».

Глухов поднялся с пола, подошел к столу, машинально подвинул к себе табурет. Рука ощутила непонятную тяжесть. Пригляделся. Ай да голландцы... Ай да засранцы. Табурет был сколочен из кривых, неструганных досок, сбит кое-как, сидеть на нем, видать, жестко и неудобно. Только ведь нас неструганными досками не удивишь, господа.

Владимир Алексеевич опустил на табурет, если его можно было таковым назвать, и вновь попытался вернуться к анализу своей работы, особенно в последние месяцы.

Анализа не получалось. В голову лезли какие-то посторонние мысли. То вдруг всплывало из небытия лицо районного военкома из родного городка Александровска, что в Пермском крае. Он устало, по-отцовски глядел на девятиклассника Вовку Глухова и охрипшим голосом давил из себя слова: «Ты, парень, не спеши, заканчивай школу. Война только началась, и на твою долю хватит». Или ни с того ни с сего в ушах звучал

голос диктора с давних лыжных окружных соревнований: «Команда номер тридцать девять закончила третий этап». А следом — хохот его друзей-офицеров по лыжной сборной Харьковского военного авиационного технического училища. Они уже финишировали, а кто-то в судейской коллегии решил, что прошли только очередной этап. Настолько далеко позади оставили своих соперников.

Он давно уже забыл военкома из сорок первого года, лыжные гонки сорок восьмого и много лет не вспоминал их. А тут, поди ж ты, то ли от душевного потрясения, то ли еще от чего-то полезло из всех углов памяти. Не вовремя, не к месту.

Владимир Алексеевич опять возвращал себя к работе, но вспомнилась почему-то жена. Однако теперь он вряд ли мог пожаловаться, что воспоминание не по теме. Очень даже по теме.

Было это в 1955 году. Училище он окончил в 1954-м и попал служить в 43-й истребительный полк, что в Прибалтийском военном округе. И жена, доселе молчавшая, рассказала однажды случай, над которым он потом долго смеялся. Как теперь оказалось, зря.

Ей, тогда еще совсем молоденькой студентке, за всю стипендию в целых 30 рублей цыганка нагадала, что выйдет она замуж за красавца-военного, блондина, но жизнь у нее окажется непростой: много переездов, испытаний, а мужу будет грозить тюрьма на пять долгих лет.

Владимир Алексеевич тогда часто подшучивал над женой, мол, выманила цыганка всю «степуху», а теперь вон как обернулось. Правду, выходит, нагадала: и про блондина, и про военного, и про долгие дороги-переезды, не было до сих пор только тюрьмы. А теперь и тюрьма сбылась.

Глухов зябко повел плечами, встал, постучал в дверь камеры. Долго не открывали, потом дверь распахнулась. На пороге стоял тюремный чиновник в мундире, рядом — второй в штатском. Он оказался переводчиком.

— Я генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии. Я протестую. Требую пригласить посла Советского Союза или консула, — сказал Глухов.

Тюремный чиновник в ответ только отрицательно покачал головой и бросил несколько слов.

— Мы к вам никого не допустим, — услышал он слова переводчика.

— Дайте мне бумагу и ручку. Я напишу письмо послу и протест королеве в знак нарушения моих прав, избиения и незаконного задержания.

— Господин Глухов, вы являетесь государственным преступником и потому вас арестовали.

Тюремщик повернулся и вышел из камеры. Следом за ним за порог шагнул переводчик.

Однако минут через пятнадцать надсмотрщик принес в камеру допотопную чернильницу, ручку и бумагу.

Глухов написал письмо на имя посла о том, что без предъявления постановления схвачен, избит и насильственно доставлен в тюрьму.

* * *

Письмо унесли, и вновь наступила тишина. Однако она продлилась недолго. Лязгнули запоры, и тюремщик махнул рукой: «Выходите!»

Его повели длинным коридором — камеры слева, камеры справа. В конце коридора — комната, тюремная каптерка. На полках арестантская, полосатая одежда.

— Переодевайтесь, — скомандовали.

Владимир Алексеевич оглядел себя с ног до головы. Видок у него был не очень. Грязные, помятые брюки, разорванная рубашка в кровавых подтеках. Что говорить, для генпредставителя советской компании вид далеко не презентабельный. Пусть так, решил Глухов, но я не преступник и полосатую одежду не надену.

— Нет, — ответил он, — разве что на мертвого на меня натянете.

Но тюремщики были настроены решительно, тут же бросились на него, пытаясь переодеть силой. То ли они не разглядели ран и синяков своих коллег из контрразведки, то ли родные тюремные стены вселяли в них уверенность. Правда, уже первый, самый шустрый получил удар такой силы, что отлетел к противоположной двери, остальные остановились в нерешительности.

Обстановку разрядил начальник тюрьмы. Он бежал по коридору и орал благим матом, чтобы русского оставили в покое и в его же одежде.

Глухова вновь провели коридором и впихнули в камеру. Этот непредсказуемый «рашен» начинал их порядком раздражать.

Опять залитая ярким, слепящим светом камера, табурет и кровать из неструганных досок, все те же вопросы, на которые у него не было ответов.

Но в этот раз ему размышлять наедине пришлось недолго. Опять лязгнул ключ в двери, и на пороге вырос тюремщик.

«Пошли», — махнул он головой.

«Вот теперь, судя по всему, на допрос», — догадался Глухов. Он не ошибся. В комнате, куда его привели, полукругом сидели пять человек.

Владимир Алексеевич узнал только одного, переводчика, другие были ему незнакомы.

Первым заговорил сидящий в центре сухощавый, слегка сутулый мужчина. Лицо у него было вытянутое, худое, щеки впалые.

Глухов усмехнулся про себя: «Что ж, они следователей не кормят? А ведь благополучная вполне страна».

Он глядел на «сухощавого» и не мог освободиться от мысли, что где-то видел уже этого человека. Только где?

— На каком языке будете отвечать на вопросы следователей? — долетел до него голос переводчика. — Вы поняли вопрос, господин Глухов?

— Понял. На родном, русском языке, разумеется...

— Ваша фамилия, имя, должность. Чем занимаетесь в Голландии?

Теперь уже спрашивал следователь слева, молодой черноволосый мужчина, совсем юноша, больше похожий на итальянца, чем на голландца.

— Глухов Владимир Алексеевич. Генеральный представитель компании «Аэрофлот» в Голландии...

Когда закончились анкетные вопросы, со стула справа встал третий следователь. Он поднес к лицу Глухова фотографию.

— Вы знаете этого человека?

С фото на него смотрел улыбающийся Джек.

— Да я знаком с ним, это Джек Лоджин, специалист по авиации.

— А откуда вы его знаете?

— Думаю, вам известно, господа, что я тоже имею некоторое отношение к авиации.

— Конкретнее... Где вы с ним познакомились?

— Он консультировал меня и мою компанию по вопросу строительства высоковольтных линий электропередачи с помощью вертолетов.

Следователи угрюмо глядели на арестанта.

— Это просто проверить. По этому поводу **мы проводили большую работу, кстати говоря, взаимовыгодную, как для моей страны, так и для Голландии.**

«Сухощавый» криво усмехнулся.

— **В частности, с господином Клейбом я летал в Москву, где как раз и обсуждался этот вопрос.**

— **Прекратите, — визгливо прервал Глухова черноволосый юноша слева, — вы не сотрудничали, вы вербовали Джека Лоджина, склоняли его к измене родине.**

— Ну если так, — как можно спокойнее ответил Владимир Алексеевич, — то я отказываюсь с вами говорить. Вы получили мои протесты? Получили. Значит, я буду отвечать на вопросы только в присутствии консула или адвоката, назначенного советской стороной.

Глухов видел, как «сухощавый» метнул огненный взгляд в сторону несдержанного молодого коллеги.

Теперь они все вместе, с разных сторон старались задавать разные вопросы, чтобы разговорить его, но Глухов молчал. Прошло десять минут, пятнадцать, полчаса. Владимир Алексеевич не произнес ни слова. «Сухощавый» разочарованно махнул рукой и скомандовал:

— Уведите!..

В камере Глухов прилег на деревянный настил кровати. Теперь, по крайней мере, хоть кое-что прояснилось: судя по всему, они взяли Лоджина.

Ну что ж, Джек знает как себя вести. Лоджин, Лоджин... Он вспомнил их первую встречу. Для Джека она и вправду была первой, а вот для Глухова только этапной. Владимир Алексеевич долго изучал этого человека. Крупный специалист в авиации, владелец аэроклуба, эксперт нескольких крупных компаний. Как подступиться к нему? Представить их друг другу было некому, и тогда он, взвесив все «за» и «против», решил действовать напрямую. В конце концов, могли они встретиться как коллеги, люди, увлеченные небом и самолетами. Тем более что Владимир Алексеевич решил представиться исследователем, который писал диссертацию по проблемам усталости самолетов. Это была, конечно, легенда. Никакой диссертации он не писал, хотя этой темой занимался давно и мог вполне компетентно вести беседу со специалистом любого уровня.

В ходе изучения Лоджина Глухов выяснил, что у Джека большая научная библиотека. Это было тоже кстати. Он и решил попросить воспользоваться некоторой литературой.

Первая поездка была неудачной, секретарь Джека сказала, что босс придет домой часа через два-три. Пришлось заехать попозже. На этот раз хозяин оказался дома. Он вышел к гостю, приветливо улыбаясь, поздоровался, пригласил присесть.

Глухов представился. Лоджин немало удивился нежданному гостю.

— Откуда вы узнали обо мне?

— Ну что вы, господин Лоджин, — теперь расплываться в улыбке и раскатываться в комплиментах пришло время Глухову, — вы известный в стране человек. Многие мои знакомые рекомендовали

вас. Мне очень близки ваши научные исследования. Я, как и вы, давно занимаюсь проблемой усталости самолетов, работаю над диссертацией.

— О! — произнес Джек, и в его глазах вспыхнули искорки. — Это серьезная тема, мистер Глухов.

Владимир Алексеевич все рассчитал точно. Лоджин как ученый и специалист не мог не откликнуться на призыв коллеги из Советского Союза. Он пообещал помочь материалами, литературой. Тем более что его фирма официально занималась консультированием авиационных специалистов. Разумеется, не бесплатно.

Глухов уточнил, что готов платить наличными. «Можно, конечно, и через банк, на счет вашей фирмы, — улыбнулся он, — но я же понимаю, налоги...»

Лоджин ответил кивком головы, мол, правильно понимаете, и добавил: «Лучше наличными».

Перед расставанием Джек извинился и сказал:

— Мистер Глухов, у нас тут отношение к русским не самое теплое, так что лучше заранее назначать встречи, а секретаршу я буду отсылать.

Это была маленькая победа. Лоджин уже понимал конспиративность встреч, а главное, согласился на оплату. Правда, неясно пока, за что платить и какие материалы он предложит. Но не стоило торопить события. Важно, что первый шаг по установлению личных контактов сделан. И его можно оценить как успешный.

Владимир Алексеевич вспомнил фотографию Лоджина в руках следователя и с тревогой подумал, что Джек, возможно, сидит в подобной камере, и его так же допрашивают следователи. Но легенду он расскажет ту же. Да, с генпредставителем «Аэрофлота» знаком, работали над проблемой совместного строительства высоковольтной линии в Голландии с помощью тяжелых советских вертолетов. Тем более что в СССР к тому времени был накоплен серьезный опыт по возведению ЛЭП таким способом.

Легенда железная, к тому же такие переговоры между нашими и голландцами действительно велись, и в них активное участие принимал он, Владимир Глухов. «Так что хрен они меня расколют».

Болели бока от настила из неструганных, горбатых досок, но усталость, нервное напряжение делали свое дело. Он проваливался в тяжелую дремоту, и рядом с ним вновь появлялись следователи, и один из них сердито совал ему в лицо фото Джека, опять по коридору бежал начальник тюрьмы и махал руками, а жена, его бедная жена, лежала

неподвижно на асфальте.

Он испуганно просыпался. Холодный липкий пот покрывал лоб, тюремный свет, словно локатор, резал глаза.

Владимир Алексеевич тяжело ворочался и вновь проваливался в бездну тревожного, нервного сна.

* * *

Утром к нему приехал советский консул. О чем они могли говорить под прицелом микрофонов прослушек? Только общие фразы.

— Как чувствуете себя, Владимир Алексеевич? — спрашивал консул.

— Да хреново, откровенно говоря. Видите, какие тут условия, — отвечал он, взглядом окидывая камеру. — Давление подскочило. Но я написал протесты.

— Мы тоже, через МИД послали запрос. Так что держитесь, Владимир Алексеевич, — напутствовал консул.

А что ему оставалось, кроме как держаться и бороться.

После ухода консула, Глухова опять потащили на допрос. Опять тот же круг, те же физиономии, «сухощавый», как прозвал он старшего, «итальянец» — молодой, чернявый, и просто «третий и четвертый».

Начал «сухощавый». Прошамкал что-то неразборчиво провалами щек.

— Ваши требования выполнены, консул посетил вас, мистер Глухов, теперь вы будете говорить?

— Спрашивайте...

— Вернемся к вашим отношениям с Джеком Лоджином...

— Да я, пожалуй, все сказал в прошлый раз. Ах, нет, забыл добавить, что за плодотворную совместную работу в знак благодарности я подарил ему бутылку коньяка. Хорошего коньяка.

— А вы что-то рассказывали об установке электрических мачт в Голландии?

«Н-да», — подумал про себя Глухов, глядя в лицо следователя, — зря ты меня спросил об этом. Я сейчас прочитаю такую лекцию, что у вас, ребята, мозги вскипят, назову столько голландцев, что вы задолбаетесь, пыль глотая проверять их всех. А все они знают меня и подтвердят сказанное».

— Итак, господа, энергетиками вашей страны разработан проект возведения высоковольтной линии электропередачи через всю страну с юга на север. Но поскольку местность у вас пересеченная, лучше всего для

проведения этих работ использовать тяжелые вертолеты. Такие вертолеты есть в нашей стране, и мы уже не один год с их помощью устанавливаем мачты электропередачи, например в горах, на сильно пересеченной местности.

Голландские энергетики заинтересовались советским опытом. По этому вопросу я встречался со следующими голландскими специалистами...

И он стал перечислять голландцев, с кем общался, был хорошо знаком или просто запомнил их имена и фамилии на каких-либо встречах. Получился внушительный список.

Следователи слушали Глухова с кислыми физиономиями. Они хотели услышать совсем другое. А Владимир Алексеевич рассказывал, как возил в Советский Союз голландца из Маастрихта, представлял его министру гражданской авиации СССР.

По ходу вспомнилось, как в аэропорту Шереметьево угостил голландца коньяком. По-русски угостил. Разлил бутылку на двоих по стаканам, сказал небольшой тост за дружбу и сотрудничество Советского Союза и Голландии, выпил. Глядя на него удивленными глазами, «хлопнул» свою долю и голландец. Только слабаком он оказался. В Ленинграде, почитай, выносить его пришлось из самолета.

Однако про слабака-голландца ничего не сказал следователям Глухов. А вот о полете в Ленинград доложил подробно и в деталях.

«Сухощавый» во время его лекции все поглядывал на часы. То ли знак хотел подать Владимиру Алексеевичу, чтобы заканчивал, то ли спешил куда-то. Часы у Глухова отобрали при аресте, но, по его ощущениям, говорил он не меньше часа.

— Мистер Глухов, — нетерпеливо прервал его «итальянец», — давайте вернемся к делу. Как вы завербовали Джека Лоджина?

— А я вам битый час рассказываю о деле.

И он обратился к переводчику.

— Может, они не поняли, что я сказал? Вы переводили?

— Да переводил.

— На какой язык?

— На голландский.

— А они знают голландский язык?

Переводчик растерянно оглядел следователей и пересказал им диалог.

«Сухощавый» побагровел.

— Отвечайте, Глухов, на заданный вопрос. Напоминаю, вы государственный преступник, обвиняетесь в шпионаже против Голландии.

— А меня уже осудил голландский суд?

— Пока нет.

— Ну вот, а вы меня уж записали в государственные преступники, господу следователи. Я протестую против произвола голландских властей и объявляю голодовку. Говорить отказываюсь.

В этот день на допрос его больше не вызывали.

* * *

Утром он отказался от завтрака, хотя зверски хотел есть. Чтобы заглушить голод решил побить любимую чечетку.

Вообще, попав в тюрьму, в первый же день он поставил себе цель — бороться до конца. Тут сомнений не было. И все же, все же... Откуда-то неожиданно, помимо его воли, возникла та самая цыганка, которую он никогда не видел, а знал только по рассказу жены. Цыганка шептала на ухо про пять лет тюрьмы, и Владимир Алексеевич ловил себя на вопросе: что он будет делать здесь, в этих четырех стенах, все пять лет?

Полезли в голову обрывки из прочитанных некогда книг про то, как в тюрьме сидел Ленин, как он занимался физическими упражнениями. Ну, упражнения само собой, а вот чечетка?.. Надо попробовать...

Он увлекался танцами давно, а примерно год назад решил освоить чечетку. Времени там, на свободе, на ее освоение откровенно говоря, оставалось немного. А тут бей хоть с утра до вечера, с перерывами на допросы.

Он стучал ботинками по бетонному полу камеры, а в голове, словно заезженная пластинка, крутился вопрос: «Что дальше?» Судя по всему, ни черта у «контриков» не было на него. Подозрывать подозревали, вот и схватили, авось расколом.

Расколоть не удалось. И не удастся.

Чечетка на голодный желудок шла плохо. Подкатывала тошнота, колотилось сердце. Он опустился на кровать. Скоро должны были прийти тюремщики и увести его на допрос. Что-то они сегодня придумают, какую гадость?

Однако ничего нового следователи придумать не смогли. Шли обычные вопросы про того же Лоджина, про вербовку...

Владимир Алексеевич все смотрел на «сухощавого» и пытался вспомнить, где он мог его видеть. На приеме в советском посольстве? Нет. Откуда там быть «сухощавому»? На встрече в министерстве транспорта?

Ха, сам улыбнулся собственной неудачной шутке. Что там делать следователю-«контрику»? Выходит, негде им было пересечься. Тогда откуда такое чувство, якобы виделись, встречались. Наверное, ошибся... Но он редко ошибался — порукой тому свойство памяти — схватывать лица намертво.

И вдруг его осенило: «Старшина!.. Это же вылитый старшина Глущенко! Ну как же он мог забыть? Надень на «сухощавого» выцветшую, фронтовую гимнастерку — и, что называется, одно лицо.

Да уж, если бы не старшина Глущенко, неизвестно, когда бы он попал на фронт. Может, так и отсиживался бы в запасной учебной эскадрилье. Не ожидал он тогда, что угодит в тыл. В девятом-то классе районный военком его отправил домой, а через год, в 1942-м, вспомнил, направил на авиационно-технические курсы усовершенствования имени К. Ворошилова. Назывались они ленинградскими, хотя квартировали под Магнитогорском в землянках. Сюда из города на Неве была эвакуирована авиационная техника, построены цеха. Тут и занимались курсанты, осваивали профессию авиационного техника.

Учился он хорошо, курсы окончил с отличием, думал, по окончании направят на фронт как лучшего, но просчитался. Направили в далекий тыл, в Подмоскowie, на станцию Соколовская, в запасную эскадрилью.

Он не смирился. Пригляделся. Разобрался в обстановке. Оказывается, самолеты с 30-го авиационного завода, где их производили, перегоняли к ним. Здесь делали облет часов по 5–6, доводили, последние штрихи, что называется, накладывали — и на фронт. Вместе с летчиками, забиравшими самолеты, улетали на фронт и их ребята, техники.

Рассчитывал и он улететь, да не тут-то было. Отодвигали почему-то его. Ну, набрался смелости и пошел к инженеру отряда Осинцеву. Доложил — старший сержант Глухов. На фронт хочу, а меня не посылают.

Инженер отряда, не моргнув глазом, ответил: «Правильно делают. Это я приказал. Нам, Глухов, и самим такие люди нужны. Молодые, грамотные. Понял?»

Понял. Чего ж тут неясного. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись.

Однако судьба, видать, тоже была не согласна с таким распределением ролей. Вскоре она дала шанс Владимиру.

А случилось это так. Сослуживец Глухова, тоже авиационный техник, Малышев отправлялся на фронт. Его уже зачислили в боевую группу, и он уехал домой, чтобы попрощаться с родителями. Ехать было недалеко, но, поди ж ты, случилась неприятность — его задержала военная комендатура

и укатала на гауптвахту.

Словом, время к отъезду, а Малышева нет. Глухов почувствовал, что скоро будут искать замену, и напрямик рванул к старшине Глущенко, мол, включите меня в группу. Старшина надул впалые щеки и спросил: «А что я буду иметь?»

К счастью, Владимир Алексеевич собрал из своей скромной 40-рублевой зарплаты техника целую тысячу, да еще ремень кожаный, командирский, подаренный братом, в нагрузку выложил.

Глущенко согласился. Повезло Глухову еще и потому, что в этот день инженер отряда находился в отъезде. В общем, быстро оформили документы, и в составе боевой группы он убыл на фронт.

Весной 1944-го года техник Владимир Глухов уже находился в составе 567-го штурмового авиационного полка, который располагался тогда в Полтавской области, недалеко от знаменитого гоголевского Миргорода.

* * *

Владимир Алексеевич еще раз оглядел «сухощавого». Что тут скажешь, похож...

— Вы слышите, мистер Глухов, — откуда-то словно издалека долетел до него голос переводчика, — вам ясен вопрос?

— Вопрос ясен, но отвечать я на него не стану.

На этом закончился очередной допрос.

А ночью ему приснился Леня Шпончиков, его фронтовой командир звена. Он что-то говорил Глухову, но Владимир Алексеевич никак не мог разобрать слов. Мешал шум, то ли от винтов самолета, то ли от артиллерийской канонады. И тогда Шпончиков указал ему на место стрелка. Глухов, наконец, понял: комэска брал его с собой в полет. О, какое это было счастье!

Владимир долго уговаривал лейтенанта, не раз представлял себе, как ловит он в прицел пулемета ненавистного фашиста, нажимает на гашетки, и огненные пунктиры достают вражеский самолет, тот начинает дымить, кренится и сваливается в штопор. И горит, горит, уходя к земле.

Однако мечты его никак не могли осуществиться. Комэска Шпончиков был непреклонен, он наотрез отказывался взять с собой в боевой полет техника старшего сержанта Глухова.

Откровенно говоря, Владимир, случалось, терял надежду на осуществление мечты. И вот неожиданно Шпончиков смиростивился и

теперь кричал ему на ухо.

— Володя, давай, шустрее, занимай место стрелка.

Глухов почти не помнит, как они взлетели, прошли низко над землей. Его еще поразило: там, внизу разбитые дома, горящие кварталы города. Такое впечатление, что горело все вокруг.

Самолеты поднялись выше, и он сразу увидел немецких стервятников. Тройка «мессеров» заходила со стороны солнца. Судя по всему, фашисты уже разглядели советские «илы» и теперь готовились к атаке.

Глухов приготовился к стрельбе, выцелил крайний левый «мессер», и тут их самолет словно стал падать в яму. Глубокую, отвесную. Это потом, позже, Владимир понял, что комэска Шпончиков тоже увидел вражеские истребители и бросил самолет в пике. Но это было потом. А в первую секунду Глухова резко приподняло и швырнуло вниз, он опустил на парашютную лямку, на которой сидел, но та не выдержала веса и лопнула. Владимир падая ухватился за гашетку пулемета и дал длинную очередь.

Немецкий истребитель пролетел над ними целым-невредимым, а когда они вышли из пике, Глухов увидел, что сам, из своего же пулемета «рубанул» по собственному хвосту. Пули попали в противовес, перебили передний лонжерон, трос поворота. Тут уж не до боя, вернуться бы домой.

Комэска Шпончиков спрашивает: «Володя, ты живой?» Живой-то он живой, но от такого позора готов сквозь землю провалиться. Хотя до земли было далеко, и с такими повреждениями на нее еще надо сесть.

Три раза комэска Шпончиков заходил на посадку. Дважды неудачно, на третий раз с трудом приземлился.

Встревоженный командир полка примчался к ним на полutorке:

— Что случилось, ребята?

Шпончиков выпрыгнул из кабины, спустился на землю, осмотрел хвост:

— Вот сукин сын, фашист, засадил нам...

В это время техник Глухов, сгорая от стыда, говорит сверху, из кабины стрелка.

— Леонид, да это я сукин сын. По своему хвосту засадил.

А комполка, слушая диалог пилота и горе-стрелка, только головой покачивает да ладонью подзывает к себе Глухова, чтобы сказать ему пару ласковых слов.

Но, как говорится, не бывает худа без добра. Техник Глухов потом трое суток не вылезал из-под самолета, а командир полка приказал усилить ту самую лямку, что оборвалась под Владимиром. И стрелки больше не падали в кабине и по собственным хвостам не били.

Таков был его первый и... последний вылет. Он помог понять молодому технику свое истинное место в боевом строю.

Старший сержант, а потом и старшина авиационно-технической службы Владимир Глухов участвовал во взятии Варшавы, а позже Берлина. День Победы встретил в 30 километрах от столицы Германии, в местечке Бухгольц. Оттуда их 567-й штурмовой Берлинский авиационный полк наносил удары по врагу.

* * *

Его фронтовые воспоминания испуганно отлетели вместе с отвратительным лязгом тюремных запоров. Он открыл глаза. Вошел тюремщик с подносом в руках и поставил перед ним на стол завтрак.

Но Владимир Алексеевич к еде не собирался притрагиваться.

Он поднялся, умылся, присел к столу. «Что сегодня в меню у голландской контрразведки? Допрос? Ну что ж, к допросу мы готовы...»

Следователи не заставили себя долго ждать. Позвали. Усадили напротив. Опять посыпались дежурные вопросы о том, как он склонял к измене Лоджина.

Казалось, ничего нового — те же лица, те же вопросы. Но что-то изменилось. Что? Владимир Алексеевич заметил: следователи нервничали. Нервозность чувствовалась во всем — в поведении, в тональности речи. Куда-то исчезли учтивость и интеллигентность, вальяжный тон хозяев сменился раздражением, резкими, требовательными выкриками.

Потом, после освобождения, уже на родине, он узнает причины нервозности следователей — прокурор торопил контрразведчиков.

Арест генерального представителя «Аэрофлота» стал достоянием общественности, сообщения появились на первых полосах голландских газет. День проходил за днем, а власти не могли представить доказательств шпионской деятельности Владимира Глухова. Подозрения имелись, а вот фактов не было. Надеялись, что факты выбьют в тюрьме. Не получилось. И потому прокуратура настаивала — либо подтверждение, расследование и суд, либо свобода Глухову.

Но свободу давать не хотелось. Это же удар по имиджу спецслужбы. Во что бы то ни стало надо выбить признание у арестанта.

И тогда следователи пустились во все тяжкие. Они заявили Владимиру Алексеевичу, что сопротивление бесполезно, он изобличен как советский шпион.

— Это откуда такие данные?

— Ваша жена изобличила вас, — заметил «сухощавый» и торжествующе объявил, — она и ваш ребенок находятся в наших руках.

Он пристально смотрел в лицо Глухова. Ждал реакции, испуга. Однако ни один мускул не дрогнул на лице Владимира Алексеевича.

— В то, что вы взяли в заложники мою жену и ребенка, верю. Вы меня избили и затолкнули в машину, не предъявив никаких документов, а уж с бедной женщиной и маленьким ребенком точно справились. Но вот то, что она сказала якобы, что я шпион, — ложь. Грязная ложь.

Это были его последние слова. Глухова вновь препроводили в камеру. А в камере?.. Полная свобода в четырех стенах. Делать нечего. Бить степ уже нет сил. Зато вспоминать никто не мешает.

...После победного мая 1945 года их полк перевели на север Германии — в Витшток. А вскоре в штаб полка пришла телеграмма — направить на учебу в Харьковское авиационное техническое училище одного человека.

Жребий пал на него. Владимир согласился. Хотелось учиться, ведь что у него за плечами — десятилетка да курсы усовершенствования. А тут военное училище. В июле 1945-го он уже был в Харькове, надел курсантскую форму. Занимался старательно, исполнял обязанность замкомвзвода.

Хорошо бегал на лыжах, стал чемпионом училища, потом и на городских соревнованиях занял первое место.

После окончания обучения ему присвоили звание лейтенанта и оставили в родном училище. Через два года училище преобразовали в высшее инженерное авиационное, и он вновь стал слушателем. Спорт не забросил: завоевал титул чемпиона округа, потом Украины по лыжным гонкам, успешно участвовал в первенстве Вооруженных Сил.

В 1954 году — выпуск. На мандатной комиссии ему объявляют: «Товарищ капитан, вы назначаетесь начальником ТЭЧ в истребительный полк на Сахалин».

Он пытался было сказать, что у него как у отличника право выбора, но его тут же осадили — приказ главкома ВВС не обсуждается.

Ехать на Сахалин не особо хотелось, но что поделаешь. Погрустили с женой да и стали собирать чемоданы. Однако через день его вновь вызывали в училище к начальнику курса.

«Произошла ошибка, — говорят, — это ваш однофамилец едет на Сахалин, а вы в Ригу, старшим инженером авиаполка».

Так он попал в 43-й авиационный полк, отслужил там два года, был повышен в должности, назначен заместителем командира по инженерно-

авиационной службе. Но судьба вновь сделала резкий поворот.

После беседы с представителем из Москвы (хотя никто не знал, откуда эти представители) ему сказали:

— Вы подходите для обучения в Военно-дипломатической академии.

Глухов снова стал студентом. Теперь его учили совсем другому — разведке.

В 1959 году он окончил академию и был назначен в Лондон. Официально его должность именовалась так: старший инженер торгового представительства СССР в Великобритании.

Владимир Алексеевич прошел двухмесячную подготовку в Министерстве внешней торговли и уже в ноябре вместе с семьей убыл в Лондон. По приезду попал, что называется, в среду людей гражданских. Коллегами по торгпредству были в основном инженеры, окончившие институты, Академию внешней торговли.

Сам он, если спрашивали, говорил, что окончил Харьковский авиационный институт, работал в промышленности. И вот оттуда его и выдвинули в зарубежную командировку. А язык? Язык любил давно, еще со школы, совершенствовал сам, занимался на курсах. Такова была легенда.

Торгпредской работе отдавался полностью, трудился на совесть. Понимал: важно, чтобы, в первую очередь, в легенду поверили свои, тогда и контрразведка поверит. Так он стал своим среди своих, торгпредских.

Что же касается разведки, то старался заводить нужные связи. Именно такую задачу ставил ему резидент. Потом эти связи Глухову очень помогут.

Из британской командировки Владимир Алексеевич возвратился в Москву в конце 1962 года. Хотя возвращаться, собственно, было некуда. Это в Лондоне у него была квартира, а в Москве пришлось снять угол. Правда, вскоре ему выделили жилплощадь, пусть «хрущевку», но зато двухкомнатную, отдельную. О большем в те годы и мечтать не приходилось.

В Центре он попал в англо-американское управление, на должность старшего офицера. В этот период как раз разоблачили предателя Пеньковского. Разгорелся скандал. Начальника ГРУ Серова разжаловали и сняли с должности. Под «раздачу» попал заместитель Серова — генерал Рогов и многие другие генералы и офицеры. Мог попасть и он. Но бог миловал. Хотя, как говорят в разведке, был в шаге от провала.

Пеньковский приезжал в Лондон на промышленную ярмарку и посетил резидента военной разведки генерала Толоконникова. Он сидел в кабинете резидента, а Глухов в это время работал над отчетом. Печатал, перечитывал... По ходу возник вопрос. Владимир Алексеевич взял бумаги

и пошел к Толоконникову. Подошел, взялся было за ручку двери, да услышал громкий смех в кабинете. Стало неудобно как-то мешать шефу, все-таки гость у него. Повернулся и зашагал себе. Так их встреча, к счастью, не состоялась.

Два года проработал Глухов в Центре, а в 1964-м прошел выездную комиссию, подготовку в «Аэрофлоте» и приступил к обязанностям генерального представителя авиакомпании в Нидерландах.

* * *

В камере было тихо. Не слышно даже шагов тюремщиков за стеной. Владимир Алексеевич медленно возвращался к реальности.

«Что они придумают еще? Неужели действительно арестовали жену и сына? Как же так, ведь первым делом ребята должны были вывезти их в посольство».

И верилось, и не верилось. «Да нет, не могло такого случиться. Врут подлые голландские контрики».

Они и действительно лгали самым наглым образом. Сразу после ареста жена и сын Глухова были доставлены в советское посольство, с ними рядом всегда находился кто-то из друзей, сослуживцев. Резидент, опасаясь за здоровье жены, запретил даже рассказывать ей, о чем пишут местные газеты.

Семь дней провел в тюрьме Владимир Глухов. Ничего не добившись и не сумев доказать вину нашего разведчика, голландские спецслужбы были вынуждены отпустить Владимира Алексеевича на свободу.

Случилось это 18 апреля 1967 года. Утром его забрали из камеры и проводили в небольшой зал. Здесь объявили: «Господин Глухов, вы освобождаетесь за недоказанностью обвинения».

На столе в строго разложенных конвертах лежали документы, бумажник. Рядом со столом пятнадцать человек — тюремщики и та самая бригада «контриков», которая его арестовывала.

Глухов пожал руку чиновнику, который зачитывал постановление прокурора, а старшему бригады контрразведчиков руки не подал.

— Этому преступнику я руки не подам, — сказал жестко и твердо.

«Контрик» опешил, покраснел. Глухов развернулся и зашагал к выходу.

У ворот тюрьмы его встречали не только сослуживцы, но и корреспонденты. Машина быстро домчала его в посольство. После семи дней голодовки он немножко поел, слегка отдохнул и пошел на доклад к

послу.

На следующий день Владимир Глухов с семьей улетал на Родину. На выходе из дома его вновь взяли в плотное кольцо журналисты. На этот раз он пообещал ответить на вопросы в аэропорту. Там в окружении фото- и телекамер Владимир Алексеевич заявил, что с уважением относится к голландскому народу и свой арест считает провокацией.

В тот же день Глухов с семьей уже был в Москве.

А вскоре появилась реакция Советского Союза на арест генерального представителя «Аэрофлота». В этом заявлении говорилось, что «19 апреля 1967 года Глухов В. А. прибыл из Амстердама в Москву, где был принят начальником ГРУ генерал-полковником Иващутиным П. И. На другой день принят министром гражданской авиации маршалом авиации Логиновым Е. Ф.

Приказом министра обороны СССР Глухову В. А. за мужество и стойкость, проявленные при срыве провокации противника, была объявлена благодарность.

Советское правительство не стало применять к представителям компании «КЛИМ» жестких ответных мер, хотя на это были обоснованные причины».

Рядовой военной разведки

Гриша Михляев осиротел рано. В 1924 году, когда ему было всего девять лет, умерла мать, через год — отец. Хозяйство отца, Фрола Михляева, разделили между собой его братья. Сироту Гришу определили в семью к среднему брату Михаилу.

У брата жилось несладко. Жена Михаила Евдокия имела характер необузданный и жестокий. Работала много, от зари до зари, и подобного подхода требовала от всех членов семьи. Несмотря на юный возраст, Григорий наравне со взрослыми косил, жал серпом, вручную молотил, скирдовал снопы ржи и пшеницы.

В сельской школе уже второй месяц шли занятия, а Евдокия и не думала отпускать Гришу в школу. Надо было пасти свиней. А ему так хотелось в класс, к учительнице, к ребятам, которые каждый день обучались чему-то новому.

Однажды он бросил ненавистных свиней в поле и тайком убежал в школу. Учительница Мария Николаевна встретила его приветливо, выдала учебники, тетрадки, карандаши. Григорий с наслаждением слушал все то, что она говорила, и только иногда, вспоминая брошенных свиней, чувствовал, как холодок пробежал по спине. Если что случится с поросятами, жестокая тетка Евдокия этого ему не простит.

Сразу после уроков он огородами пробрался к своему двору, спрятал в скирде учебники и тетрадки и побежал искать свинское стадо. Как назло случилось то, чего боялся Гриша. Взрослые свиньи искалечили подсвинка, сломали ему ногу.

В слезах мальчик пригнал домой стадо. Брат Михаил увидев такое, осерчал, схватил ремень. Гриша бросился наутек. Дотемна скрывался вдалеке от дома и лишь ночью возвратился в хату. Крадучись, забрался на полати.

В доме пахло ужином. Все члены семьи отдыхали. Гнев в сердце брата и снохи поутих. Кто-то кликнул Гришу к столу, его поддержали другие. С опаской спустившись с полатей, мальчик поел, давась от слез и обиды.

Утром брат Михаил усадил за стол напротив себя Григория, поговорил с ним ласково и по-доброму. «Ты не серчай, — сказал брат, — поработай еще недельку, а потом пойдешь в школу».

У Гриши от радости запела душа. С малолетства он хотел учиться. С книгой никогда не расставался. Она всегда была у него за поясом. Выдастся

свободная минутка, другие дети бегают, шалют, а Григорий — за книгу. Читал все, что доставал в школьной библиотеке, брал у товарищей, знакомых. Любил рассказывать о прочитанном. Знал много сказок, былин. Постоянно записывал песни, частушки, деревенские истории.

По соседству с ними жила тетка Агриппина. Она хоть и была чужая, но для Гриши роднее родных. Он часто прибежал к ней. Агриппина угощала его чем-нибудь вкусеньким: то шанежки испечет, то медку нальет. Угощала да все приговаривала: учись, Гришуня, сиротиночка моя. Только грамота поможет вырваться тебе из этой глухомани.

Наставления тетки Агриппины глубоко западали ему в душу.

Гриша Михляев быстро вырослел. После окончания сельской школы он считал себя уже вполне самостоятельным. Сам принял решение и уехал учиться в школу колхозной молодежи. Жил то у дальнего родственника, то в общежитии школы. Питался в школьной столовой.

После окончания школы колхозной молодежи заехал в родную Дубровку, собрал свои скромные пожитки и навсегда покинул деревню.

Поступил в Красноуфимский педтехникум. Занятия первокурсников в тот год почему-то отложили на месяц и приказали им посещать лекции для второго курса. Вскоре из его набора в техникуме не осталось никого. Видать, напугали ребят трудности. Ведь они окончили всего 7 классов, а их сразу заставили слушать лекции за второй курс.

Ушел из техникума и Григорий. Уехал в Златоуст. Там у него жил дядя. Добирался на поезде четверо суток, без денег, без еды. Сердобольные соседки по вагону иногда угощали его то кусочком хлеба, то картофелиной.

Добравшись до Златоуста, первым делом решил пойти в райком комсомола. Пришел, рассказал свою нехитрую историю. В райкоме помогли, устроили на работу, на должность налогового агента.

В райфинотделе встретили по-доброму. Выдали буханку хлеба и спецодежду — валенки и полушубок.

А через полгода пришла разрядка по набору студентов в Пермский финансово-экономический техникум. Григория Михляева отправили на учебу, на финансовый факультет.

Жить и учиться было тяжело. Снабжение по карточкам. В столовой кормили скудно. Иногда доставался только стакан воды да кусок черного хлеба. К концу первого года обучения из 120 человек в техникуме задержалась лишь половина.

Но Григорию отступать было некуда. Он терпел. Учился, учился... После окончания техникума получил назначение. Теперь его должность именовалась высоко и ответственно — инспектор бюджета

Кировоградского райфинотдела.

В район входило два промышленных города, 8 поселковых советов, 16 сельских советов. Как раз, когда Григорий прибыл на работу, в райфинотделе составляли бюджет на 1935 год. Его строго предупредили — будь осторожен. На местах работают старые, опытные бухгалтеры, секретари сельсоветов, могут обмануть. И он осторожничал. Вместо того чтобы поддержать предложения специалистов с мест, придирчиво срезал расходы, завышал доходы.

Словом, в 1935 году Кировоградский район с бюджетом, сверстанным молодым специалистом Михляевым, по сути, сел на голодный паек. Жизнь оказалась намного сложнее формул, выученных в техникуме.

Однако уже в следующем году Григорий учел ошибки, и новый бюджет сверстал умело. Район оказался в очень выгодном положении.

Возможно, карьера молодого инспектора и дальше развивалась бы столь успешно, но пришла осень 1936 года, а с ней и призыв в Красную Армию. Районное руководство не хотело терять толкового специалиста и всячески отговаривало Григория от солдатчины, обещая освободить от службы. Но Михляев не согласился.

Проводы организовали торжественные, с оркестром, с застольем. Григория назначили старшим команды призывников в 400 человек и отправили в Нижний Тагил.

По прибытии всех распределили по командам. Михляеву сообщили, что он вскоре будет направлен для прохождения службы в г. Свердловск, в артиллерийский полк. Но вскоре командиры решение свое изменили и оставили его в городском военкомате.

После серьезной нагрузки в райфинотделе служба в военкомате показалась легкой прогулкой, хотя он один заменял двух писарей. Вскоре Григория избрали секретарем комсомольской организации, делегировали на областную конференцию. Через год он уже исполнял обязанности начальника финотдела.

Предложили остаться на сверхсрочную. Согласился. А в 1938 году в горвоенкомат пришла телеграмма: «Михляева Г. Ф. срочно откомандировать в распоряжение Политуправления Уральского военного округа». Там его уже ждала должность заведующего делопроизводством. Через год присвоили звание техника-интенданта 2 ранга, потом 1 ранга. Накануне войны Михляев стал начальником общего отдела Политуправления округа.

22 июня 1941-го многие офицеры Политуправления ушли на фронт. Двух помощников Григория Фроловича тоже забрали в войска 22-й армии. Но его оставили. Через полтора месяца у него должна была родить жена, да и дочь совсем маленькая.

И тем не менее он рвался на фронт. Но заместитель начальника политуправления полковник Шевченко и слушать не хотел просьбы Михляева. Вырваться удалось, когда Шевченко сам был откомандирован в действующую армию. Однако Григорий попал на фронт не сразу. Сначала был направлен на учебу в Военно-политическую академию. После ее окончания начальник резерва подполковник Золотухин, увидев его на пороге собственного кабинета, встретил, как родного:

— Мне опытный помощник нужен позарез!

— Да уж, я пишу рапорта, рвусь на фронт, а вы меня опять за бумаги.

— Ладно, Григорий, осмотрись, помоги мне немного, а потом пригляди тебе фронтовую должность.

Однако осматриваться Михляев долго не собирался, допек он начальника резерва, тот только рукой махнул:

— Езжай на Второй Украинский фронт. Подойдет?

— Да мне все равно, хоть на Первый Украинский, хоть на Второй.

По прибытии на фронт в первый же день его разыскал посыльный и передал приказ: срочно явиться к начальнику отдела кадров полковнику Калмыкову. Прибыл. Получил боевую задачу — вместе с начальником политотдела 6-го стрелкового корпуса, который находится на переформировании, принять политсостав соединения и доложить.

Где находится корпус? Полковник указал точку на карте. Как добираться? Попутным транспортом.

Через пять дней Михляев в третьем часу ночи докладывал полковнику Калмыкову о политсоставе корпуса. Выслушав доклад, полковник сказал: да, ты толковый кадровик. И это предопределило его будущую судьбу. Михляева опять, как и в Москве, направили работать с резервом.

Получалось, чем лучше, тем хуже. Он делал хорошо порученную работу, и это отодвигало его от линии фронта, куда он хотел попасть еще с июня 1941 года.

Григорий Фролович вновь писал рапорта, просился послать комиссаром полка. Но ему отвечали: комиссаров у нас достаточно, а вот опытных кадровиков катастрофически не хватает. Все, чего добился своими

настойчивыми просьбами, — перевод из кадров Политуправления фронта в политотдел 37-й армии.

Политотдел нашел в украинской хате под Кривым Рогом, представился начальнику отделения кадров подполковнику Паплинскому.

Высокий, косая сажень в плечах, с пышной шевелюрой, подполковник встретил его радушно.

— Вот тебе рабочий стол. Принимай людей. Вечером мне на подпись приказы о назначениях, представления на награждение.

Горечь захлестнула сердце. Ну что за судьба, опять вместо фронта, вместо живой, боевой работы канцелярия. Да, нужная, необходимая, но канцелярия.

Оглядевшись, поговорив с офицерами отделения кадров, Михляев и вовсе отчаялся. Оказалось, никто из них штабным делом в армейских частях не занимался и тонкостей этой работы не знал. Все были призваны с «гражданки» по мобилизации.

Сам Паплинский до войны трудился секретарем Ростовского райкома партии, в военном деле был слабоват, изучением политсостава армии заниматься не любил и потому кадры не знал.

С документами на доклад ходить боялся, особенно к члену военного совета или к командующему армией. Те, по обыкновению, спрашивали мнение главного армейского кадровика о том или ином офицере-политработнике, интересовались, кто находится в резерве на случай срочной замены выбывших из строя. Паплинский зачастую не мог ответить на эти вопросы, терялся и получал взбучку. Так что опытный помощник ему нужен был как воздух. И отпускать Михляева в войска он, разумеется, не собирался.

Тем временем 37-я армия вела тяжелые бои за освобождение Правобережной Украины. Войска принимали участие в Никопольско-Криворожской, затем в Березниковско-Снигиревской, а позже и в Одесской операциях.

Хватало работы и отделу кадров. Михляева вызвал к себе начальник политотдела армии полковник Мельников. До войны он занимал должность секретаря московского горкома комсомола. В политотделе знали его взрывной, необузданный характер и потому сторонились встреч с полковником. Он мог взорваться без причины, по пустяку оскорбить офицера.

— Подготовьте к утру наградной лист на начальника политотдела шестого стрелкового корпуса полковника Паньшина, — приказал Мельников.

— К какой награде представлять? — уточнил Михляев.

Начпо задумался:

— Пожалуй, к ордену Ленина...

Григорий Фролович, как и положено, взял под козырек, вышел от Мельникова, а сам думает: на дворе десять часов вечера, наградной лист должен быть готов к утру, этого Панышина он в глаза не видел, в чем отличился, не ведает.

С чего начать? Пошел к офицерам в оперативный отдел. Они уж точно все знают про бои и походы. Те вытащили карту прошедших боев за Кривой Рог. Вот тут и пригодились знания, полученные в Военной академии им. В. И. Ленина. За ночь удалось написать весьма грамотное представление. Мельников прочитал текст, удовлетворенно улыбнулся:

— Ну что, Михляев, по такому наградному листу Панышину в пору Героя Советского Союза давать.

Вскоре начальник политотдела корпуса получил орден. Наверное, он и представить себе не мог, что, кроме него, высокой награде очень радовался офицер отделения кадров Григорий Михляев.

Да, каждый на войне делал свое дело. Григорий Фролович мотался по частям, устанавливал потери, готовил документы на офицеров из числа резерва, составлял наградные листы на отличившихся в боях, писал представления на присвоение званий, работал над текстами приказов на подпись командующему армией. Словом, занимался своей, пусть и канцелярской, незаметной, но такой нужной работой.

Числился он в штате Полевого управления и нередко получал задачи, весьма далекие от его обязанностей. Как-то поручил ему полковник Мельников срочно выехать и «захватить» несколько украинских хат для размещения политотдела.

Выехать-то он выехал, да опоздал. Квартирьеры уже все хаты расписали между подразделениями штаба. Словом, «захват» не удался. Начальник политотдела был крайне недоволен, обругал Григория площадной бранью. Тот сильно расстроился. Успокоили товарищи по отделению кадров, мол, начпо не переделаешь, хам он и дуболом, так что волноваться из-за этого себе дороже.

* * *

Первого мая 1944 года Михляеву было поручено довести приказ Сталина до личного состава 10-й гвардейской воздушно-десантной

дивизии. Рано утром на старой лодке-плоскодонке он переплыл реку Днестр, бегом добежал до траншей, которые располагались у стен крепости Бендеры, нашел начальника политотдела дивизии полковника Воронцова и доложил о цели своего прибытия. Полковник коротко ознакомил его с боевой обстановкой и выделил в помощь двух инструкторов.

Теперь предстояло добраться до передовой. Скрытно, используя складки местности, доползли, дошли до передовых траншей. И тут их взору предстала жуткая картина: в окопах лежали трупы наших солдат и офицеров. Видимо, по ним был нанесен внезапный артиллерийский удар, заставший воинские части врасплох: кто-то не донес до рта ложку, кто-то упал, не успев поднять автомат. В одном полку нашли лишь живого замполита да несколько солдат, в другом из офицеров остался командир, парторг и 18 бойцов.

Михляев связался с полковником Воронцовым по телефону, доложил страшную картину, сказал, что замполит полка майор Авдеенко погиб. Воронцов не поверил, недавно он с майором говорил по телефону.

Вдруг во время разговора Воронцов кричит в трубку:

— Капитан Михляев, по данным разведки вас атакует противник, пехота с танками. Примите меры к отражению!

На этом телефонная связь обрывается. Вместе с командиром полка Михляев собрал оставшихся в живых офицеров и солдат, и они приняли бой. Немцам прорваться не удалось. Атаку отбили.

За один день 1 мая таких атак было шесть. Но десантники не дрогнули.

Поздней ночью инструктор отделения кадров Михляев возвратился в штаб, доложил обстановку, рассказал о боях. Командованием армии были предприняты срочные меры, и к утру 2 мая на Клицканский плацдарм переброшены свежие подразделения и боевая техника. А Григория Михляева, возглавившего оборону в одной из частей дивизии, за мужество и героизм наградили орденом Отечественной войны II степени.

Позже ему пришлось участвовать в боях вместе с офицерами политотдела 195-й стрелковой дивизии и с передовыми частями дойти до реки Прут, где встретились воины двух фронтов — 2-го и 3-го Украинских. Тогда в котел попало 18 дивизий врага общей численностью около 300 тысяч человек.

Далее войска 37-й армии прошли Румынию, Болгарию. Штаб армии разместился в Софии. Офицеры квартировали в здании мужского монастыря, жили в кельях.

День Победы встретили 7 мая 1945 года. На офицерском собрании

выступал генерал-полковник Бирюзов, рассказывал о том, как готовилась, разрабатывалась Ясско-Кишиневская операция. И вдруг в городе поднялась стрельба, фейерверк. Победа, Победа! Солдатский телеграф передал: немцы подписали капитуляцию. Разумеется, и штаб 37-й армии подключился к торжеству. Отпраздновали, а наутро радио молчит. Оказалось, в Париже наш военный атташе генерал Суслопаров, не имея на то полномочий, принял капитуляцию.

Пришлось праздновать второй раз. Признаться, это было не менее приятно, чем в первый. Так завершилась война для Григория Фроловича Михляева. Что дальше? Он пока не думал. Служил. Но вскоре судьба сделала резкий и неожиданный поворот.

* * *

Летом 1945 года в штаб 37-й армии прибыли два офицера. Их задачей был отбор кандидатов для поступления в Военно-дипломатическую академию.

Из всего офицерского состава армии они выбрали всего четверых. Среди них — капитан Григорий Михляев. В те годы академия квартировала в здании бывшего пединститута на Большой Грузинской улице.

Через четыре года, в 1949-м, после окончания академии и стажировки в оперативном управлении Главного Разведуправления Григорий Михляев был назначен на должность помощника начальника Советской военной миссии при главнокомандующем британской рейнской армией в английской зоне оккупации Германии.

Миссию возглавлял полковник Иван Степанов. В задачи миссии входило поддержание связи с главкомом Группы советских войск в Германии, наблюдение за оккупационными войсками Великобритании, Канады, Бельгии, Нидерландов, находившихся в этой зоне, а также за немецкими формированиями так называемых чернорубашечников. Офицеры миссии оказывали помощь советским гражданам-репатриантам, насильно угнанным в Германию во время войны.

Приехав впервые в Германию, Михляев еще не знал, что вся его жизнь в разведке будет связана с этой страной. Три командировки, в общей сложности тринадцать лет, отработает он на немецкой земле.

Все это время Григорий Фролович будет активно заниматься оперативной работой: проводить вербовку, руководить агентурой, разрабатывать агентурные операции.

Те годы, когда он по возвращении из командировок работал в аппарате ГРУ в Москве, в оперативном управлении, на немецком и австрийском направлениях, давали возможность оценить свою деятельность с позиций центра, изучить опыт других сотрудников, принимать непосредственное участие в разработке операций стратегической и оперативной разведки.

Однако возвратимся в те далекие годы, когда выпускник Военно-дипломатической академии Григорий Михляев работал в качестве помощника начальника Советской военной миссии.

Время было непростое. Из бывших союзников — США, Великобритания, Советский Союз превратились в противников в «холодной войне». А ведь разведка, как известно, всегда на пике противостояния. На провокации англичане не скупилась. Естественно, целью этих провокаций были, в первую очередь, советские офицеры, работавшие за рубежом. К примеру, сотрудники той же военной миссии.

Пришлось и Григорию Михляеву дважды побывать в роли арестованного и даже посидеть в тюрьме.

Все произошло в городе Золингене, что в Рурской области Германии. Как-то вечером, двигаясь на автомобиле, Михляев обратился к прохожему с вопросом, как доехать до населенного пункта. Мужчина ответил, что направляется туда же и готов показать дорогу.

Григорий Фролович пригласил его в машину. По дороге разговорились. Оказалось, случайный попутчик во время войны служил в вермахте, воевал на Восточном фронте, в России, на Украине. Он с удовольствием вспоминал удивительную природу Украины, где он провел больше года. Разговор оживился. Поскольку немец жил в городке, который входил в сферу интересов нашей разведки, Михляев предложил встретиться еще раз. Тот согласился.

Через неделю увиделись снова, вечером, после работы. Разумеется, об этой встрече знал и дал «добро» на ее проведение начальник миссии.

Приезжая на встречу, Михляев проверился — нет ли «хвоста». Немец ждал его в условленном месте. Наш разведчик поздоровался, передал подарки, в основном — продукты. С продовольственным снабжением в Германии тогда было туго, и растроганный немец пригласил Григория Фроловича к себе в гости.

Разговор был недолгим, а когда гость и хозяин покинули дом, вооруженные полицейские неожиданно взяли их в кольцо, схватили, надели наручники и для острастки несколько раз «перетянули» дубинками. Потом втолкнули в полицейскую машину.

В полицейском участке провели тщательный досмотр. Задержанных

раздели до трусов. Ничего не найдя, полицейский, тем не менее, сел составлять протокол. На что Михляев заявил протест и потребовал представителя главкома британской рейнской армии по званию не ниже подполковника. К тому времени Григорий Фролович был уже подполковником.

Представитель не приехал, а Михляева и его водителя отправили в местную тюрьму, посадили в одиночные камеры.

Утром в камере появился британский майор. Представился, показал удостоверение личности, раскрыл блокнот, чтобы провести допрос. Но Михляев попросил его не торопиться.

— Господин майор, — сказал советский подполковник, — вы хоть и ниже меня по воинскому званию, но я готов с вами говорить. Однако я буду отвечать на ваши вопросы только в присутствии начальника Советской военной миссии при главкоме британской рейнской армии.

Майор согласился и предложил проехать в соседний город Бохум.

— Как будем следовать? — спросил Михляев. — Вы меня закуете в наручники?

— Нет, — ответил англичанин — будете следовать в своей машине следом за нами.

Полицейские проводили Михляева и его водителя до автомобиля. В дороге подполковник спросил солдата:

— Тебя допрашивали?

— Да, пытались, но я ничего не понял и послал их... Отстали.

— Вот что, Ершов, — проговорил Михляев, — попали мы с тобой в грязную историю. Что с нами будут делать дальше, не знаю. Может, силой затащат в контрразведку, арестуют и переправят в Лондон, а потом объявят, что мы попросили политическое убежище. Поэтому слушай боевой приказ. Если я замечу, что дело наше плохо, я дам команду. По этой команде крутни руль, направь машину, да так, чтобы после удара от нас осталось только мокрое место. Изменниками Родины мы никогда не будем.

— Будет сделано, товарищ подполковник, — ответил солдат, и Михляев не усомнился ни на минуту в его искренности.

В Бохуме подъехали к особняку, над входом которого висела вывеска — военная контрразведка БРА. Машина британца затормозила у дверей, Михляев приказал водителю остановиться поодаль, у обочины дороги. Однако их все-таки заставили заехать во двор, и тут же две полицейские машины блокировали выезд.

Англичанин пригласил пройти в дом. Михляев отказался:

— Вы обещали беседу в присутствии моего начальника. Но я не вижу

его машины.

Майор скрылся в доме, но вскоре вышел на крыльцо.

Он помахал рукой.

— Ваш начальник ждет у телефона.

Михляев так же помахал в ответ:

— Тогда передайте ему, что я арестован и жду его приезда. Из машины не выйду. Меня незаконно задержали, били дубинкой, держали в тюрьме. Я устал и отдохну здесь, на улице. Если хотите затащить меня силой, пожалуйста, двери автомобиля открыты. Но это будет насилие над советским офицером, представителем главнокомандующего Группой советских войск в Германии.

В последующие 6 часов английские контрразведчики предприняли несколько попыток заманить советских военнослужащих в особняк. Они предлагали выпить кофе, пообедать, обсудить сложившееся положение. Но ничего не вышло.

Вечером, уже в который раз, английский майор появился у машины Михляева и, важно надувшись, объявил:

— Если вы добровольно не примете приглашение войти в дом, мы будем вынуждены отправить вас к месту пребывания с военным эскортом.

Вместо огорчения Григорий Михляев весело приветствовал такое мудрое решение. У майора сначала вытянулась от удивления физиономия, но потом он и сам не удержался, расплылся в улыбке.

После этого в машину с Михляевым сел английский подполковник, и в сопровождении двух полицейских автомобилей они были доставлены в город Бад-Зальцфлен, на место постоянной дислокации Советской военной миссии.

По прибытии Григория Фроловича проводили в кабинет начальника британской военной миссии, где его уже ждал полковник Степанов.

Возвратившись к себе, Григорий Михляев подробно доложил о случившемся руководителю. Степанов был опытным военным дипломатом, разведчиком, в свое время работал в военном отделе ЦК.

— Теперь главное — все толково доложить Центру, — сказал он, — от этого зависит твоя судьба.

Степанов сел писать телеграмму и вечером направил ее в Москву. Через два дня, показавшиеся Михляеву вечностью, пришел ответ. За мужественное и стойкое поведение при силовом задержании начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР объявил подполковнику Михляеву Григорию Фроловичу благодарность.

Советское правительство выразило протест, и англичане были

вынуждены извиниться.

Однако провокации против советских военных дипломатов продолжались. Вскоре во французской зоне оккупации задержали двух наших офицеров военной миссии. В отличие от Михляева их заманили в полицейский участок, подвергли допросу, они подписали протокол.

Старший по званию, подполковник, был немедленно отозван в Советский Союз и уволен из армии. Младшего, майора, тоже отозвали, объявили строгий выговор, но оставили на службе.

Откровенно говоря, Михляев надеялся, что шум с его задержанием со временем поутихнет, и он еще поработает во благо военной разведки. Но не тут-то было. Англичане не простили Григорию Фроловичу неудавшуюся подставу. Еще бы, отпустили ни с чем, да потом и извиняться пришлось на самом высоком уровне. На этот раз они поступили иначе. Сумели заранее просчитать реакцию руководства ГРУ. Михляева вместе с другим офицером майором Николаем Дутовым арестовали, однако на сей раз не расспрашивали, протокол не составляли, подписывать его не просили. Они просто бросили офицеров в тюрьму, в одиночные камеры. Продержав ночь, без извинения и объяснения причин — выпустили.

Позже в разговоре с автором очерка Григорий Михляев так прокомментирует это задержание: «В общем, ни слова не сказав, отпустили. Я сразу понял, это неспроста. Англичане что-то задумали. Надо ожидать развязку. На этот раз они сами ввязываться не стали, а оставили нас лицом к лицу с дорогими начальниками. Они точно рассчитали: стоит нас задержать и посадить в тюрьму хотя бы на одну ночь, подобного руководство ГРУ не простит. Видимо, я им порядком надоел, и очень хотелось убрать меня из английской зоны».

Так и случилось. Задержание Михляева и Дутова вызвало в Центре настоящий переполох. В Берлин вылетел первый заместитель начальника ГРУ генерал-лейтенант Федор Феденко и направленец полковник Борис Елсуков.

С первых же минут, как только Михляев и Дутов предстали перед очами начальства, началось расследование — тщательное, вьедливое, дотошное. Десятки вопросов, письменные объяснения. На каком расстоянии была остановлена машина, как уходил на встречу, что видел, что знаешь о засаде. Нарисуйте схему расположения места встречи, привяжите ее к плану города. Сколько полицейских было при вашем аресте, как они были одеты? Что спрашивали они, что отвечали вы? Какие вопросы задавали в тюрьме? Где вы содержались?

Все закончилось разбором на заседании военного совета Группы

советских войск в Германии в Вюнсдорфе. Заседание вел сам главнокомандующий маршал Василий Чуйков.

Он дал слово подполковнику Михляеву. Давай рассказывай, как ты попал в тюрьму. Григорий Фролович докладывал 35 минут. Когда закончил, увидел, как член военного совета группы войск генерал Пигунов склонился к маршалу и негромко сказал: «Да офицеры — честные работники, а вот начальники у них — дураки».

Михляева отпустили. Не успел он закрыть дверь, как маршал грохнул по столу кулаком и поднял со своего места генерала Феденко. Начинался разбор полетов.

Результат: хитрые англичане добились своего, из английской зоны оккупации убрали двух опытных советских разведчиков. Через несколько дней они уже возвратились в Москву.

Первая командировка Григория Михляева была завершена.

После работы в Центре, в 1955 году он вновь уедет в Берлин, теперь уже на долгих семь лет.

* * *

«Знаете, — скажет как-то в беседе со мной Григорий Фролович Михляев, — в разведке можно служить по-разному. Мне доводилось встречаться с офицерами, которые под всякими предложениями уходили от вербовочной работы. Вербовка агентов дело трудное и опасное. И не каждому под силу. Некоторые откровенно говорили: «Зачем мне рисковать? Искать новые источники, возиться с ними, вербовать, потом попадать в неприятные истории. Я буду собирать информацию, обрабатывать и регулярно посылать ее в Центр. Меня не обвинят в бездеятельности, и в то же время всегда буду «чист» перед контрразведкой».

После этих слов полковник замолчал и потом добавил: «Но это не разведчики». Да, действительно, это не разведчики. Совсем по-иному подходил к своей работе Григорий Михляев. О нем можно сказать одно: он — вербовщик. А вербовщики — элита разведки. И не каждому суждено войти в их число.

Ведь в конечном итоге ценность оперативного сотрудника целиком зависит, если так можно выразиться, от качества подобранных им агентов. Какими чертами должен быть наделен вербовщик? Трудный вопрос. Это зависит от многих обстоятельств, например, непосредственно от оперативной обстановки.

Сам Григорий Фролович среди таких качеств выделял сильную волю, веру в успех, смелость, находчивость, личное обаяние и умение мастерски вести индивидуальную беседу, не столько говорить самому, сколько слушать собеседника.

Всеми этими качествами обладал сам полковник Михляев. Об этом говорят его вербовки.

Расскажем о некоторых из них.

Как-то знакомый Георгия Фроловича, работавший на фирме Круппа, представил советского разведчика отставному немецкому генералу, участнику Нормандской операции. Назовем его Гартманом.

После войны генерал получал хорошую пенсию, однако без дела не сидел. По предложению штаба НАТО он писал воспоминания о ходе Нормандской операции. У него в помощниках ходили два капитана и стенографистка. Ценен Гартман был тем, что он имел доступ к архивным документам НАТО, а также штаба бундесвера.

К счастью, в рабочем плане Михляева вербовка генерала по срокам ограничений не имела. Такое в жизни Георгия Фроловича случалось редко, но, тем не менее, случалось.

Помнится, вызвал его к себе генерал-лейтенант Феденко и два дня (!) заслушивал соображения Михляева о ходе вербовки Гартмана. В приемной Феденко сидели в ожидании офицеры, откровенно говоря, не понимая, что происходит, но руководитель на другие дела не отвлекался.

Час за часом Феденко выслушивал доводы Михляева, почему не следует спешить с вербовкой Гартмана. К концу второго рабочего дня Георгий Фролович привел последний аргумент: срок вербовки не был ограничен по времени. И это верное решение руководства.

Генерал Феденко от удовольствия даже подскочил в кресле: «Наконец-то я дождался главного».

Ну что же, раз так считает начальство, быть по тому!

Вскоре Гартман был завербован. Позже Григорий Михляев скажет: «Вербовку провел по всем правилам бюрократии того нелегкого времени: взял развернутое письменное обязательство о сотрудничестве, разработал условия личной и безличной связи, провел подготовку к документальному фотографированию, поддержанию связи по радио».

Гартман оказался весьма ценным источником. Между ним и Григорием Фроловичем установились не только деловые, но и личные, добрые отношения. Генерал очень радовался их встречам. Прошедший пламя страшной войны, он многое переосмыслил и часто говорил: «Григорий, я не хочу повторения войны. Ради этого и помогаю вам».

Наиболее памятной для полковника Михляева стала попытка привлечь к работе на советскую военную разведку генерала Венка. Того самого, на которого в последние дни своей жизни так надеялся Гитлер. Он ждал подхода его армии, чтобы отстоять Берлин — столицу Германии. Увы, мечтам фюрера не суждено было сбыться — 12-я армия под командованием Венка потерпела сокрушительное поражение и до Берлина не дошла. Ее остатки попали в плен, сам Венк бежал на Запад и сдался американцам.

После войны он был освобожден, ему назначили пенсию, устроили на работу в одну из фирм Круппа.

В 60-е годы полковник Михляев как раз курировал в Центре немецкое направление. Офицер берлинской резидентуры, назовем его Сергеем Г., вел оперативную разработку. На связи у него был источник Отто. Он постоянно рассказывал, что получает информацию по военно-политическим вопросам именно от генерала Венка.

Таким образом, со временем в Центре выросло объемное оперативное дело. Михляев изучил его, провел анализ документов. В результате на свет появилась аналитическая записка, итогом которой стал закономерный вопрос: а есть ли на самом деле у нас на связи генерал Венк? Или агент пытается придать вес своим сообщениям?

Записку Михляева внимательно прочли тогдашний начальник ГРУ генерал-полковник Шалин и начальник управления генерал-майор Коновалов.

Вскоре жизнь сложилась так, что Григорий Фролович сам оказался командированным в Берлин, где и принял на руководство источник Отто. Пришлось обстоятельно поговорить с агентом, напрямую задать вопрос: действительно ли информация исходит от Венка? Отто уверял, что это так. Да и в последующем информация подтверждалась.

На следующей встрече Михляев попросил Отто организовать встречу с Венком. Агент помялся, попросил дать время, чтобы обговорить эту ситуацию непосредственно с генералом. Вскоре он сообщил, что Венк готов к встрече. Определили основную и запасную даты. Доложили в Центр.

Сообщение из Берлина вызвало в Москве настоящий переполох. В Берлин срочно вылетел начальник управления ГРУ генерал-майор Коновалов.

В резидентуре, разумеется, волновались: дело непростое, не подведет ли Отто. В назначенный день Михляев встретился с источником. На вопрос, где Венк, Отто ответил, что для начала генерал прислал двух своих доверенных лиц, бывших офицеров вермахта, а потом, если мы примем и

одобрим его связников, приедет и сам.

От нервного напряжения засосало под ложечкой, но Михляев старался оставаться спокойным. Спросил: «Где связники?» Оказалось, связники готовы и ожидают встречи. Один из них — подполковник в запасе, другой капитан — летчик.

Генерал Коновалов и полковник Михляев приняли на служебной квартире агента Отто и одного из связников. Отто заметно волновался, но твердил свое: их прислал сам Венк.

На встрече с подполковником выяснилось, что он не ведает, зачем его пригласили. Ему, мол, сказали, что предстоит разговор о торговом соглашении между западногерманской фирмой и советским торговым представительством.

На следующий день Отто привел капитана. Он также ничего не знал о цели переговоров. О генерале Венке только слышал, но никогда с ним не встречался.

С Отто состоялся достаточно жесткий разговор. Генерал Коновалов добивался правды — действительно ли он знаком с Венком, или это выдумка? Но Отто вновь уверял, что работает с Венком и привез офицеров по его поручению. Он говорил, что генерал хочет обеспечить свою безопасность, а надежные связники нужны для работы в будущем. Да, эти двое не знают конечной цели. Но зачем генералу перед ними раскрываться преждевременно. Ведь Венк — известный в Германии человек, да и вопросы, которые им предстоит решать, крайне важны для его родины. Он не хотел бы запятнать свое имя в нелегальных делах. Венк надеется на встречу с высокопоставленными лицами в СССР.

Однако, как ни старался Отто, убедить генерала Коновалова ему не удалось. Алексей Андрианович на дух не переносил тех, кто не держит свое слово, не выполняет обещаний. Не любил, когда шли какие-то отклонения от задуманного плана и ситуация резко осложнялась. Нередко он склонялся к принятию кардинальных решений.

Так случилось и на этот раз. Генерал Коновалов принял решение: источник Отто из агентурной сети исключить, передать его и связников в разведку ГДР.

Приказ есть приказ. Потом немецкие друзья очень благодарили Михляева за столь ценный подарок. Коллеги из ГДР получили толковых и преданных агентов. Признаться, и сам Григорий Фролович горько сожалел о потере.

С тех пор прошло много лет, а вопрос так и не имеет однозначного ответа: был ли Венк?

«Возможно, генерал Венк действительно намеревался вступить с нами в контакт, — говорил полковник Михляев. — В те годы нависла серьезная угроза новой войны, и Венк хотел прощупать ходы к мировому разрешению германского вопроса, воссоединению разделенной Германии».

Это лишь два небольших примера из многолетней практики опытного вербовщика военной разведки Григория Михляева. А вообще круг его «друзей» был необычайно широк. Он хорошо знал и любил их, они доверяли ему. Это и служащий из фирмы Круппа, журналисты западногерманских изданий, моряк из Куксгофена, портье фешенебельной гостиницы в г. Эрфурте, несколько нумизматов из Берлина, хозяин и хозяйка ресторана, излюбленного места встречи западников, приезжавших на лейпцигскую ярмарку, частный зубной врач, инженер завода, имеющий большие связи в ФРГ. Да разве всех перечислить. К тому же и перечислять вряд ли есть необходимость.

Важно другое, все эти люди работали на нас, на нашу военную разведку. А привлек их к этой работе один человек, настоящий разведчик полковник ГРУ Григорий Фролович Михляев.

«Служу Отечеству»!

— Ну что, лейтенант, — сказал военврач, внимательно рассматривая рану на лбу комвзвода Василия Иванова, — праздник у тебя сегодня.

— Какой праздник? — не понял Иванов.

Врач йодом прижег рану, еще раз придирчиво оглядел ее, и только тогда ответил.

— Бо-о-льшой праздник! Второй день рождения.

Он поднял с земли лежавшую у ног каску Иванова. Двуперый осколок мины пробил сталь каски и застрял в металле. Длинное перо поцарапало лоб, короткое остановилось в сантиметре от тела.

— Еще два миллиметра, — военврач осторожно потрогал острое перо осколка, — и ты, Василий...

Он не договорил, но и без того было ясно.

«Два миллиметра, и ты труп, — подумал про себя Иванов. Можно, конечно, помягче: «Два миллиметра, и ты пал смертью храбрых...» Как говорится, выбирай любое, только хрен редьки не слаще.

Военврач ушел по своим делам, а лейтенант Иванов отошел в сторону, подальше от бойцов, присел, устало привалился спиной к дереву.

Гудела голова, то ли от удара осколка в каску, то ли от нервного напряжения, которое медленно покидало тело после боя.

Прошло три месяца войны, а казалось, будто он воюет, по меньшей мере, полжизни. Василий огляделся, словно кто-то мог услышать его мысли, усмехнулся: «Во, загнул, полжизни. Двадцатилетие еще через два месяца». По времени, по месяцам, по годам все было так. Он помнил и год рождения, и лета, которые прожил на этой земле, но, поди ж ты, не покидало его странное чувство, что воюет долго, давно.

Наверное, оно имело под собой почву. Только не понимал тогда этого Василий по молодости, а может, и не задумывался. Да и когда было задумываться. Свой первый бой выпускник Смоленского стрелково-пулеметного училища принял уже на второй день войны. Немецкие самолеты бомбили Смоленск, на окраине в Красном Бору выбросили парашютистов. Диверсанты были одеты в красноармейскую форму.

На уничтожение десанта бросили тогда выпускников их училища. Многие погибли. Ему повезло. С немецкими диверсантами лицом к лицу он не встретился, но как воют фашистские бомбы и свистят пули, узнал.

Лейтенанты стрелково-пулеметного училища встречали немецкие

самолеты на крышах домов. И, надо сказать, сбивали их. Поначалу фашистские пилоты вели себя нагло, летали низко. Но когда молодые лейтенанты-пулеметчики «завалили» одного, потом другого немецкого аса, ухарство словно рукой сняло. Самолеты с крестами забирались повыше, лишь бы их не достал огонь «максимов».

Лейтенантам Иванову и его сокурснику Карпову, с которым они работали в одном пулеметном расчете, сбить фашистский самолет не удалось, но боевое крещение они получили.

А потом была 298-я стрелковая дивизия, куда, собственно, он и попал по распределению после окончания училища, еще до войны.

* * *

Василий повел плечами. Холодок забирался под гимнастерку. «Сентябрь. Ночи уже с прохладой, — подумал он и произнес вслух: «До войны, до войны». Да, закончил училище хоть и три месяца назад, но до войны. Собирался в отпуск. Столько лет мечтал приехать в родное Понизовье, что на Смоленщине, в деревню Поняжево, к матери, к сестрам, братьям. Мечтал пройтись по деревенской улице в новенькой, красивой офицерской форме. Но видать не судьба. По выпуску вроде и форму выдали, и отпускные билеты стали оформлять, да все тянули, тянули. А 18 июня собрали лейтенантов и объявили: принято решение отправить всех в части, а оттуда уже поедете в отпуска. Хитро придумано. Только в части не успели разъехаться, 22-го грянула война, а на следующий день уже прилетели фашисты.

И тем не менее, отбив первые воздушные атаки немцев и собрав свои скромные пожитки, лейтенанты двинули в войска. Там теперь они были как никогда нужны. Ведь их не призвали откуда-то с гражданки, из запаса, они — кадровые офицеры. Значит, на вес золота.

Вскоре после прибытия в 298-ю стрелковую дивизию к ним приехали офицеры из штаба армии. Отбирали командиров в разведывательный батальон. Отобрали и его. Но командир полка встал грудью: лейтенант Иванов, кадровый офицер, выпускник военного училища. Кадрового не отдам. Иначе с кем воевать буду.

Так Василий не попал в разведку. Остался в пехоте командиром пулеметного взвода. А взвод у него был знатный. Не только потому, что пулеметчики — это сила. Бойцами был крепок его взвод. Он-то в сравнении со своими солдатами мальчишка. А они мужики серьезные,

рассудительные, по возрасту кому под сорок, кому и того больше. Большинство москвичи, и главное, считай, одна семья. Работали в столице в одной сапожной мастерской, так в полном составе и ушли на фронт.

Как-то говорят ему с укором: «Товарищ лейтенант, ну что это у вас за сапоги?» Оглядел сапоги: да уж, обувь не модельная, кирзачи и есть кирзачи. Только что тут поделаешь, такие выдали. А они: «Не волнуйтесь, скидывайте бахилы, мы над ними маленько поколдуем». И через пару дней возвращают обувь. Василий не узнал свои сапоги — по ноге подогнаны, голенища ушиты, одним словом, игрушки да и только.

На первом же построении эту красоту узрел командир полка майор Ковалев. После развода подозвал к себе лейтенанта.

— Иванов, а скажи-ка мне, откуда у тебя такие сапожки? Сравни... — И он выставил вперед ногу. — Вот такие говнотопы носит комполка, а этакие комвзвода. Справедливо?

Пришлось признать несправедливость такого положения и поговорить со своими сапожниками. Вскоре и командир полка уже щеголял в красивых сапогах.

...А дивизия не вылезала из боев. Она находилась в резерве Верховного Главнокомандующего, и ее то и дело перебрасывали с одного участка фронта на другой.

Первый бой в составе соединения комвзвода Иванов принял у города Жуковка, что на Брянщине. Тогда немцы прорвали нашу оборону, и 298-ю бросили, чтобы заткнуть брешь. Были тяжелые бои.

После этого дивизию передислоцировали на север Сумской области, в район населенного пункта Середина Буда. Вновь бои, ожесточенные, кровавые.

Батальон, в котором воевал лейтенант Василий Иванов со своим пулеметным взводом, размещался у села Шатрици. А в самом селе размещались немцы. Между позициями пролегла лощинка, по дну которой протекал ручей.

Фашисты, захватив село, обустроились неплохо. Каждый вечер они разбирали, раскатывали на бревна дом, жгли большой костер, готовили пищу. А наши бойцы в лесу, что называется, голодные, холодные... Смотрят, как греются да жируют немцы.

Первыми не выдержали нервы у молодых лейтенантов. Шесть офицеров без разрешения командования на свой страх и риск решили сделать вылазку и наказать фашистов.

У троих лейтенантов были пистолеты-пулеметы Дегтярева, только появившиеся на вооружении, у остальных винтовки.

Ночью пробрались по лощине к селу, подползли поближе к немцам. Выждали, пока их побольше соберется у костра, и открыли внезапный огонь. Заметались фашисты в панике. На фоне огромного костра они словно мишени в кино. Перебили их там немало. И быстро отошли. Немцы вдогонку открыли минометный обстрел. Одна из мин разорвалась недалеко от комвзвода Иванова, и осколок пробил каску. Выходит удачно пробил.

Вот тогда военврач и сказал, оглядев его:

— Праздник у тебя сегодня.

«Да уж, есть повод повеселиться», — подумал лейтенант, нащупав в кармане гимнастерки холодную сталь осколка. Василий вытащил осколок, подкинул на ладони и зашвырнул его подальше в лес, в темноту, чтоб не было подобных поводов для веселья. И пошел спать. Наутро предстоял новый бой.

* * *

Батальон перешел в наступление. Приказ был прост: выбить немцев из деревни Шатрищи.

Только вот выполнить его оказалось непросто. Немцы встретили их сильным огнем. Взвод залег, открыл ответную стрельбу. Иванов видел, как из-за бугорка фашист ведет прицельный огонь по нашим бойцам, не дает подняться наступающим. Он выбрал удобную позицию и дал очередь по стрелку. Немец замолчал.

В это время лейтенант не столько увидел, сколько почувствовал, как слева, из-за укрытия, в него выстрелил фашист. Пуля по касательной пробила грудь и ударила в руку. Рука опала, как плеть.

Его подобрала санитары, вытащили с поля боя, перевязали. Василий храбрился, пытался идти сам, не позволили, уложили и повезли. В тот миг лейтенант еще не осознавал, что серьезно ранен...

А везли его через Старый Оскол, на Курск, потом на Воронеж, конечный пункт город Ртищево Саратовской области. Там сделали операцию, и с конца сентября на госпитальной койке он провалялся до декабря. Выписался и был направлен в 19-ю запасную бригаду, которая располагалась недалеко от Саратова, в населенном пункте Татищево.

Чем занималась запасная бригада? Знамо чем. Формировала подразделения, так называемые маршевые роты для отправки на фронт. Это делал и лейтенант Иванов. Формировал и просился в действующую армию. Роты уходили, а он оставался, формировал, и вновь просился. В феврале

1942 года его, наконец, услышали, дали роту в 100 человек, политрука в помощники и отправили в Калугу.

А тогда по всем руководящим документам командир и политрук маршевой роты после доставки подразделения на фронт должны были вернуться в запасную бригаду и доложить о выполнении задачи.

Однако фронт есть фронт. Уже практически сдав роту, лейтенант Иванов попадает под обстрел в районе населенного пункта Дядьково, что в Калужской области. Ранение в ногу, снова госпиталь, по выписке он опять возвращается в свою 19-ю запасную бригаду. Переучивает тыловых офицеров-финансистов, кадровиков, интендантов. Стараются подготовить из них строевых офицеров. Что делать, на фронте катастрофически не хватает командиров.

Однако вскоре ему поручают сформировать роту в составе шести взводов, по численности 254 человека! Как шутили в бригаде, доверили тебе, Василий Иванович, создать не простую, а «гвардейскую роту».

Приказано — сделано. В мае 1942 года рота была готова к отправке на фронт. Однако куда ее отправят, не знал даже командир роты.

Повезли на юг. Когда проехали Краснодар, у железнодорожников удалось выведать — путь их эшелона лежит в Керчь.

Однако до конечного пункта доехать не успели, наши сдали Керчь. Прошло несколько дней, и «гвардейскую роту» Иванова перебрасывают в Новороссийск. Там в порту грузят на пароход «Абхазия». Морем, ночью они идут в Севастополь.

До Севастополя дошли благополучно, а в порту попали под страшную бомбежку. Лейтенант Иванов получил приказ доставить роту в 140-й полк. По дороге их непрерывно бомбили, появились раненые, убитые. Здесь лейтенант Иванов получил свое третье ранение. Однако подразделение было доставлено в расположение полка.

Его эвакуировали вместе с другими ранеными на лидере «Ташкент» из Севастополя назад в Новороссийск. Весь день с раннего утра до вечера шли под бомбежкой. То бомба справа, то бомба слева. Лидер маневрирует, уходит, бомбы рвутся за бортом, а раненые лежат прямо на палубе. К счастью, ни одна из бомб не попала в корабль.

Из Новороссийска Иванова везли через Сталинград, Тамбов, а когда выехали на Саратовскую дорогу, он сумел улизнуть из санитарной колонны и вновь добрался до своего госпиталя. Там только руками развели: везет же тебе, Василий, третье ранение.

Подлечившись, он вновь явился в свою запасную бригаду.

На сей раз его вызвали в штаб бригады и направили в Саратов, в штаб

округа. Приказали явиться к капитану Леонову.

Явился. Представился. Леонов долго расспрашивал его о родителях, учебе в школе, братьях-сестрах, обучении в военном училище, фронтовых делах, потом предложил:

— Не хотите, лейтенант, поехать на учебу? Тем более вы после ранения, выздоравливающий.

— Учиться я всегда готов, товарищ капитан, — ответил Иванов.

Так он попал в Казань, куда из Москвы был переведен разведфакультет академии им. М. В. Фрунзе. Вскоре факультет преобразовали в Высшую спецшколу Генерального штаба. Василий Иванов стал слушателем этой спецшколы.

* * *

В 1943-м Высшую спецшколу возвращают в Москву, расквартировывают в Филях. Учеба идет до конца года, потом слушателям сообщают: предстоит продолжить образование и в следующем 1944 году. Вот тут начались возмущения, протесты, рапорта. Мол, забирали на краткосрочные курсы, а учимся уже третий год.

Командование школы как могло вразумляло самых горячих, но мер никаких не предпринимало, ведь офицеры рвались не на курорт, а на фронт.

В конце 1944 года, к всеобщей радости, слушатели сдали госэкзамены. Василия Иванова распределили на 3-й Белорусский фронт, в разведотдел штаба.

Однако доехать до фронта не удалось. На границе с Литвой в вагон вошли несколько офицеров, представились, назвали шесть фамилий, в том числе и Иванова. Приказали покинуть поезд и отправиться обратно в Москву.

В столице капитан Василий Иванов получил новое назначение — в штаб Дальневосточного военного округа.

Объяснили это просто — здесь война уже походит к концу, а там, на Востоке нужны образованные, опытные офицеры. Что ж, нужны так нужны.

Погрузка в эшелон, двадцать дней в пути, и здравствуй, город Хабаровск. Столица Дальнего Востока встретила их крепким морозом. Пришлось московские щегольские офицерские сапоги спрятать подальше и утеплиться по-настоящему.

Капитан Василий Иванов был назначен помощником начальника

отделения войсковой разведки штаба округа. Изучали они дислокацию японской армии, ее вооружение, штатную структуру, готовили войсковых разведчиков, в том числе и бойцов 88-й китайско-корейской бригады.

Это необычное соединение подчинялось разведотделу округа, и офицеры штаба ДВО постоянно выезжали в части и подразделения бригады, проводили там занятия, обучали китайских и корейских командиров и бойцов всему тому, что необходимо на войне.

Бригада эта была сформирована из китайских и корейских партизан, бежавших от японских карателей на нашу территорию. Ее существование держалось в большом секрете. Да и до сих пор мало что известно. А ведь из состава бригады вышло много будущих руководителей, военачальников Китая и Кореи. Одним из батальонов командовал капитан Ким Чен Ир, будущий руководитель Северной Кореи.

Все командиры и бойцы 88-й бригады с началом боевых действий против японских милитаристов рвались в бой. Но их не пускали. Держали как резерв для создания местных органов власти.

За месяц до начала войны Василия Иванова направили в войска 35-й армии, а точнее в 265-ю дивизию, которая непосредственно готовилась к боевым действиям. С частями этой дивизии Василий Иванов и прошел дорогами своей второй войны.

После победы пять лет служил на Сахалине, в войсковой разведке. объездил Курилы, Камчатку, Чукотку. Всюду обучал разведчиков.

В 1950 году заменился в Прибалтийский военный округ, в Ригу. Занимался не только практической деятельностью, но и написал научно-теоретическую работу: «Разведка в противодесантной операции».

В разведуправлении штаба округа, а потом в ГРУ в Москве работа понравилась, ее издали отдельной книгой, разумеется, под грифом «Секретно». А автору предложили поступить в военно-дипломатическую академию.

Летом 1952 года, сдав экзамены, подполковник Василий Иванов стал слушателем академии. Был назначен командиром 1-й группы, состоявшей полностью из офицеров-фронтовиков. В его группе учились два Героя Советского Союза.

По выпуску Василия Ивановича назначают в ГРУ на должность офицера 4-го восточного управления.

В 1957 году было принято решение о формировании аппарата военного атташе при Посольстве СССР в Бирме. Атташе становится полковник Стрыгин, а Василий Иванов, утвержден его помощником и одновременно переводчиком.

Отправляясь в свою первую зарубежную командировку, Иванов и не подозревал, сколь сложной и беспокойной будет его работа в Бирме.

Во-первых, он только начинал деятельность в стратегической разведке. Опыт фронтового разведчика у него был богатый, но, увы, это несколько иной опыт. Ведь условия работы в чужой стране совсем другие, нежели на собственной территории.

К тому же он попал в Бирму в довольно беспокойное время. Один государственный переворот, второй. Обострение обстановки в стране. Активизация американских спецслужб. Ухудшение советско-бирманских отношений.

К тому же, случилось несчастье с военным атташе. Тот оказался серьезно болен. Пришлось его срочно эвакуировать на самолете через Китай в Советский Союз.

После эвакуации атташе на эту высокую и ответственную должность был назначен он, Василий Иванов.

* * *

Судьба разведчика такова, что он всегда ходит по лезвию ножа. Василий Иванович до сих пор помнит одну из своих агентурных операций. Казалось бы, ничего сложного: выйти на агента, связь с которым в последние годы была приостановлена, работа «законсервирована», возобновить отношения, активизировать его деятельность.

А источник — ценный, сотрудник Министерства иностранных дел. Через него следовало добыть информацию о намерениях американцев.

Агента он лично не знал, только по фотографии. Определить нелегко. Для европейца азиаты словно все на одно лицо. Это потом, проработав не один год в азиатских странах, Василий Иванович научится различать разрез глаз, форму носа, тембры голоса бирманцев, корейцев, китайцев, а тогда, на первых порах, было не просто. И, тем не менее, он вычислил агента. Изучил маршрут его движения, встретил на улице, прошел мимо него раз, второй. Наконец выбрал день, время, место для решающей встречи. Догнал его и, обгоняя, произнес пароль. На английском языке. Бирманец ответил, правда, невнятно, неразборчиво, но назвал отзв.

Василий Иванов назначил встречу на завтра, в одном из районов Рангуна — столицы Бирмы. Казалось бы, дело оставалось за малым: забрать агента, посадить в машину, вывезти в нужное место.

Поначалу так, собственно, и произошло. Иванов подъехал на машине,

подхватил по дороге агента, и в путь. Но не тут-то было. Свернув на одну из улиц, он попал в ловушку. Дорога оказалась перекрыта бирманскими военными.

Еще час назад проезд по ней был свободен. Он проверял сам. Но жизнь внесла свои коррективы: в стране — государственный переворот, в столице — военное положение. И полиция, военные неожиданно перекрывают то одну, то другую улицы, проверяют документы.

Так оказалось и на сей раз. Что делать? Ведь бирманский сотрудник МИДа в машине советского военного дипломата — это явный провал. Поворачивать назад — безумие. Расстояние до армейского поста метров сто, не более, все на виду. Высаживать агента тоже нельзя. Его тут же схватят.

Иванов продолжает ехать прямо. Впереди вереница машин, у водителей которых проверяют документы. Василий Иванов пристраивает свой автомобиль в хвост очереди. К нему подходит солдат. Полковник вытаскивает свою дипломатическую карточку. Она на английском языке. Военнослужащий вертит ее так и этак. Видно, он не знает английского. Смотрит то на человека за рулем, то на карточку, потом зовет офицера, который проверяет впереди стоящие машины.

«С офицером может так не повезти», — понимает Василий Иванов. Он выхватывает из рук солдата свою карточку и едет вперед. Солдат растерянно молчит. Иванов добавляет газу, двигается быстрее. В зеркало заднего вида замечает: его никто не пытается остановить. А вот и спасительный перекресток, поворот — и военный патруль остается за углом.

Внешне Василий Иванов спокоен и только правая нога на педали газа почему-то нервно затряслась. Он затормозил, дождался, пока прошла нервная дрожь, и двинул дальше.

«А ведь работа, по существу, еще не начиналась, — подумал атташе. — Мы только ехали, чтобы начать ее. Могли и не доехать». Полковник Иванов и его источник были в шаге от провала.

В 1960-м заканчивалась командировка в Бирму. В начале года в Рангун прибыла высокая государственная делегация Советского Союза во главе с первым секретарем ЦК КПСС Н. С. Хрущевым.

У Василия Иванова до сих пор сохранилось фото, на котором он здоровается за руку с Никитой Хрущевым. Кстати, с этой фотографией произошла занимательная история.

В отпуске Иванов приобрел себе автомобиль «Волгу». В ту пору подобные машины просто так в магазине не продавались. И досталась она

Иванову как своего рода поощрение за успешную службу за рубежом.

Словом, купил он «Волгу» и перегнал ее из Москвы в Кудепсту. Там жили родители жены, был гараж. Поставили машину в гараж, а когда отпуск закончился, Василий Иванов с супругой уехали обратно в Бирму.

Теща машину берегла, холила, пыль протирала, и вот однажды, открыв гараж, чуть не лишилась чувств: «Волга» на месте, а колес — нет. Все закрыто, никакого тебе взлома, но колеса исчезли. Разумеется, заявили в милицию. Те пришли, посмотрели, составили протокол: будем искать. Время идет, милиция ищет, а колес как не было, так и нет.

Однажды появился милиционер в квартиру к тестю-теще, чтобы в очередной раз обрадовать: мол, пропажа не найдена. И вдруг опытный глаз блюстителя закона среди других фото на стене выхватил необычную фотокарточку:

— А чего это у вас тут Никита Сергеевич висит? — спрашивает он.

— Да вот, с моим зятем здороваюсь, — хитро отвечает теща.

Милиционер внимательно еще раз рассмотрел фотографию и, не вымолвив ни слова, ушел из квартиры.

А через два дня привезли колеса, все четыре, родные от «Волги» Иванова.

Вот так помогла фотография Василию Ивановичу. Что ж, как говорят, и на том спасибо.

* * *

После возвращения из Бирмы Иванова оставили в центральном аппарате ГРУ в управлении информации по Юго-Восточной Азии. Однако долго он в Москве не задержался.

Как-то начальник отдела говорит:

— Василий Иванович, шеф тебя хочет видеть.

А шефом информации тогда был генерал Кореневский.

— Есть решение направить вас военным атташе в Эфиопию, — сказал генерал. — Идите в кадры, там все расскажут.

В кадрах повторили то же.

— Но у меня и двух лет не прошло с предыдущей командировки.

— Надо, Василий Иванович, — сказал замначальника управления кадров. — Подумайте, посоветуйтесь с женой. Если согласны, на сборы вам неделя.

— Как неделя? Это же новая для меня страна.

Кадровик только руками развел и поднял глаза вверх: мол, решение принято там, наверху.

В общем, согласие Иванов дал. На подготовку, к счастью, не неделя, месяц получился.

Что собой в ту пору представляла Эфиопия? Страна, конечно, слаборазвитая, но исторически у России, а потом и у Советского Союза отношения с ней сложились дружественные.

Наряду с исламом действует эфиопская православная церковь. Многие эфиопские офицеры учились в наших училищах, академиях. СССР вел строительство на территории Эфиопии. Отношения с министерством обороны также удалось наладить.

Разведработы против Эфиопии наша военная разведка не вела, но интересы свои отстаивала, поскольку рядом всегда находились наши заклятые друзья — американцы. А они уж не упускали случая, чтобы навредить советским.

Были и другие заботы, дела, заморочки, которые, разумеется, к разведке никакого отношения не имели, но полковник Василий Иванов, как военный, военно-морской и военно-воздушный атташе вынужден был ими заниматься.

Так, император Эфиопии как командующий военно-морских сил страны ежегодно приглашал и принимал у себя советский военный корабль. Это был большой праздник для Адисс-Абебы. Гремел оркестр, наших моряков восторженно приветствовали жители столицы. Император всегда лично посещал наш корабль, любил концерты, которые устраивали моряки.

Однако в 1968 году праздник был омрачен побегом нашего моряка с борта корабля. Эсминец стоял у пирса, и матрос дал деру. Часовой видел побег, но стрелять не решился, а беглец тем временем скрылся.

Самое неприятное, что случилось это в день отхода корабля. Военный атташе вместе с помощником выехали, чтобы проводить корабль, но видят в городе матросы. Почуввав неладное, двинули быстрее на пирс. Командир корабля так и огорошил:

— Товарищ полковник, у нас беглец. Я отправил в город несколько групп на поиск, но нам уже пора отходить.

— Всех возвращайте, отходите по графику, как положено, мы это дело берем на себя, — успокоил командира Иванов.

А сам поехал к заместителю главкома военно-морских сил Эфиопии, кстати, внуку императора. Переговорил, просил оказать помощь. Потом отправился к Главкому ВМФ адмиралу флота Советского Союза Горшкову.

Он в составе делегации прибыл в Эфиопию и находился на территории военно-морской базы.

Было раннее утро. Порученец, завидев атташе, грудью встал на защиту начальника.

— Адмирал Горшков еще отдыхает, к нему нельзя.

Иванов, тем не менее, открыл дверь в покои Горшкова. Тот уже проснулся:

— Что случилось?

Атташе рассказал о беглеце, о том, что корабль пришлось отправить, а сам он уже побывал у эфиопского заместителя главкома ВМС.

— Хорошо, — сказал адмирал. — Передайте ему мою просьбу оказать помощь.

Назавтра беглеца нашли. Он оказался молодым матросом, призванным всего полгода назад. Службу нес в кочегарке, а там жара страшная, вот и не выдержал «тягот и лишений».

Однако найти-то его нашли, а как отправить на корабль? Договорились с руководством ВМС Эфиопии и отвезли на катере.

Вот и такими вопросами приходилось заниматься военному атташе.

Но тут еще полбедеды, офицеры, матросы, люди военные, а если взбунтуются женщины... Какие женщины, спросите вы? Наши, советские, например, с гидрографического судна ВМФ.

В 1967 году наше гидрографическое судно находилось в Индийском океане. На обратном пути вошли в Красное море, да тут началась пятидневная война между Израилем и арабами. Суэцкий канал закрыли. И как теперь попасть в родной Севастополь? А все ресурсы на судне — топливо, питание, вода были строго рассчитаны на определенные дни возвращения. А вместо возвращения — дрейф в Красном море.

О таком положении гидрографы сообщили в Севастополь, оттуда телеграмма в Главный штаб ВМФ, а из Москвы — в Адисс-Абебу — секретная депеша: военному атташе полковнику Иванову обратиться в главный штаб эфиопской армии, договориться о поставке на судно топлива, воды, пищи, а главное — провести беседу с личным составом судна, успокоить их. А там полэкипажа — женщины, которые несколько месяцев без берега, без семьи, без мужей.

Василий Иванович еще молодым лейтенантом узнал, что означает в таком положении беседовать с женщинами. В 1942 году, когда ехал он со своей маршевой ротой на юг, был назначен начальником эшелона. На Кубани остановились. Женщины, кубанские казачки окружили вагон:

— Дай начальник, солдатиков хоть на часок...

Сначала просили, потом на приступ пошли. Караульные едва солдат успевали оттаскивать от разъяренных баб. Тогда он еще подумал про себя: «Вот он, трибунал мой, разбегутся солдаты, ищи их потом по хатам, теплым постелям, под боком у казачек».

К счастью, эшелон вскоре тронулся в путь. Иначе несдобровать бы ему.

Теперь вот опять через двадцать с лишним лет уговаривать подобных казачек. Но приказ есть приказ. А человек он военный. Первым делом поехал в эфиопское минобороны, потом — на военно-морскую базу. Местные моряки выделили топливо, воду, питание. Встретился с экипажем судна. В основном солировали женщины. Они хотели к семье, домой, к мужу, детям. Выслушал. Объяснил, что топливом вскоре заправят, продукты загрузят, и отправится судно в обход Африки, по Индийскому, Атлантическому океанам, домой. Другого пути нет.

Экипаж согласился с доводами военного атташе, успокоились и женщины.

Так что забот у военного атташе СССР в Эфиопии было достаточно.

* * *

В 1967-м командировка полковника Василий Иванова успешно завершилась. Он возвратился в Москву, в центральный аппарат ГРУ.

После двух зарубежных поездок теплилась надежда, что теперь подольше задержится на Родине, поработает в Центре, тем более опыта ему было не занимать. Но жизнь распорядилась иначе.

В 1970 году Василия Ивановича направили в Китай. С уверенностью можно сказать, в тот период не было более опасного и беспокойного места для наших дипломатов.

После событий на острове Даманский, и без того сложные отношения между Китаем и Советским Союзом резко обострились. Страну покинули семьи наших дипломатов. Во время отправки, на аэродроме сотрудники посольств различных стран устроили живой коридор, по которому проходили жены и дети советских дипломатов, укрываясь от беснующейся толпы китайцев. Многие дипломаты проявили большое мужество, спасая своих коллег из СССР.

Так, французский посол, сам рискуя попасть под удары, тоже стоял в оцеплении.

В этот день был жестоко избит военный атташе Советского Союза.

В Центр из Китая каждый день приходили сообщения одно тревожнее другого. Василий Иванович читал эти материалы и прекрасно осознавал всю сложность обстановки. Только вот не догадывался, что вскоре именно ему предложат возглавить аппарат военного атташе при посольстве СССР в Пекине.

Однако за год до этого будет у него командировка, по времени непродолжительная, но очень напряженная, ответственная и запомнившаяся на всю жизнь.

Василий Иванович оказался первым советским представителем, разумеется, неофициальным, который встретился с молодым лидером ливийской революции Муамаром Каддафи через несколько дней после его прихода к власти.

* * *

1 сентября 1969 года в Ливии произошел военный переворот. Он стал большой неожиданностью для США и Великобритании. Хотя американские и английские войска размещались на ливийской территории не один год, и их спецслужбы, казалось, держали все под контролем, в первый день осени подразделения ливийской армии без особого сопротивления захватили важнейшие правительственные учреждения, военные объекты и места расположения сил национальной безопасности и полиции.

Король Идрис I был свергнут и провозглашена Ливийская Арабская Республика.

«Полностью захваченный врасплох дипломатический мир, — напишет потом известный ливийский историограф Ф. Мускат, — с напряжением и нетерпением хотел узнать, кто будет новым руководителем... и какой политике они будут следовать».

На подобные вопросы желали знать ответы и в Советском Союзе. Тем более что ответы эти были крайне важны для Москвы.

Ведь Соединенные Штаты Америки и Британия и после объявления Ливии независимым государством в 1952 году не собирались выпускать эту страну из своих цепких когтей.

Муамар Каддафи, выступая по случаю 1-й годовщины революции в 1970 году, так охарактеризует положение в Ливии: «Англия начала играть судьбой нашей страны, навязав нам марионеточную власть и провозгласив ложную независимость. Она посадила на престол своего ставленника,

который опирался на американские и английские военные базы».

В Москве хорошо помнили и так называемую «доктрину Эйзенхауэра», в которой президент США призывал поставить барьер «коммунистическому проникновению» на Ближний Восток и в Северную Африку. США были готовы помогать арабским странам, но в обмен на их отказ от связей с СССР.

«Доктрина» начала действовать в том же 1957 году. Осенью ливийское правительство разослало всем диппредставительствам ноту с требованием закрыть иностранные военные атташаты. В нем не было бы ничего необычного (в конечном итоге это право каждой страны держать на своей территории военные атташаты или нет), если бы не одно обстоятельство. Это требование напрямую действовало против СССР и Египта. Ибо другие страны, кроме Франции, не имели своих военных атташе в Ливии.

Так что Советский Союз не мог не воспользоваться открывшейся возможностью и не ответить должным образом на происки Соединенных Штатов. Правда, для Кремля и МИДа этот переворот тоже стал большой неожиданностью, и никто толком не мог сказать, кто эти молодые офицеры, захватившие власть в Триполи. Известно было, что руководителя восстания звали Муамар Каддафи, он достаточно молод, пользуется поддержкой в армии... И это, пожалуй, все.

Первой отреагировала военная разведка. В конце концов, их представителя двенадцать лет назад по указке США и Британии выбросили из Ливии. Не пора ли вернуться обратно?

Трудно сказать, такие ли далеко идущие планы преследовал в 1969 году начальник ГРУ генерал-полковник Петр Ивашутин. Но важно, что он не собирался сидеть сложа руки, даже если обстановка была не совсем ясна. И как показало время, оказался прав.

Уже 3 сентября, ранним утром, он вызвал к себе в кабинет начальника 2-го управления ГРУ генерал-лейтенанта Сеськина и замначальника африканского направления полковника Василия Иванова.

Главным исполнителем его замыслов должен стать Василий Иванович Иванов. Он знал регион, углубленно занимался им. Опыта зарубежной разведработы Иванову было не занимать. Работал военным атташе в Бирме, Эфиопии.

Выслушав доклад офицеров, генерал Ивашутин предложил присесть и сразу, как говорится, взял быка за рога.

— Ну что, Василий Иванович, в Ливии военный переворот...

Начальник разведки замолчал, явно предлагая продолжить Иванову.

— Да, переворот. Возглавили его молодые ливийские офицеры во

главе с Муамаром Каддафи...

Иванов так же, как и его начальник, оборвал фразу. Потом добавил:

— К сожалению, мы пока мало знаем о них.

— Вот именно, — подчеркнул руководитель военной разведки, — а надо знать как можно больше. Это очень важно сейчас.

И он добавил, глядя в упор на Иванова:

— Очень... Надо выезжать туда самым срочным образом. Там сейчас переполох. И англичане, и американцы в шоке. У них под носом свергли их ставленника. Но скоро они оправятся от удара и начнут действовать. Им легче, они рядом, а мы далеко.

Генерал Ивашутин встал со своего кресла, присел рядом с офицерами за приставным столом.

— Но это ровным счетом ничего не значит. Надо лететь в Триполи и постараться встретиться с Каддафи. Любым способом добраться до него. Предложить нашу помощь и учредить агташат.

Он поднялся, пожал руку Сеськину, потом Иванову:

— Остальные задачи поставят в МИДе и в ЦК. Справишься?

— Постараюсь справиться, товарищ генерал-полковник. Только вот жаль, с Каддафи я не знаком.

Начальник разведки развел руками и широко улыбнулся:

— Везучий ты человек, Василий Иванович, как раз познакомишься. Надеюсь, что сделаешь это раньше американцев.

— «Да, — подумал Иванов, — американцам только улицу перейти, а мне облететь полмира. Вот и попробуй, опереди их».

Спасибо, конечно, генералу Ивашутину за доброе слово и шутки, но Иванов, откровенно говоря, никак не мог прийти в себя. Как обухом по голове.

Он никогда не был в Ливии, не знает арабского языка. Пусть хоть и отдаленно, но представляет, что там творится после военного переворота. Границы, скорее всего, закрыты, связи нет. Даже если он каким-то образом проберется в Ливию, как ему попасть к Каддафи. Да и кто знает, какие взгляды исповедует этот новый руководитель страны, захочет ли видеть у себя представителя СССР.

Вопросов было много. В военной разведке на них, увы, ответить никто не мог. Василий Иванович надеялся на Министерство иностранных дел, на Центральный Комитет, но после бесед там понял: на Старой и Смоленской площадях о событиях в Ливии знают еще меньше.

Оставалось надеяться на свои силы. Разумеется, в МИДе ему обещали всяческое содействие наших послов в Египте, Алжире и даже в Ливии.

Только, судя по скудости мидовской информации, наш временный поверенный в Триполи был не совсем в курсе событий. Хотя, впрочем, это вполне объяснимо: переворот произошел всего каких-нибудь двое суток назад — прошло всего сорок восемь часов.

Прямого авиасообщения у СССР с Ливией в те годы не существовало, и потому Василий Иванович 4 сентября вылетел в Каир. Легенда была такова: полковник Иванов следует в Алжир по служебным делам, по дороге заезжает к своему фронтовому другу, который является военным атташе в Каире. Далее его путь лежит к месту назначения, но уже через Ливию. Таким образом, Иванов оказывается в Триполи, а там действует по обстановке.

Послу и военному атташе в Египте были даны указания обеспечить его скорейший вылет из Каира в Триполи.

Возможно, в другое время это и не составило бы труда. Из Египта постоянно летали самолеты в Ливию, и организовать визу для посольства было не проблема. На это и рассчитывали в Москве. Но не учли только одного: теперь в Ливии военное положение, и попытка советского консула получить визу для Иванова не увенчалась успехом. Страна закрыта для посещения иностранцев — ответили в ливийском посольстве в Каире.

5 сентября, утром, военный атташе Советского Союза в Египте надел форму, все ордена и медали, и при полном параде поехал в ливийское посольство. Добился встречи с послом. В цветах и красках рассказал легенду о захвавшем погостить фронтовом друге, которому уже завтра надо быть в Алжире.

Посол Ливии сказал, что хотел бы помочь советскому военному атташе, но, увы, не в силах. Таков приказ Триполи. Не солоно хлебавши атташе возвратился в посольство. Оставалось только ждать.

Василий Иванович вновь и вновь анализировал ситуацию, пытаясь найти выход. Выхода не было.

6 сентября рано утром в дверь гостиничного номера, где жил Иванов, постучали. На пороге стоял консул.

— Василий Иванович, — сказал он, — через два часа из каирского аэропорта летит самолет в Ливию, но не в столицу Триполи, а в Бенгази. Главное, вы попадете в Ливию, а там и до столицы доберетесь. Посол спрашивает, согласны ли вы лететь? Если да, собирайтесь, я жду вас внизу в машине.

Выбирать не приходилось. Через десяток минут консульская машина уже везла полковника в аэропорт. Конечно, будучи опытным сотрудником военной разведки, он понимал, что крепко рискует. По всем инструкциям

он должен был обо всем доложить в Москву, дожидаться указаний Центра. Только кому они нужны, эти указания? Ко времени их прихода в посольство самолет бы улетел, и другой такой оказии могло бы еще долго не подвернуться. Вот и жди тогда у моря погоды, с инструкцией за пазухой.

Однако дело не только в указаниях Центра. Уже в самолете он вспомнил: у него нет денег. В посольстве должны были выдать, да так и не успели.

Волновал вопрос и с визой. Ведь виза у него тоже отсутствовала. Так прямо с трапа можно и в тюрьму загреметь. Он представил, как это может выглядеть с ливийской стороны: иностранец, более того, советский полковник прибыл в страну, в которой только что произошел государственный переворот, введено военное положение. Более того, этот полковник пробрался нелегально, без визы.

Да, было о чем задуматься Василию Ивановичу, прежде чем он ступил на трап самолета. Полковник, конечно, не из робкого десятка, на фронте не раз смерти смотрел в лицо, однако, признаться, пережил несколько неприятных минут. Откровенно говоря, очень не хотелось оказаться в ливийской тюрьме по обвинению, скажем, в незаконном пересечении границы, или хуже того, в шпионаже.

Однако, к счастью, ничего подобного не случилось. В 10 часов утра самолет коснулся бетонки аэропорта в Бенгази. Иванов покинул борт и направился в здание вокзала. Навстречу ему шли ливийские военные, но никто не обратил на него внимания. Он пытался заговорить с ними на английском, но те уклонялись от общения, принимая его, видимо, за американца.

Василий Иванович вышел на площадь перед аэровокзалом, где стояло с десятков такси. Пытался взять машину, чтобы поехать в советское консульство, но никто из водителей не знал английского языка. В свою очередь, он не говорил на арабском. Пришлось просто сесть в такси и показать рукой: вперед! Водитель поехал. Они долго колесили по городу в поисках консульства. Вдруг на одной из улиц он увидел здание, а над ним развевался... английский флаг. Василий Иванович искренне порадовался британскому флагу. Значит, где-то здесь реет и красный, молоткосто-серпастый флаг его Родины. Так оно и произошло. Сначала показался флаг ФРГ, потом — советский.

Такси затормозило у ворот консульства Советского Союза в Бенгази, полковник вышел из машины и нажал кнопку звонка.

Через несколько минут на крыльцо вышел консул.

— Василий Иванович, — искренне удивился он, — каким вас ветром

занесло в наши края?

Всего какой-нибудь месяц назад они встречались в Москве, в Главном Разведуправлении, и консул никак не ожидал увидеть Иванова в Бенгази.

— Рассчитайся, пожалуйста, с таксистом, а потом я все объясню, — сказал полковник.

Вскоре гость поведал о своей миссии, дорожных злоключениях. Консул, в свою очередь, сообщил, что в Бенгази находится представительство МИД Ливии, и он доложит о прибытии Иванова, постарается оформить транзитную визу.

Ждать пришлось недолго. Вскоре в ответ на звонок консула из представительства ливийского МИДа сообщили: в Бенгази находится Абдель Салам Джеллуд (второй человек после Каддафи, член Совета революционного командования, в последующем министр правительства), и он через два часа приглашает Иванова на встречу.

К назначенному времени Василий Иванович вместе с консулом, который владел арабским языком, прибыл в назначенное место, в гостиницу. Их встретил ливийский офицер и проводил в холл. Вскоре к ним вышел Джеллуд.

Иванов приветствовал новое руководство и сказал, что через несколько дней будет в Москве и готов доложить руководству Министерства обороны СССР, какую помощь хотела бы получить Ливия.

Джеллуд ответил благодарностью, но сообщил, что по поводу помощи ему все скажет лично Муамар Каддафи, который примет советского представителя в Триполи. Он же хотел попросить от Советского Союза официального признания палестинского движения. И добавил, что готов устроить встречу с палестинцами сегодня.

Непростые загадки задал Иванову Абдель Салам Джеллуд. А ведь в ходе многочисленных инструктажей в Москве никто ни в МИДе, ни в ЦК и словом не обмолвился о палестинцах. Как поступить? Ведь в ту пору Советский Союз еще не признал палестинское движение.

Пришлось поблагодарить Джеллуда за оказанное доверие, но от встречи с палестинцами отказаться, сославшись на неофициальный характер своей миссии. К счастью, Джеллуд не настаивал.

На том, собственно, и расстались. Джеллуд пригласил Василия Ивановича на следующий день лететь в Триполи вместе с ним на его самолете.

7 сентября в середине дня Иванов был уже в Триполи. Его встретил временный поверенный в делах СССР Юрий Мешков. Они встретились, как старые знакомые. Василий Иванович знал Мешкова еще по работе в

посольстве Советского Союза в Эфиопии, где тот служил 1-м секретарем, а Иванов — военным атташе.

9 сентября из МИДа Ливии сообщили, что Каддафи примет советского представителя в ближайшие дни.

Этот ближайший день наступил 11 сентября. Утром пришла машина. Полковник Иванов предложил Мешкову ехать с ним. Временный поверенный колебался. И, действительно, пригласили ведь только гостя из Москвы. Однако Василий Иванович настаивал, убеждая Мешкова в желательности знакомства с Каддафи, с которым впоследствии посольству придется работать.

Интуиция не изменила полковнику Иванову и на этот раз.

Мешков не исключал тот вариант, что при посадке в автомобиль ему могут отказать. Все-таки договорились попытаться счастья: к машине спустились Иванов, Мешков, в сопровождении посольского переводчика.

Сопровождавший их ливийский офицер не возражал. Так втроем они и были доставлены в здание радиостанции, располагавшейся на окраине Триполи.

Их проводили в небольшую комнату, где стоял коктейльный столик и четыре кресла. Офицер извинился, сказав, что Каддафи очень занят, и у него для беседы будет всего четверть часа.

Столько перелетов, переездов, сложностей, волнений, — и всего 15 минут. Да что тут скажешь, тем более при переводе с арабского. Решили, что Василий Иванович коротко поздравит Каддафи, пожелает дальнейших успехов, скажет о неофициальном характере своей миссии и спросит, что сообщить в Москве? Желает ли Ливия получить помощь и какую? Ах да, и просить учредить в Триполи аппарат военного атташе.

...Муамар Каддафи вошел в комнату с автоматом Калашникова. Его никто не сопровождал. Он был одет в военную форму без знаков различия. Поздоровавшись, сел в кресло, автомат поставил перед собой.

Началась беседа. По поводу помощи Каддафи сказал, что сейчас новое руководство крайне занято внутренними проблемами, но вскоре обратится и к вопросам международным. Тогда и определимся. Но за предложение помощи большое спасибо.

Прошло четверть часа. Приоткрылась дверь, выглянул офицер. Каддафи махнул рукой. Дверь закрылась.

Иванов предложил обменяться аппаратами военных атташе, чтобы успешнее сотрудничать по военной линии. Каддафи согласился и обещал рассмотреть вопрос в ближайшее время.

Минуло еще 15 минут. Дверь вновь открылась. Легкий взмах руки

председателя Совета революционного командования, и беседа продолжилась.

Таким образом, переговоры длились 45 минут. Полковнику Иванову удалось обсудить все вопросы, которые он планировал предложить к рассмотрению.

В конце беседы Василий Иванович попросил сохранить конфиденциальность их беседы, сославшись на то, что он лицо неофициальное, был здесь по пути следования из Египта в Алжир.

Каддафи согласился.

Уже простившись, председатель Совета поднял автомат:

— Знаете, что это такое?

— Еще бы, — с гордостью сказал Иванов, — это наш знаменитый «калашников», только ведь мы его не поставляли в Ливию, откуда он у вас?

Каддафи улыбнулся. Видимо, он неспроста пришел на встречу с советскими представителями с автоматом Калашникова.

— Это нам подарили иракские друзья!

«Так вот откуда ветер дует, — подумал про себя Иванов, — а в Москве многие считают, что помогали Каддафи египтяне. Оказывается, иракцы. Весьма важная информация».

После встречи с Каддафи, по возвращению в посольство Василий Иванов и Юрий Мешков направили шифровки в ЦК КПСС, в МИД и в Министерство обороны. Они оба подчеркнули, что просили Каддафи сохранить в секрете их встречу.

Однако получилось иначе. На следующее утро газета «Ар-Риад» вышла с броским заголовком: «Специальный посланник министра обороны СССР поздравляет Совет революционного командования».

Далее в статье сообщалось, что «полковник Василий Иванов, специальный посланник министра обороны, посетил Совет революционного командования в Триполи и выразил поздравления в связи с происшедшей революцией и провозглашением Ливийской Арабской Республики».

Совет революционного командования выразил советскому посланнику свою благодарность и признательность за чувства дружбы, которые связывают Советский Союз и арабов. СРК передал свои приветствия всему руководству и офицерам Советской Армии».

Это сообщение на страницах ливийской газеты не сулило ничего хорошего для полковника Василия Иванова. Ведь перед его полетом к Каддафи ему тщательно указывали на сохранение секретности встречи. А тут на тебе, он не успел еще покинуть пределы Ливии, а газеты раструбили

на весь мир «о специальном посланнике министра обороны СССР» и его поздравлениях СРК. Хорошо, что в качестве свидетеля рядом был временный поверенный в делах СССР Юрий Мешков. А если бы встреча состоялась с глазу на глаз? Так что правильно уговаривал Василий Иванович Юрия Мешкова поехать с ним к Каддафи.

...Через два дня полковник Иванов вылетел из Триполи в Тунис, оттуда в Алжир и уже потом в Москву.

17 сентября он предстал перед очами начальства — своего, генштабовского, мидовского и, разумеется, самого высокого, которое располагалось на Старой площади в ЦК КПСС.

Все благодарили за успешное выполнение задачи, не забыв при этом высказать сожаление об утечке информации в ливийские СМИ. Хотя в то же время соглашались, что Каддафи важно было раскрыть эту встречу. Подобная публикация укрепляла авторитет и положение СРК Ливии и, видимо, сдерживала силы, которые желали свержения Каддафи.

Правда, в ГРУ непосредственные начальники полковника Иванова были настроены не так благодушно. Их, в первую очередь, интересовало не газетное сообщение и утечка в СМИ, сколько решение Василия Ивановича без денег и визы вылететь из Каира в Бенгази, не поставив об этом в известность Центр.

Полет в страну, где произошел переворот и было введено военное положение, мог закончиться плачевно.

Оказывается, как стало известно позже, недовольство было высказано и посольству СССР в Египте за отправку Иванова из Каира в Бенгази без разрешения Центра.

Однако, в конечном итоге, здравый смысл восторжествовал, и полковника Василия Ивановича Иванова не наказали, а даже объявили благодарность.

* * *

В Китай, откровенно говоря, ехать не хотелось. Да и какому нормальному человеку захочется. Мы для Китая в ту пору были врагом номер один, да и он для нас не лучше. Это в тихой, спокойной, сонной бабушке Европе действовала дипломатическая неприкосновенность, а тут атташе ты или секретарь посольства, никому дела нет, вытащат из машины, и если уж не побьют, то наорут, заплуют, наговорят гадостей.

Такое случалось со многими дипломатами. И с военным атташе

полковником Василием Ивановым тоже. Поехали они как-то на машине в Цзянь Цзинь. Разумеется, получив предварительно разрешение китайского МИДа. На полдороге их машину останавливают, высаживают, и начинается спектакль — разгневанные хунвейбины, как черти из табакерки, беснуются вокруг них. Потом затолкнули всех в машину и отправили назад. Протест в Министерство иностранных дел ничего не дал. Там как всегда расписались в своей беспомощности, мол, гнев народа, что поделаешь.

Вот в такой обстановке и начал свою работу в Китае Василий Иванович. Сейчас о том безумном времени неприятно вспоминать, а полковнику в отставке Иванову в особенности. Он много лет после увольнения из армии работает в обществе российско-китайской дружбы, укрепляет совместные связи, очень любит эту страну, да и китайцы его боготворят, но, как говорят, слов из песни не выбросишь. Такое было.

Работалось невероятно трудно. Контрразведка у китайцев — сильная. Как шутили наши сотрудники атташата — обижаться не на кого, сами обучали китайцев и, судя по всему, обучали хорошо.

Слежку там обнаружить трудно. Людей много, в годы культурной революции все одеты одинаково.

Официальная китайская пресса была — газеты, журналы, цитатников Мао Цзедуна хоть завались, а вот, к примеру, центральную военную газеты КНА советским дипломатам не давали. Она открыта для всей страны, но только не для посольства СССР.

Повезло, что в тот период в Китай чрезвычайным и полномочным послом Советского Союза назначили Толстикова, бывшего первого секретаря Ленинградского обкома КПСС. Связи у него обширные — то известного певца Штоколова пригласит, то на посольском пруду хоккейный матч устроит. Вот и тянулись иностранные дипломаты в наше посольство, а это, в свою очередь, давало возможность более крепкого общения.

Да и к тому же в такой закрытой стране, со сложной внутренней и внешней общественно-политической обстановкой дипломаты невольно сплачивались, крепче держались друг друга, делились новостями, охотно заводили знакомства.

С китайцами советские дипломаты общались мало. Не потому, что не хотели мы, чаще они чурались этих отношений, боялись быть заподозренными в добрых чувствах к «советским ревизионистам».

Помнится, Василий Иванович все пытался найти китайцев, которые в конце 50-х — начале 60-х работали в атташате КНР в Бирме. Он хорошо их знал, дружил. Тогда они здорово сотрудничали, помогали друг другу.

На одном из приемов ему повезло, увидел китайца, тогдашнего

майора, помощника военного атташе. Китаец тоже узнал его. Поздоровались, конечно. Но поговорить толком не смогли. Их не оставили вдвоем. Рядом с бывшим помощником атташе неотступно следовали два человека. Охранники или соглядатаи? Кто знает...

* * *

Четыре года отработал советским военным атташе в Китае полковник Василий Иванов. По возвращении продолжал службу в ГРУ, одновременно являясь членом двух международных комиссий — советско-американской по ограничению торговли оружием в мире, и ооновской. Члены комиссии готовили Генеральному секретарю ООН ежегодный доклад: «Экономические и социальные последствия гонки вооружений в мире».

В 1979 году Василий Иванович уволился из Вооруженных Сил, но продолжал еще несколько лет трудиться в составе международной комиссии ООН. Ныне полковник Иванов — военный пенсионер, но его по-прежнему трудно застать дома. Он — заместитель председателя Общества российско-китайской дружбы. Много работает, собирает исторические материалы, пишет, публикуется в прессе.

Он по-прежнему служит. Честно и преданно служит своему Отечеству.

notes

Примечания

П. И. Берзин — уже упоминавшийся в первой части книги Берзин Ян Карлович (он же Павел Иванович). Настоящие фамилия и имя Кюзис Петерис; партийный псевдоним Папус. Начальник Разведупра РККА в 1924–1935 гг. и в июле — ноябре 1937 г. — *Примеч. ред.*